

Марк Туллий Цицерон

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

[Октябрь — декабрь 44 г.]

Книга I

(I, 1) Хотя ты, сын мой Марк¹, слушая Кратиппа уже в течение года и притом в Афинах, должен отлично знать наставления и положения философии и ввиду необычайного авторитета своего учителя, и ввиду [обаяния] этого города (первый может обогатить тебя знаниями, второй — примерами), все же, раз сам я, с пользой для себя, [интерес ко всему] латинскому всегда сочетал в себе [с интересом ко всему] греческому² и поступал так не только в философии, но и при упражнении в ораторском искусстве, то так же, по моему мнению, следует поступать и тебе, чтобы быть одинаково способным говорить на обоих языках. Именно в этом я, по-видимому, оказал своим соотечественникам большую помощь, так как не только люди, в греческой литературе несведущие, но и люди, ее изучившие, думают, что они кое-что приобрели и в отношении своего образования, и в отношении своей способности судить. (2) Поэтому ты будешь учиться у главы философов нашего поколения и учиться столько времени, сколько захочешь, а хотеть этого ты должен будешь, пока останешься удовлетворен своими успехами. Все же ты, читая мои сочинения, несколько расходящиеся со взглядами перипатетиков³, так как и они, и я хотим быть последователями Сократа и Платона, в этих вопросах будешь руководствоваться своим собственным суждением (ведь я вовсе не

препятствую тебе в этом); но латинскую речь свою ты, читая мои труды, конечно, обогатишь. При этом я вовсе не хочу, чтобы это мое высказывание сочли заносчивым. Ведь если я, уступая в знании философии многим людям, себе приписываю то, что свойственно оратору, — умение говорить к месту, точно и красно⁴, так как занятию этому я посвятил всю свою жизнь, то я, мне кажется, притязая на это, так сказать, по праву. (3) Поэтому настоятельно советую тебе, мой дорогой Цицерон, внимательно читать мои не только речи, но и книги по философии, которые теперь приобрели почти такое же значение. Сила слова в первых, правда, больше, но надо упражняться и в уравновешенном и умеренном роде речи. И я, право, не вижу, чтобы кому-нибудь из греков до настоящего времени удалось одновременно подвизаться на обоих поприщах и владеть и судебным красноречием, и умением спокойно рассуждать. К числу таких людей можно отнести разве только Деметрия Фалерского⁵, мастера тонко рассуждать, а оратора не особенно блестящего, но все-таки приятного, так что в нем можно узнать ученика Феофраста⁶. Что касается меня, то, насколько преуспел в обоих этих отношениях я, пусть судят другие; во всяком случае, я занимался и тем, и другим. (4) Лично я думаю, что Платон⁷, если бы захотел посвятить себя судебному красноречию, мог бы говорить весьма убедительно и с очень большим богатством языка, а Демосфен⁸, если бы он сохранил все то, чему научился у Платона, и пожелал это излагать, мог бы делать это красно и блистательно. Такого же мнения я об Аристотеле⁹ и об Исократе¹⁰; и тот и другой, увлеченные каждый своим занятием, с презрением отнеслись к другому.

(II) Но так как я решил написать кое-что для тебя в настоящее время и еще многое в будущем, хочу начать именно с того, что более всего соответствовало бы и твоему возрасту и моему авторитету. Ибо, хотя в философии многие важные и полезные вопросы были тщательно и подробно рассмотрены философами, широчайшее распространение, мне кажется, находит то, что они завещали и преподавали нам насчет обязанностей. Ведь ни одна сторона нашей жизни — ни дела государственные, ни частные, ни судебные, ни домашние, ни случай, когда ты ставишь вопрос перед самим собой, ни случай, когда ты заключаешь соглашение с ближним, — не может быть свободна от обязанности. И в служении ей вся нравственная красота жизни; в пренебрежении к ней позор. (5) И именно эти вопросы общи всем философам. И действительно, кто, не преподавая правил насчет обязанностей, осмелится называть себя философом? Но существуют учения, которые предложенными ими границами добра и зла уничтожают всякое понятие об обязанности¹¹. Ибо человек, определяющий высшее благо как нечто, не имеющее ничего общего с доблестью, и измеряющий его своими выгодами, а не его нравственной красотой, такой человек, если останется верен себе и не будет иногда уступать своей доброй натуре, не сможет служить ни дружбе, ни справедливости, ни щедрости. Но человек, считающий высшим злом боль, конечно, никак не может быть храбрым, а человек, признающий высшим благом наслаждение, — воздержным. (6) Хотя это настолько очевидно, что в рассмотрении не нуждается, я все-таки рассмотрел это в другом месте¹². Итак, школы эти, если бы они захотели оставаться последовательными, сказать об обязанности не смогли бы ничего; твердые, нерушимые и сообразные с природой наставления могут преподавать либо те люди, по чьему утверждению надо стремиться к одной только нравственной красоте, либо те, по чьему утверждению надо стремиться, главным образом, к ней ради нее самой¹³. Преподавание в таком духе свойственно стоикам, академикам и перипатетикам, так как учения Аристона, Пиррона и Эрилла уже давно отвергнуты¹⁴; однако философы эти были бы вправе рассуждать об обязанности, если бы они сохранили какую-либо возможность различать понятия, так что был бы доступ к открытию обязанности. Итак, я, во всяком случае, в настоящее время в этом вопросе следую преимущественно стоикам и притом не как их переводчик; нет, я, по своему обыкновению, буду черпать из этих источников по своему суждению и разумению, сколько и как найду нужным.

(7) Итак, раз все наше рассуждение будет об обязанности, я прежде всего нахожу нужным определить, что такое обязанность; то обстоятельство, что Панэтий пропустил это, меня

удивляет¹⁵. Ведь отправной точкой всякого последовательного изучения любого вопроса должно быть определение, дабы можно было понять, о чем именно рассуждают. (III) Всякое исследование об обязанности — двоякое: с одной стороны, оно имеет в виду предел добра¹⁶; с другой стороны, оно состоит в наставлениях, которыми мы могли бы во всем руководствоваться в повседневной жизни. Вот примеры, относящиеся к первой стороне вопроса: все ли обязанности "совершенны", может ли одна обязанность быть значительнее другой и какие обязанности одинаково важны? Что касается наставлений, преподаваемых насчет обязанностей, то, хотя они и относятся к пределу добра, это все-таки не проявляется, так как они, по-видимому, больше относятся к повседневной жизни. Вот о них-то мне и предстоит дать разъяснения в этих книгах.

(8) Но есть и другое деление понятия обязанности. Ведь говорят о, так сказать, "средней" обязанности и о "совершенной". "Совершенную" обязанность мы, думается мне, можем назвать прямой, так как греки называют ее *κατόρθωμα*, в то время как обыкновенную, которой мы здесь занимаемся, они называют *καθήκον*. Греки определяют их так: то, что является прямым, они определяют как "совершенную" обязанность; "средней" обязанностью они называют такую, исполнению которой можно дать вероятное объяснение¹⁷. (9) Таким образом, по мнению Панэтия, рассуждение о принятии решения бывает трояким. Ибо насчет того, прекрасен ли в нравственном отношении или позорен поступок, который становится предметом обсуждения, возможно сомневаться; при рассмотрении этого вопроса мнения часто противоположны. Но затем мы ставим перед собой и рассматриваем вопрос: благоприятствует ли предмет нашего рассуждения достатку и приятности нашей жизни, средствам нашего существования и богатствам, влиянию, могуществу — всему тому, чем люди могли бы помогать себе и своим близким? Это рассуждение целиком относится к вопросу о пользе. Третий вид сомнений — когда с нравственно-прекрасным, как нам кажется, борется то, что нам кажется полезным; ведь когда польза, как нам кажется, привлекает к себе, а нравственная красота, со своей стороны, призывает к себе, то это приводит к тому, что в нашей душе при рассуждении об этом появляется неуверенность, приносящая нам мучительные соображения за и против. (10) При этом делении, когда пропустить что-либо — величайшая ошибка, два обстоятельства были пропущены. Ведь обыкновенно рассуждают не только о том, прекрасен ли в нравственном отношении тот или иной поступок или позорен, но и о том, который из двух предстоящих нам прекрасных поступков более прекрасен; также и о том, который из двух предстоящих нам полезных поступков более полезен. И вот оказывается, что деление, которое Панэтий признал трояким, должно совершаться по пяти путям. Итак, первый из них относится к нравственно-прекрасному, но и он двоякий; далее, таким же образом надо будет рассмотреть вопрос о полезном, а после этого сравнить одно с другим.

(IV, 11) Прежде всего, каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, то есть свое тело, избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать и добывать себе все необходимое для жизни, как пропитание, пристанище и так далее. Общи всем живым существам стремление соединяться ради того, чтобы производить на свет потомство, и забота об этом потомстве. Но наибольшее различие между человеком и зверем состоит в том, что зверь передвигается настолько, насколько им движут его чувства, и приспособляется только к окружающим его условиям, очень мало думая о прошлом и о будущем. Напротив, человек, наделенный разумом, благодаря которому он усматривает последовательность между событиями, видит их причины, причем предшествующие события и как бы предтечи не ускользают от него; он сравнивает сходные явления и с настоящим тесно связывает будущее, с легкостью видит все течение своей жизни и подготавливает себе все необходимое, чтобы прожить. (12) Эта же природа силой разума сближает человека с человеком, имея в виду их общую речь и совместную жизнь, и прежде всего внушает ему, так сказать, особенную любовь к потомству, заставляет его желать, чтобы существовали объединения и скопления людей, в них участвовать и, с этими целями, стараться

приобретать все необходимое для своих удобств и существования, и притом не только для себя, но и для жены, детей и других людей, которых он любит и должен оберегать; такая забота воодушевляет людей и придает им силы для деятельности. (13) Человеку свойственна прежде всего склонность изучать и исследовать истину. И вот, когда мы свободны от неизбежных занятий и забот, мы хотим что-нибудь видеть, слышать, изучать и находим нужным — для того, чтобы жить счастливо, — познавать вещи либо скрытые от нас, либо изумительные¹⁸. Из этого возможно понять, что для человеческой природы более всего подходит все истинное, простое и искреннее. К этому желанию видеть истинное присоединяется стремление главенствовать, так что человек, хорошо одаренный от природы, соглашается повиноваться только человеку либо наставляющему, либо обучающему его, либо справедливо и законно повелевающему им для общей пользы; так возникают величие духа и презрение к делам человеческим. (14) И это совсем не малая сила его природы и разума — в том, что только одно это живое существо чувствует, что такое порядок, что такое подобающее, какова мера в поступках и высказываниях. И вот, никакое другое живое существо не воспринимает ни красоты, ни привлекательности, ни соразмерности частей всего того, что воспринимается взглядом; природа и разум, перенося это изображение от глаз к душе, находят нужным в гораздо большей степени сохранять красоту, стойкость и порядок в намерениях и поступках и стараются не допускать ничего некрасивого и развратного ни в помыслах, ни в поступках, — чтобы человек ничего не сделал и не задумал, будучи охвачен страстью. Из всего этого слагается и создается то, чего мы ищем, — нравственно-прекрасное, которое, даже если и не встретило всеобщего одобрения, все-таки в нравственном отношении прекрасно, и мы по справедливости называем это — даже если этого не прославляет никто — по его существу достойным прославления.

(V, 15) Ты видишь уже, сын мой Марк, очертания и как бы лицо нравственной красоты, "которое, будь оно видимо глазом, вызывало бы, — говорит Платон, — необычайную любовь к мудрости"¹⁹. Но все то, что прекрасно в нравственном отношении, происходит от одной из четырех основ; оно состоит либо в способности и искусстве видеть истину, либо в защите человеческого общества, в воздаянии каждому по его заслугам и в верности взятым на себя обязательствам, либо в величии и силе возвышенного и непобедимого духа, либо в порядке и мере, относящихся ко всему тому, что совершается и говорится; на этом зиждутся умеренность и воздержность. Хотя эти четыре основы связаны и переплетены между собою, все же из каждой из них возникают определенные виды обязанностей; так, в ту основу, которая была названа первой, в ту, к которой мы относим мудрость и дальновидность, входят исследование и открытие истины, и именно такая задача свойственна этой доблести. (16) В той мере, в какой каждый человек лучше всего различает, что в каждой вещи самое истинное, и в какой каждый способен отчетливее и быстрее других увидеть и объяснить ее значение, он по справедливости обыкновенно и считается дальновиднейшим и мудрейшим. Вот почему доблести этой подвластна истина, как бы материя, к которой она относится и среди которой находится. (17) На три другие доблести была возложена неременная задача создавать и оберегать все нужное для поддержания деятельной жизни, дабы сохранялись общество и объединение людей и выявлялись выдающиеся качества и величие души человека — как в увеличении средств и накоплении полезных вещей для него и его родных, так и, в гораздо большей степени, в презрении именно к этим средствам. Но порядок, стойкость, умеренность и подобные им качества относятся к области нравственной красоты, которая требует деятельности, а не одних только размышлений. И мы, соблюдая в повседневной жизни некоторую меру и порядок, сохраним свою нравственную красоту и все нам подобающее.

(VI, 18) Из четырех положений, на какие мы разделили сущность и смысл нравственной красоты, первое, состоящее в познании истины, более всего относится к человеческой природе. Ведь всех нас влечет к себе и ведет горячее желание познавать и изучать, и мы находим прекрасным превосходить других на этом поприще. Напротив, ошибаться,

заблуждаться, не знать, обманываться, как мы говорим, дурно и позорно²⁰. В этом роде деятельности, и естественном, и нравственно-прекрасном, надо избегать двух ошибок; первая состоит в том, что непознанное принимают за познанное и опрометчиво с этим соглашаются. Кто захочет избежать этой ошибки (хотеть этого должны все), тот затратит на рассмотрение тех или иных вопросов должное время и прилежание. (19) Другая ошибка состоит в том, что некоторые прилагают чересчур большое старание и чересчур много труда к познанию темных и трудных предметов, в то же время не нужных нам. Избегнув этих ошибок, мы по справедливости прославим труд и старания, которые будут приложены в вопросах нравственно-прекрасных и достойных познания. Например, как об астрологе мы слыхали о Гае Сульпиции²¹, как геометра мы сами знали Секста Помпея²²; многие известны нам в диалектике, еще большее число людей — в гражданском праве. Все эти науки направлены на исследование истины, но при изучении их отвлекаться от ведения дел противно долгу. Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности²³; но последнюю часто прерывают, и многим людям дается возможность вернуться к изучению; вот тогда умственная деятельность, никогда не знающая покоя, может сохранить нас верными занятиям по познанию даже и без усилий с нашей стороны. И тогда все помыслы наши и движения нашей души будут направлены либо на принятие решений о делах нравственно-прекрасных и относящихся к хорошей и счастливой жизни, либо на занятия, связанные с наукой и познанием. Итак, о первом источнике обязанности мы сказали.

(VII, 20) Из трех остальных самое широкое применение имеет положение, охватывающее узы между самими людьми и как бы общность их жизни. Это положение делится на два: на справедливость, в которой блеск доблести — величайший и на основании которой честные мужи и получают свое название, и на связанную с ней готовность творить добро, которую тоже допускается называть либо добротой, либо щедростью. Но первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием²⁴; затем — в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей. (21) Ведь частной собственности не бывает от природы. Она возникает либо на основании давнишней оккупации, например, если люди некогда пришли на свободные земли²⁵, либо в силу победы, например, если землей завладели посредством войны, либо на основании закона, соглашения, условия, жребия. Таким образом, Арпинская область называется принадлежащей арпинатам, Тускульская — принадлежащей тускуланцам, нечто подобное бывает и при распределении частных владений. Ввиду этого, — так как частная собственность каждого из нас образуется из того, что от природы было общим, — пусть каждый владеет тем, что ему досталось; если кто-нибудь другой посягнет на что-нибудь из этого, он нарушит права человеческого общества. (22) Но поскольку мы, как превосходно написал Платон²⁶, родились не только для себя, и поскольку на наше существование притязают отчасти наше отечество, отчасти наши друзья, и поскольку — по воззрениям стоиков — земные плоды все произрастают на потребу человеку, а люди рождены ради людей, дабы они могли быть полезны друг другу, то мы должны в этом следовать природе как руководительнице, служить общим интересам, обмениваясь услугами, давая и получая, и знаниями своими, трудом и способностями накрепко связывать человеческое общество. (23) Далее, основание для справедливости — верность, то есть стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах. Итак, хотя это кое-кому, быть может, покажется несколько трудным, все-таки решимся подражать стоикам, ревностно старающимся узнать происхождение слов, и поверим тому, что верность [fides] была названа так потому, что сказанное делается [fit]²⁷.

Но несправедливость бывает двух видов: один — со стороны тех, кто совершает ее; другой — со стороны тех, кто, хотя и может, не отводит противозакония от тех, по отношению к кому его совершают. Ведь тот, кто, охваченный гневом или каким-либо другим тревожением, противозаконно нападает на кого-нибудь, как бы налагает руку на члена общества; но тот, кто

последнего не защищает и с противозаконием не борется, когда может, совершает такой же проступок, как если бы он без помощи оставил родителей, или друзей, или отечество. (24) Именно такие противозакония, которые совершаются умышленно, с целью нанести вред, часто порождаются страхом, когда тот, кто думает повредить ближнему, боится, что ему самому, если он этого не сделает, нанесут какой-нибудь ущерб. Но в подавляющем большинстве случаев люди вступают на путь противозакония, чтобы достичь того, чего они сильно пожелали. В этом проступке самым явным образом сказывается алчность. (VIII, 25) Люди добиваются богатства как ради удовлетворения насущных потребностей, так и ради того, чтобы доставлять себе наслаждения. У таких людей душа более широкая; в них жадность к деньгам направлена на достижение власти и на возможность оказывать благодеяния. Так Марк Красс²⁸ недавно сказал, что у того, кто желает первенства в государстве, но содержать войско на свои доходы не может, денег далеко не достаточно. Людей услаждает великолепное убранство, как и изысканный образ жизни в сочетании с изобилием. Все это привело к безграничной жажде денег. Преумножение имущества, никому не причиняющее вреда, право, не заслуживает порицания, но всегда должно избегать противозакония. (26) Однако сильнее всего большинство людей доходит до забвения справедливости всякий раз, как ими овладевает желание империя, магистратур, славы. И слова Энния²⁹:

...Нет священной общности,
Нет и верности во власти царской —

применимы к очень многим людям. Ибо во всем том, в чем многие не могут выдвинуться, соперничество так велико, что сохранить "священную общность" весьма трудно. Это недавно доказало безрассудство Гая Цезаря³⁰, преступившего все божеские и человеческие законы ради того, что он для себя придумал в своем заблуждении, — ради принцепата³¹. В этом отношении прискорбно, что в самых великих душах и в самых блестящих умах в большинстве случаев возникает жажда магистратур, империя, могущества, славы. Тем более надо остерегаться подобного проступка. (27) Но при всякой несправедливости очень важно, как совершают ее: вследствие ли какого-либо душевного тревожения, большей частью недолгого и внезапного, или с заранее обдуманном намерением? Ведь то, что случается в связи с каким-нибудь неожиданным волнением, менее тяжко, чем то, что совершают умышленно и после подготовки. Но о противозакониях сказано достаточно.

(IX, 28) Что касается неоказания защиты и неисполнения долга, то причин для этого обыкновенно больше. Ибо люди не хотят ни вызвать вражду к себе, ни взять на себя труд или расходы, или же им их беспечность, леность, вялость, наконец, кое-какие стремления или занятия мешают в такой степени, что они мирятся с тем, что те, кого они должны защищать, оказываются покинутыми. Поэтому надо быть настороже и не удовлетворяться тем, что Платон сказал о философам³²: так как они заняты исследованием истины и так как то, чего большинство людей усиленно добивается и из-за чего они обыкновенно с ожесточением сражаются, философы презирают и не ставят ни во что, то именно поэтому они и справедливы. Ведь они достигают одного вида справедливости — не причинять вреда противозаконием; но они не удовлетворяют другому виду справедливости: поглощенные своим стремлением изучать, они покидают тех, кого должны оберегать. Поэтому даже к государственным делам они, по мнению Платона, готовы приступать только по принуждению. Но было бы справедливее, чтобы это происходило добровольно; ведь именно то, что совершается должным образом, справедливо только при условии, что оно добровольно. (29) Бывают и люди, которые либо в своем стремлении сберечь свое имущество, либо, так сказать, из ненависти к людям³³ говорят, что они своими собственными делами заняты и, казалось бы, не причиняют ущерба никому. Первого вида несправедливости они не совершают, но допускают второй; ибо они отворачиваются от общественной жизни, так как не прилагают к ней ни стараний, ни труда, ни своих способностей.

И вот, так как мы, описав два вида несправедливости, дополнительно рассмотрели причины каждого из них, а до того установили, на чем справедливость основывается, то нам будет легко судить, какова будет наша обязанность при тех или иных обстоятельствах, если мы не будем чересчур себялюбивы. (30) Трудна ведь забота о чужих делах, хотя Хремет у Теренция и "находит, что ему не чуждо ничто человеческое"³⁴, но все же так как нас касающиеся счастливые и несчастливые обстоятельства мы воспринимаем и чувствуем сильнее, чем обстоятельства, касающиеся других людей, которые мы видим как бы издалека, то о других людях и о себе мы и судим по-разному. Поэтому правильно учат те, кто запрещает какой бы то ни было поступок, если не знаешь, справедлив ли он; ведь справедливость светит сама по себе; сомнения свидетельствуют о противозаконных помыслах.

(X, 31) Но часто бывают обстоятельства, когда то, что кажется вполне достойным человека справедливого и такого, какого мы называем честным мужем, изменяется и становится свой противоположностью, например возратить принятую на хранение вещь все еще безумному человеку, исполнить данное ему обещание; что касается всего того, что имеет отношение к истине и к верности слову, то иногда справедливо отказаться и не сдержатъ своего слова. Подобаает ссылаться на те основы справедливости, какие я установил вначале: во-первых, никому не причинять вреда; во-вторых, служить общей пользе. В связи с обстоятельствами это изменяется, изменяется также и обязанность и не всегда остается одной и той же. (32) Ведь случайно можно обещать что-нибудь такое и заключить такое соглашение, что исполнение было бы пагубным либо для того, кому было обещано, либо для того, кто обещал. Ведь если бы Нептун не исполнил того, что он, по преданию, обещал Тесею, то Тесей не потерял бы сына Ипполита; ибо из трех желаний, о которых говорится в сказаниях, это было третье, высказанное им в гневе, — насчет смерти Ипполита. После того, как оно было исполнено, Тесея охватила глубочайшая скорбь³⁵. Итак, нельзя исполнять обещания, пагубные для тех, кому ты что-то обещал, а если они для тебя более пагубны, чем полезны тому, кому ты их дал, то предпочесть лучший исход худшему не противоречит долгу. Так, если ты решил явиться как заступник³⁶ к слушанию дела в суде, а тем временем тяжело заболел твой сын, то не исполнить обещания не будет нарушением долга; скорее тот, кому обещание было дано, преступит свой долг, если станет жаловаться на то, что его покинули. Более того, кто не понимает, что не надо быть твердым в исполнении обещаний, которые человек дал вынужденный страхом, дал обманутый злым умыслом? Впрочем, от большинства таких обязательств нас освобождает преторское право³⁷, от некоторых — законы.

(33) Противозакония часто совершаются в связи, так сказать, с извращением права и в связи с его не в меру тонким, но злостным толкованием. Вот почему выражение: "Высший закон — высшее противозаконие" — уже стало избитой поговоркой³⁸. Много таких проступков совершается и в делах государственных; так поступил тот, кто, заключив перемирие с врагом на тридцать дней, по ночам опустошал его земли, так как заключенное перемирие будто бы относилось к дневному, но не к ночному времени³⁹. Не заслуживает одобрения также и наш соотечественник Квинт Фабий Лабен⁴⁰, если верно, что он или кто-то другой (ведь я говорю только на основании слухов), которого сенат назначил арбитром по проведению границ между Нолой и Неаполем, прибыв на место, убеждал отдельно обе стороны не проявлять жадности, не требовать лишнего и лучше отказаться от своего, чем пожелать чужого. Когда обе стороны исполнили это, между их землями осталась значительная полоса земли. Лабен провел их границы так, как они сами их указали; то, что осталось между их землями, он признал владениями римского народа. Это значит обмануть, а не рассудить. Поэтому во всяком деле надо избегать подобной изобретательности.

(XI, 34) Но некоторые обязанности надо исполнять даже по отношению к тем, кто нам причинил вред. Существует ведь мера в возмездии и наказании, и, пожалуй, будет достаточно, чтобы причинивший зло раскаялся в своем противозаконии — с тем, чтобы и сам он впредь не

совершал ничего подобного, и чтобы другие были менее склонны к противозакониям⁴¹. Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны⁴². Так как существует два способа разрешать споры, один — путем обсуждения, другой — силой, причем первый свойствен человеку, второй — диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно. (35) Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий, жить в мире⁴³; но после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп; так, например, предки наши даже предоставили права гражданства тускуланцам, эквам, вольскам, сабинянам и герникам, но Карфаген и Нуманцию разрушили до основания⁴⁴; к сожалению, они так же поступили и с Коринфом⁴⁵, но я думаю, что они руководствовались какими-то соображениями, главным образом, удобным местоположением города, — как бы со временем уже само местоположение не могло побудить жителей Коринфа начать войну. По моему личному мнению, всегда следует заботиться о сохранении мира, который не таил бы в себе ковов. Если бы насчет этого послушались меня⁴⁶, то у нас все-таки было бы хотя и не наилучшее, то все же какое-то государство, которого теперь нет. И если о тех, кого ты наголову разбил силой, надо заботиться, то тех, кто, сложив оружие, прибегнет к покровительству наших императоров, надо — хотя таран уже пробил стену их города⁴⁷ — принять под свою руку. В этом отношении справедливость была у нас в таком большом почете, что те, кто принимал под свое покровительство городские общины или народы, побежденные во время войны, становились, по обычаю предков, их патронами⁴⁸. (36) Понятие справедливой войны было строжайше определено фециальным уставом римского народа⁴⁹. Из этого можно понять, что справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестили и объявили. Император Попилий ведал провинцией⁵⁰, а в его войске сын Катона⁵¹ служил как новобранец. И вот Попилий, признав нужным распустить один легион, уволил и сына Катона, служившего в этом легионе. Но когда тот, желая сражаться, остался в войске, то Катон обратился к Попилию с письмом, в котором просил его — если он согласится на то, чтобы юноша оставался в войске, — обязать его второй воинской присягой, так как, после того как первая утратила силу, он уже не был вправе сражаться с врагами. Вот как строго соблюдались правила при начале военных действий! (37) До нас дошло письмо старика Марка Катона к сыну Марку, где он пишет, что, по его сведениям, консул⁵² уволил его от службы, когда он как солдат находился в Македонии во время войны с Персеем. И вот отец предостерегает сына от участия в сражениях; по его утверждению, сын его, не будучи солдатом, не вправе сражаться с врагом.

(XII) Со своей стороны, обращаю внимание также и на то, что печальная действительность скрашивалась мягкостью слова, так как человека, по прямому значению наименования бывшего государственным преступником, называли гостем⁵³. Ведь в древности гостем называли того, кого мы теперь называем чужеземцем. В XII Таблицах⁵⁴ говорится: " ... и ли день, назначенный для слушания дела с гостем", а также: " по отношению к гостю право заявлять притязания имеет вечную силу " ⁵⁵. Что еще можно прибавить к такой благожелательности — давать столь мягкое название тому, с кем ведешь войну? Впрочем, время уже придало этому названию некоторую жесткость: ибо оно уже перестало относиться к понятию "чужеземец" и сохранило свое значение только применительно к тому, кто идет на нас с оружием в руках.

(38) Но когда не на жизнь, а на смерть сражаются из-за владычества и, ведя войну, ищут славы, все-таки совершенно необходимо наличие тех же оснований, какие я только что назвал законными для объявления войны. Однако войны, в которых дело идет о славе нашей державы, надо вести, воздерживаясь от жестокости. Подобно тому, как при соперничестве между гражданами мы ведем себя по отношению к недругу не так, как по отношению к соискателю (с последним состязание происходит из-за магистратуры и высокого положения, с первым — из-за гражданских прав и доброго имени), так войну с кельтиберами, войну с

кимврами⁵⁶ мы вели как войну с недругами — из-за того, кто из противников будет существовать, а не из-за того, кто из них будет повелевать; с латинянами, с сабинянами, с самнитами, с пунийцами и с Пирром мы сражались из-за владычества. Пунийцы нарушали договоры, жесток был Ганнибал⁵⁷, другие были справедливее. Что касается Пирра, то прекрасны были его слова насчет освобождения пленных⁵⁸:

Злата не требую я, и выкупа мне не давайте:
Ведь не торгуя войной, но идя военным походом,
Мы заспорим о жизни мечом, не златом, и вам ли,
Мне ли царить Судьба повелит и что принесет нам, —
Доблестью нам испытать. Так выслушай ты мое слово:
Раз их доблесть в бою пощадило военное счастье,
Их же свободу теперь и я пощажу непременно.
Их отдаю, вводите, дарю: всевышних то воля.

Решение подлинно царское и достойное рода Эакидов⁵⁹.

(XIII, 39) Даже если отдельные лица, вынужденные обстоятельствами, в чем-нибудь обязались перед врагом, то и в этом надо держать слово; например, во время первой пунической войны Регул⁶⁰ — после того, как он, взятый пунийцами в плен, был послан ими в Рим для переговоров об обмене пленными, — прежде всего, тотчас же по приезде, насчет возвращения пленных высказываться в сенате не стал⁶¹, а затем, хотя родные и друзья удерживали его, предпочел возвратиться, чтобы подвергнуться казни, но только не нарушать честного слова, данного им врагу. (40) Во время второй пунической войны десятерых пленников, которых Ганнибал после битвы под Каннами⁶² послал в Рим, клятвой обязав их возвратиться, если они не исходатайствуют выкупа пленных, цензоры, за совершенное ими клятвopеступление, всех пожизненно оставили в сословии эрарных трибунов⁶³, в том числе и того из них, который, давая клятву, навлек на себя вину, прибегнув к обману. Дело в том, что он, покинув лагерь с дозволения Ганнибала, вскоре возвратился в него, так как он, по его словам, забыл взять какую-то вещь; выйдя из лагеря вторично, он считал себя уже свободным от клятвы; он был свободен от нее только на словах, но не в действительности. Ведь когда дело идет о честном слове, всегда надо думать о своем намерении, а не о своих словах. Величайший пример справедливости по отношению к врагу нам подали наши предки, когда перебежчик от Пирра обещал сенату, что он даст царю яд и умертвит его⁶⁴. Сенат и консул Гай Фабриций выдали перебежчика Пирру. Таким образом, они не одобрили преступного умерщвления даже врага, и притом могущественного, пошедшего войной на Рим по собственному почину. (41) Но об обязанностях, связанных с войной, сказано достаточно.

Вспомним также, что справедливость надо соблюдать и по отношению к людям, стоящим весьма низко. Самые низкие — положение и участь рабов, и правы те, кто советует обращаться с ними, как с наймитами: требовать от них труда, предоставлять им все положенное. Так как противозаконие совершается двумя способами, то есть либо насилием, либо обманом, то обман кажется свойственным жалкой лисице, а насилие — льву. И то и другое совершенно чуждо человеку, но обман более ненавистен. Из всех видов несправедливости все же наиболее преступна несправедливость со стороны тех, кто, прибегая к обману, старается казаться честными людьми⁶⁵. О справедливости сказано достаточно.

(XIV, 42) Теперь, как мы себе наметили⁶⁶, поговорим о благотворительности и щедрости. Из всех качеств именно эти наиболее свойственны натуре человека, но с многими оговорками. Прежде всего надо остерегаться, чтобы эта доброта не вредила именно тем людям, которым, как нам кажется, мы делаем добро, а также и другим людям; затем — чтобы доброта не превышала наших возможностей; далее, надо стараться воздавать каждому по его заслугам;

это — основа справедливости; к ней и надо относить все это рассуждение. Ибо тех, кто оказывает людям милость, которая может повредить тому, кому, по-видимому, хотят принести пользу, надо признать не благодетелями и не щедрыми людьми, а несущими погибель потворщиками; те же, кто причиняет вред одним людям, чтобы быть щедрыми к другим, совершают такую же несправедливость, как если бы они присваивали себе чужое имущество. (43) И есть много людей, и притом жаждущих блистательности и славы, отнимающих у одних, чтобы давать другим, и при этом думающих, что они покажутся благодетелями по отношению к друзьям, если обогатят их любым способом. Но это столь далеко от исполнения долга, что ничего более противного исполнению долга не найти. Итак, надо следить за тем, чтобы наша щедрость приносила друзьям пользу и не вредила никому. Поэтому передача имущества от законных собственников сторонним людям, совершенная Луцием Суллой, а впоследствии Гаем Цезарем⁶⁷, казаться щедростью не должна; ибо щедрым может быть только законное действие.

(44) Второе положение моей оговорки гласило, что наша доброта не должна превышать наших возможностей, так как желающие быть большими благодетелями, чем им позволяют их средства, прежде всего совершают проступок, нарушая права своих ближайших родственников; ибо имущество, которое было бы справедливо предоставить и завещать этим последним, они передают сторонним людям. Ведь в такой щедрости в большинстве случаев кроется желание грабить и забирать себе незаконным путем, дабы обладать достаточными средствами для дарения. Можно также заметить, что очень многие люди, не столько щедрые от природы, сколько движимые, так сказать, жаждой славы, делают, желая показаться благодетелями, многое, проистекающее скорее из их склонности к хвастовству, чем из добрых побуждений. Но такое притворство ближе к суетности, чем к щедрости или к нравственной красоте.

(45) Третье положение гласило, что при благотворительности надо руководствоваться заслугами; при этом надо принимать во внимание и характер человека, которому будет оказано благодеяние, и его отношение к нам, и общие черты у него с нами, и его поведение в общении, и услуги, какие он нам уже оказал. Иначе более многочисленные и более важные причины возымеют больший вес. (XV, 46) Но поскольку мы живем не среди совершенных и без исключения мудрых людей, а среди таких, для которых вполне достаточно, если они являются отображением доблести⁶⁸, то, по моему мнению, надо также понять, что нельзя полностью пренебрегать ни одним человеком, в котором могут проявиться хотя бы малые признаки доблести, но что надо уделять людям возможно больше внимания и тем в большей мере, в какой каждый из них наделен следующими доблестями, склоняющими человека к мягкости: умеренностью, воздержностью и той самой справедливостью, о которой уже было сказано многое. Ибо сильный и великий дух в человеке, далеко от совершенства и мудрости, в большинстве случаев бывает чересчур бурным, в то время как упомянутые доблести свойственны именно честному мужу. Вот что можно сказать о нравах людей.

(47) Что касается доброжелательности, с какой к нам могут относиться, то, во-первых, наша обязанность — делать больше всего для тех, кто более всего нас почитает; но о доброжелательности надо судить не так, как судят юноши, — так сказать, по пылу привязанности, но скорее по ее прочности и постоянству. Однако если заслуги людей будут таковы, что мы должны будем не делать первый шаг в добрых отношениях, но за них воздать, то нам надо будет приложить, пожалуй, еще большее старание; ибо нет более повелительной обязанности, чем отблагодарить человека. (48) И если Гесиод велит за то, что мы получили взаймы, по возможности воздавать с лихвой⁶⁹, то как должны мы поступать в ответ на благодеяние? Не следует ли нам подражать плодородным полям, приносящим намного больше, чем они получили? И право, если мы, не колеблясь, оказываем услуги тем людям, которые, как мы надеемся, нам принесут пользу, то как должны мы относиться к тем, кто нам

ее уже принес? Ведь если есть два рода щедрости (один — оказать благодеяние, другой — воздать за него), то оказать ли его или не оказывать — в нашей власти; не воздать за него не дозволено честному мужу, конечно, если он может это сделать, не совершая противозакония. (49) Оказанные нам благодеяния надо различать, и нет сомнения в том, что за каждое величайшее благодеяние мы более всего и в долгу. При этом все-таки прежде всего надо взвесить, с каким настроением, рвением и доброжелательностью нам оказали его. Ведь многие люди делают многое, так сказать, опрометчиво, не рассуждая, движимые как бы болезнью⁷⁰ или внезапным душевным порывом, подобным, так сказать, ветру; благодеяния эти, по их значительности, нельзя считать равными тем, какие нам были оказаны по здравом рассуждении, обдуманно и последовательно; но когда мы оказываем благодеяние или за него воздаем, наша величайшая обязанность (если другие условия равны) — помогать именно тому, кто нуждается в помощи более всего; большинство людей поступает наоборот: именно тому, на кого они рассчитывают больше всего, они оказывают услуги даже тогда, когда он в них не нуждается.

(XVI, 50) Но лучше всего человеческое общество и союз между людьми будут сохранены в том случае, если мы будем относиться к каждому с тем большим расположением, чем теснее он с нами связан. Но, чтобы узнать, каковы естественные основы уз между людьми и человеческого общества, надо обратиться к более давним временам; ведь первая основа — та, которая усматривается в общности всего рода людского. Связью этой общности служат разум и дар речи, которые посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений сближают и объединяют людей, так сказать, в естественное общество; именно вследствие этого мы, по своей природе, так далеки от зверей, которым, как мы часто говорим, свойственна смелость, например лошадям или львам; но мы не говорим, что им свойственны чувство законности, справедливость, доброта; ибо они лишены разума и дара речи⁷¹. (51) И содружество, действительно широчайше открытое для людей в их взаимоотношениях, для всех в их отношениях со всеми, — это такое, в котором надо соблюдать общность всего того, что природа произвела на потребу всем людям, дабы то, что определено законами и гражданским правом, соблюдалось так, как это было установлено самими законами, а остальное находило уважение в соответствии с греческой пословицей: "У друзей все — общее"⁷². И общее имущество всех людей, по-видимому, именно такого рода; пример его, приведенный Эннием насчет одной вещи, можно перенести на очень многие:

Кто путь заблудшему приветливо укажет,
Тот как бы лампу от своей зажжет.
Другому свет подав, себе не светит хуже⁷³.

На одном этом примере Энний учит достаточно ясно, что все то, что мы можем предоставить другим людям без ущерба для себя, надо отдать даже неизвестному нам человеку. (52) Из этого следуют вот какие общие обязанности: не преграждать доступа текущей воде; позволять другому брать огонь от твоего огня⁷⁴; давать раздумывающему честный совет, если он захочет получить его. Все это полезно получающему, дающему не в тягость. Таким образом, надо и самому пользоваться этими благами, и всегда приносить что-нибудь на общую потребу. Но так как средства каждого из нас малы, а людей, нуждающихся в них, бесчисленное множество, то в повседневной щедрости надо держаться в вышеупомянутых пределах, установленных Эннием: "себе не светит хуже", — дабы мы могли быть щедры к своим родным.

(XVII, 53) В человеческом обществе есть много ступеней. И действительно, если оставить в стороне вышеупомянутое беспредельное общество, то существует более близкое нам, основанное на общности племени, народа, языка и теснейше объединяющее людей. Еще более тесные узы — принадлежность к одной и той же гражданской общине. Ведь у граждан есть

много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся с многими людьми. Более тесны связи и узы между родными; исходя из вышеупомянутого неизмеримого общества человеческого рода, люди замыкаются в малое и тесное. (54) В то время как от природы общая черта всех живых существ — желание продолжать свой род, первоначальные узы состоят в самом супружестве, далее — в появлении детей, затем в создании одного дома и общего имущества; это уже начало и как бы рассадник государства. В дальнейшем возникают связи между братьями, затем между двоюродными братьями и сыновьями, которые, когда один дом уже не может их вместить, уходят в другие дома, словно в колонии⁷⁵. Затем возникают браки и связи между свойственниками, благодаря чему близких людей становится еще больше. Это появление и распространение потомства служит началом государств. Кровное родство связывает людей взаимной доброжелательностью и привязанностью. (55). Ведь великое дело — иметь одни и те же памятники предков, совершать одни и те же священнодействия, иметь общие места для погребения⁷⁶.

Но из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими одни на других похожие, связаны дружескими отношениями; ведь нравственно-прекрасное, о котором мы часто говорим, даже если видим это в другом человеке, нас все-таки волнует и делает друзьями тому, кому оно, видимо, присуще. (56) И хотя нас влечет к себе всякая доблесть и заставляет нас любить тех, кому она, как нам кажется, присуща, все же более всего такое действие оказывают справедливость и щедрость. Но ничто так не приятно и неспособно так объединять, как сходство добрых нравов; ведь среди тех, кому свойственны одни и те же стремления и одна и та же воля, один человек восхищается другим человеком так же, как самим собой; при этом исполняется то, чего Пифагор требует от дружбы: чтобы многие были как бы одним человеком⁷⁷. Великой является и общность, которую создают обоюдные услуги; поскольку они взаимны и людям по сердцу, то тех, кто оказывает их друг другу, связывают прочные узы.

(57) Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?⁷⁸ Тем большего презрения заслуживает дикость тех, кто всяческими преступлениями растерзал отечество и полным уничтожением его занят теперь и был занят в прошлом⁷⁹. (58) Но если нам предстоит, так сказать, спор и сравнение, дабы мы могли решить, перед кем именно мы в наибольшем долгу, то да будут на первом месте отечество и родители, которым мы обязаны их величайшими благодеяниями, родные, наши дети и все домочадцы, обращающие свои взоры к нам одним и не могущие иметь никакого другого прибежища; далее — родственники, с которыми мы живем в согласии и большей частью разделяем их участь. Поэтому мы должны оказывать в жизни необходимую защиту более всего именно тем людям, которых я назвал выше. Что касается нашего существования и образа совместной жизни, советов, бесед, увещаний, утешений, а порою и упреков⁸⁰, то они основаны на дружеских отношениях, и приятнейшая дружба — та, которую скрепило сходство нравов.

(XVIII, 59) Но при исполнении всех этих обязанностей надо будет принимать во внимание, что именно более всего необходимо каждому человеку, чего он может и чего не может достичь также и без нас. Поэтому требования родства разных степеней не будут совпадать с требованиями обстоятельств. Ведь существуют обязанности, исполнять которые по отношению к одним людям должно в большей степени, чем по отношению к другим; например, соседу ты поможешь при уборке урожая скорее, чем брату или близкому другу; но

если дело возбуждено в суде, то родственника или друга ты будешь защищать скорее, чем соседа. Итак, это и подобное ему надо принимать во внимание при исполнении любой обязанности (к этому надо себя приучить и приобрести опыт), дабы мы могли быть хорошими мастерами по расчислению обязанностей⁸¹ и видеть, путем сложения и вычитания, что получается в остатке, а из этого будет возможно понять, сколько мы должны каждому. (60) И вот, как ни врачи, ни императоры, ни ораторы, даже если они овладели правилами своего искусства, не могут, без опыта и упражнения, достичь ничего такого, что было бы достойно великой похвалы, так — хотя правила соблюдения долга преподаются (так и сам я поступаю) — все-таки важность дела требует опыта и упражнения. О том, как из этих правовых отношений человеческого общества возникает нравственно-прекрасное, на котором основано исполнение долга, мы сказали, пожалуй, достаточно.

(61) Но надо понять, что — хотя были представлены четыре положения, из которых проистекают нравственная красота и чувство долга, — самым блистательным кажется то, что было совершено великим и возвышенным умом, презирающим дела человеческие. Поэтому при оскорблениях более всего принято говорить, если это возможно, что-нибудь в таком роде:

Вы ведь, юноши, с душою женской, дева же, с мужскою⁸²

или что-нибудь в таком роде:

Сальмакидова добыча без пролития пота, крови!⁸³

Напротив, восхваляя деяния, совершенные с величием духа и исключительной храбростью, мы прославляем их, я сказал бы, во весь голос. Здесь открывается поприще для риторов — о Марафоне, о Саламине, о Платеях, о Фермопилах, о Левктрах⁸⁴, здесь наш Кокл, здесь Деции, здесь Гней и Публий Сципионы, здесь Марк Марцелл⁸⁵, бесчисленное множество других и более всего сам римский народ проявили выдающееся величие духа. Стремление к воинской славе можно усмотреть и в том, что на большинстве статуй мы видим военную одежду.

(XIX, 62) Но если этот душевный подъем, который бывает виден в опасностях и в трудах, чужд справедливости и борется не за всеобщее благополучие, а ради своей выгоды, то он порочен; ибо здесь не только нет места для доблести, но скорее оно есть для дикости, отвергающей какую бы то ни было человечность. Таким образом, стоики дают правильное определение храбрости, говоря, что это — доблесть, сражающаяся за справедливость⁸⁶. Поэтому ни один из тех, кто славы за храбрость достиг коварством и злым умыслом, хвалы не заслужил; не может быть нравственно-прекрасным то, что лишено справедливости. (63) Превосходна следующая мысль Платона: "Не только знание, чуждое справедливости, — говорит он, — надо называть хитростью, а не мудростью; нет, также и ум, готовый подвергнуться опасности, если его к этому побуждает его жадность, а не всеобщая польза, следует называть дерзким, а не храбрым"⁸⁷. Поэтому мы и хотим, чтобы храбрые мужи были в то же время великими духом, добрыми и простыми, друзьями правде и ни в коем случае не лживыми; в этом внутренняя ценность справедливости.

(64) Но прискорбно то, что у людей высокого и великого духа легко возникают упорство и непомерное желание первенствовать. Например, у Платона говорится⁸⁸, что нравы лакедемонян были всецело воспламенены жаждой побед и что чем большим величием духа человек обладает, тем сильнее хочет он быть первым из всех, вернее, единственным⁸⁹. Но ведь трудно, когда пожелаешь превзойти всех, соблюдать равенство, в высшей степени свойственное справедливости. Поэтому такие люди и не терпят, чтобы другие превосходили их — ни при обсуждении вопроса, ни на основании публичного права и законов⁹⁰; в государственных делах они в большинстве случаев оказываются склонными к подкупам и

мятежам и ставят себе целью достичь возможно большего могущества, предпочитая превосходить других силой, а не быть равными им своей справедливостью. Но чем последняя труднее, тем она прекраснее; ведь чуждым справедливости нельзя быть ни при каких обстоятельствах. (65) Итак, храбрыми и великодушными надо считать не тех, кто совершает, а тех, кто отвергает противозаконие. Но человек поистине мудрый и великий духом считает нравственную красоту, которой природа добивается более всего, основанной на деяниях, а не на славе, и предпочитает первым быть, а не казаться⁹¹; и действительно, того, кто повинуется заблуждению неискушенной толпы, относить к числу великих мужей нельзя. С другой стороны, очень легко толкнуть человека на неправые поступки — и тем легче, чем более высоким духом он обладает в связи с его жадой славы⁹². Это весьма трудный вопрос, так как едва ли найдется человек, который, взяв на себя труды, усугубленные опасностями, не пожелал бы славы как бы в виде награды за свои деяния.

(XX, 66) Вообще говоря, храбрый и великий ум возможно узнать главным образом, по его двум проявлениям: одно — в презрении к внешним обстоятельствам, так как люди убеждены в том, что человек должен восхищаться, или желать, или добиваться только того, что прекрасно в нравственном отношении и что подобает, и не должен поддаваться ни человеку, ни душевному треволнению, ни судьбе⁹³; другое — в том, что ты, если ты наделен душой, о которой я говорил выше, совершаешь деяния, правда, великие и необычайно полезные, но весьма трудные и преисполненные лишений и опасностей как непосредственно для жизни, так и для многого, имеющего отношение к жизни. (67) Вся блистательность, величие, прибавлю — и польза, связаны со вторым из этих двух проявлений; основание же и причина, делающие людей великими, — с первым; ибо в нем есть нечто, создающее исключительные умы, презирующие дела человеческие. Это можно узнать по двум проявлениям: если человек считает благом только одно то, что прекрасно в нравственном отношении, и если он свободен от какого бы то ни было душевного треволнения⁹⁴. Ведь умение не придавать большого значения и, по определенным и веским соображениям, презирать то, что большинству людей кажется исключительным и достославным, надо признать свойственным храброму и великому духу; что касается того, что нам кажется горестным, что в большом числе и разнообразии встречается в жизни и в судьбе людей, то переносить это, не отступая ни от естественного порядка вещей, ни от достоинства мудрого человека, свойственно могучему духу и великой стойкости. (68) Но неправильно, чтобы тот, кто перед чувством страха не склонялся, склонялся перед своими желаниями и чтобы того, кто себя проявил непобедимым в трудах, побеждали наслаждения. Поэтому надо отказываться от наслаждений и бежать от жажды денег. Ведь ничто так не свойственно скудному и бедному уму, как любовь к богатствам, и нет ничего более прекрасного в нравственном отношении и более великолепного, чем презирать деньги, если их не имеешь, а если их имеешь — обращать их на благие и щедрые дела. Надо остерегаться и жажды славы, о чем я уже говорил; ибо она лишает нас свободы, из-за которой великие духом мужи должны всячески состязаться. Даже империя добиваться не надо, вернее, его порой не следует принимать, а иногда надо с себя слагать⁹⁵. (69) Но надо быть свободным от каких бы то ни было душевных треволнений — как от страсти и страха, так и от огорчений, наслаждения для души⁹⁶ и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного достоинства.

Но существует и существовало много людей, в поисках спокойствия, о котором я говорю, отстранившихся от государственных дел и нашедших себе прибежище в бездействии⁹⁷; из их числа знаменитейшие философы⁹⁸ (и притом первые из первых) и некоторые люди суровых и строгих правил не могли мириться ни с нравами народа, ни с нравами первенствовавших людей, и кое-кто из них жил в деревне, удовлетворяясь управлением своим имуществом⁹⁹. (70) Они поставили себе ту же цель, какую ставили себе цари: ни в чем не испытывать недостатка, никому не повиноваться, пользоваться свободой, сущность которой в том, чтобы жить, как хочешь. (XXI) И вот, так как у людей, жаждущих могущества, это — общая черта с этими

праздными, о которых я говорил, то одни думают, что смогут достичь этого, если будут располагать большими средствами, другие — если будут довольны своим имуществом, и притом малым. Насчет этого ни мнение одних, ни мнение других вовсе не заслуживает презрения; более того, более безопасна, менее тяжка и менее обременительна для других жизнь людей бездействующих, но более плодотворна для человеческого рода и более способствует достижению известности и высокого положения жизнь тех, кто посвятил себя государственной деятельности и вершению великих дел. (71) Поэтому, пожалуй, можно сделать уступку людям, не берущимся за дела государства, людям, которые, при своем выдающемся даровании, посвятили себя науке, как и тем, кто либо по слабости здоровья, либо по какой-нибудь другой важной причине отстранился от государственных дел, предоставив другим возможность ими ведать и заслуги. Но тем, кто не может сослаться на такую причину, если они, по их словам, презирают то, чем большинство людей восхищается, — империй и магистратуры, не только нельзя, думается мне, ставить это в заслугу, но надо даже вменить в вину; их решение презирать славу и не ставить ее ни во что трудно не одобрить; но они, по-видимому, боятся трудов и тягот и также, так сказать, позора и бесчестия, связанных с неудачами и поражениями. Находятся люди, которые при трудностях не остаются верны себе; они непримиримо презирают наслаждения, но в страдании проявляют слабость; они пренебрегают славой, но оказываются сломленными бесчестием; в последнем случае они недостаточно стойки. (72) Но те, кого природа наделила способностями к деятельности, должны, отбросив всякую медлительность, занимать магистратуры и вершить делами государства; ведь иначе невозможно ни управлять государством, ни проявить величие духа. Что касается людей, берущихся за государственные дела, то они не менее, чем философы (пожалуй, даже и более), должны проявлять величие духа и презрение к делам человеческим, о котором я часто говорю, как и душевное спокойствие и безмятежность, если намерены быть свободны от тревог и прожить, сохраняя свое достоинство и стойкость. (73) Для философов это более легкая задача, так как они в своей жизни менее подвержены ударам судьбы, так как у них меньше потребностей и в случае какого-нибудь несчастья они не могут упасть с такой большой вышины. Поэтому не без причины у людей, занятых государственной деятельностью, возникают душевные волнения (как и стремление вершить более важными делами), более сильные, чем у людей, пребывающих в бездействии, и тем в большей мере, чем более им приходится проявлять величие духа и умение не поддаваться тревогам. Но тот, кто приступает к тому или иному делу, должен помнить, что ему надо взвесить не только, сколь оно прекрасно в нравственном отношении, но и способен ли сам он совершить его; тут он должен взвесить все, дабы и необдуманно не отчаяться в успехе, и не проявить непомерной самоуверенности ввиду своего честолюбия. Во всех делах, прежде чем к ним приступить, нужна тщательная подготовка.

(XXII, 74) Хотя большинство людей ставит воинские заслуги выше гражданских, с таким мнением вполне согласиться нельзя¹⁰⁰. Ведь многие часто стремились вести войны, будучи охвачены жадой славы, и это в большинстве случаев бывает у людей великих духом и одаренных — тем более если они способны к военному делу и жаждут вести войны; но если мы захотим судить здраво, то на гражданском поприще было много примеров деятельности более значительных и более славных, чем на военном. (75) И право, хотя Фемистокла¹⁰¹ по справедливости прославляют и его имя более знаменито, чем имя Солона¹⁰², и о Саламине говорят как о свидетеле величайшей победы, которую ставят выше решения Солона, на основании которого он впервые учредил Ареопаг¹⁰³, решение это надо считать не менее славным, чем победу под Саламином; ведь она принесла пользу всего один раз, а решение Солона всегда будет служить гражданам на пользу; оно охраняет афинские законы, охраняет установления предков, и Фемистокл не мог бы назвать ничего такого, в чем он поддержал Ареопаг, но последний по справедливости мог бы сказать, в чем он поддержал Фемистокла; ибо войну вели по решению сената — того, который был учрежден Солоном. (76) То же самое можно сказать о Павсании¹⁰⁴ и о Лисандре¹⁰⁵: хотя благодаря их подвигам, как думают, было

расширено владычество Лакедемона, все-таки их деяния ни в чем не сравнить с законами и установлениями Ликурга¹⁰⁶; более того, именно благодаря последним у лакедемонян были более верные и более храбрые войска. Мне лично ни во времена моего отрочества не казалось, что Марк Скавр¹⁰⁷ уступал Гаю Марию¹⁰⁸, ни — когда я уже начал заниматься государственной деятельностью — что Квинт Катул¹⁰⁹ уступал Гнею Помпею¹¹⁰; невелика ведь цена оружию за пределами страны, если мудрого совета нет дома. И Публий Африканский¹¹¹, выдающийся муж и император, разрушением Нуманции послужил государству не более, чем ему в то же время послужил Публий Насика¹¹², когда он, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха; впрочем, деяние это, если говорить строго, относится не только к делам внутренним (оно относится и к военным делам, так как было совершено силой и вооруженной рукой); именно это было совершено все-таки по решению, принятому в Городе, и без участия войска. (77) Но вот прекрасные слова, которые, как я узнал, бесчестные люди и завистники обыкновенно подвергают нападкам:

Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!¹¹³

Не буду говорить о других людях; но не тогда ли, когда именно я стоял во главе государства, перед тогой склонился меч? Никогда ведь испытание для государства не было более тяжким, не было большим спокойствие. Таким образом, благодаря моим решениям и моей бдительности мечи, быстро выскользнувшие из рук дерзновенных граждан, сами упали на землю. Да был ли когда-либо совершен такой великий подвиг на войне? Какой триумф можно с ним сравнить? (78) Ведь мне дозволено, сын мой Марк, похвалиться этим перед тобой, который должен и унаследовать мою славу, и подражать моим деяниям. Муж, несомненно совершивший много воинских подвигов, — Гней Помпей в присутствии множества людей почтил меня признанием того, что он напрасно заслужил бы свой третий триумф¹¹⁴, не будь у него — после благодеяния, мною оказанного государству, — места, где он мог бы его справить. Следовательно, храбрые действия, совершенные в Риме, не уступают храбрости на войне; ведь в первые надо вкладывать даже больше усилий и рвения, чем во вторую.

(XXIII, 79) Вообще говоря, нравственно-прекрасное, которого мы ищем в возвышенной и великой душе, совершается силами духа, а не тела. Все же мы должны упражнять свое тело и блюсти его так, чтобы оно могло повиноваться мудрости и разуму, выполняя поставленные перед ним задачи и перенося лишения. Что касается нравственно-прекрасного, которого мы ищем, то оно целиком связано с нашими заботами и размышлениями; в этом отношении люди, которые стоят во главе государства, будучи облечены в тоги, приносят ему пользу не меньшую, чем та, какую ему приносят те, кто ведет войну. Так, по их совету, в одних случаях войн часто не начинали, в других заканчивали их, а иногда даже объявляли, как это было при третьей Пунической войне, когда был велик авторитет Марка Катона, и притом даже после его смерти¹¹⁵. (80) Поэтому, несомненно, надо искать пути для разрешения спора, а не проявлять решимость на войне; но надо остерегаться, дабы не поступить так скорее в стремлении уклониться от войны, чем из соображений пользы. Войну же надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира. И свойство храброго и стойкого человека, право, в том, чтобы не приходить в смущение при трудностях и, в смятении, не давать себя сбить с исходной позиции¹¹⁶, как говорится, но проявить присутствие духа и осмотрительность и не лишиться рассудка. (81) Впрочем, это относится к духу; но вот что относится также и к великому уму: размышляя, предвидеть будущее, заблаговременно определять, что может случиться хорошего и дурного и что понадобится делать, когда что-нибудь произойдет, и не доводить до того, чтобы когда-либо пришлось сказать: "Об этом я не подумал"¹¹⁷.

Вот дела человека великого и высокого духа, который уверен в своей дальновидности и мудрости; но опрометчиво бросаться в сражение и врукопашную биться с врагом¹¹⁸ — дикость, подобная звериной; однако если обстоятельства и необходимость этого требуют, то надо и не на жизнь, а на смерть сразиться в рукопашном бою и предпочесть смерть рабству и позору.

(XXIV, 82) Что касается разрушения и разграбления городов, то надо строго следить за тем, чтобы не было допущено ни опрометчивости, ни жестокости¹¹⁹. Долг великого мужа — среди потрясений карать виновных, но большинство людей щадить, при любых обстоятельствах оставаться верным справедливости и нравственной красоте. Ведь если, как я уже говорил выше, бывают люди, ставящие воинские заслуги выше деяний на гражданском поприще, то можно найти многих людей, которым опасные и сгоряча принятые решения кажутся более блистательными и более великими, чем решения, принятые спокойно и продуманные. (83) Вообще никогда нельзя допускать, чтобы мы в бегстве своем от опасности оказались слабы и трусливы; надо также избегать положения, когда мы подвергнемся опасности неоправданно; нелепее этого не может быть ничего. Поэтому мы, вступая на путь опасностей, должны брать пример с врачей, которые при легком недомогании лечат мягко действующими средствами, а при более тяжелых болезнях вынуждены применять опасное лечение, когда исход сомнителен. Поэтому среди спокойствия желать идущей на нас бури свойственно безумному человеку, но встретить бурю любым способом свойственно мудрому, особенно если мы, выяснив положение вещей, можем достичь блага большего, чем то зло, какое возникнет вследствие наших колебаний. Опасны наши действия бывают одни для тех, кто их совершает, другие для государства. (84) И опять-таки одни люди бывают призваны рисковать своей жизнью, другие — своей славой и расположением граждан. Следовательно, мы должны быть более склонны сами подвергаться опасностям, чем подвергать им сограждан, и более готовы сражаться ради чести и славы, чем ради других благ. Однако находилось много людей, которые были готовы отдать за отечество не только свое имущество, но и жизнь, но не соглашались поступиться даже малой частью своей славы, и притом несмотря на требование государства¹²⁰. Так, например, Калликратид¹²¹, после того как был военачальником лакедемонян во время пелопонесской войны и совершил много подвигов, под конец все погубил, не повиновавшись решению тех, кто нашел нужным отвести флот от Аргинусских островов и не давать боя афинянам; он ответил им, что лакедемоняне, потеряв флот, смогут построить другой, но что он не может обратиться в бегство без того, чтобы не покрыть себя позором. Правда, удар этот не был для лакедемонян особенно тяжек, но пагубен был другой — когда могущество лакедемонян пало после того, как Клеомброт, боясь ненависти, опрометчиво вступил в борьбу с Эпаминондом¹²². Насколько лучше поступил Квинт Максим¹²³, о котором Энний писал:

Нам один человек промедлением спас государство.
Он людскую молву отметал ради блага отчизны.
День ото дня все ярче теперь да блестит его слава!

Проступков, о которых мы ведем речь, следует избегать даже в гражданской жизни. Ведь есть люди, которые мнение свое, даже если оно превосходно, все же, из страха перед ненавистью, высказать не решаются.

(XXV, 85) Вообще говоря, тем, кто будет стоять во главе государства, надо руководствоваться двумя наставлениями Платона¹²⁴: одно требует, чтобы они, оберегая интересы граждан, сообразовали все свои действия именно с ними, забыв о собственной выгоде; другое — чтобы они заботились о государстве в целом и при этом, оберегая какую-нибудь одну часть его интересов, не оставляли без внимания остальных; ведь управление государством, подобно опеке, должно быть посвящено пользе тех, кто поручен нам, а не пользе тех, кому поручено оно. И те, кто об одних гражданах заботится, а других оставляет без

внимания, вносят в гражданскую общину весьма пагубное начало — мятежи и раздоры; ввиду этого одни оказываются сторонниками народа, другие — сторонниками всех честнейших людей¹²⁵, немногие — сторонниками всех. (86) Отсюда сильнейшие раздоры в Афинах, а в нашем государстве не только мятежи, но и губительные гражданские войны. Гражданин строгих правил, храбрый и достойный первенства в государстве, будет этого избегать и ненавидеть это, всецело посвятит себя служению государству, не станет добиваться богатств и могущества и будет оберегать государство в целом, заботясь обо всех гражданах; он не станет вызывать ненависть или зависть к кому бы то ни было, прибегая к ложным обвинениям, и вообще будет держаться справедливости и нравственной красоты, так что он, оставаясь верен им, пойдет на любые столкновения и даже согласится умереть, но не откажется ни от чего из того, что я назвал. (87) Весьма жалки честолюбие и соперничество из-за магистратур, о котором превосходно говорится все у того же Платона¹²⁶: "Те, кто соперничает друг с другом из-за того, кому из них управлять государством, поступают так же, как поступили бы моряки, которые стали бы спорить из-за того, кому из них управлять кораблем". И он же учит, что "мы должны считать своими противниками тех, кто на нас пойдет с оружием в руках, а не тех, кто захочет по своему разумению оберегать интересы государства". Таковы были разногласия между Публием Африканским и Квинтом Метеллом¹²⁷, свободные от горечи.

(88) Право, не надо слушать тех, кто сочтет нужным глубоко негодовать на своих недругов и признает это свойственным великому духом и храброму мужу; ибо качество, самое похвальное, самое достойное великого и прославленного мужа, — способность смягчаться и милосердие. Среди действительно свободных народов и при равноправии надо проявлять также и доступность и душевную высоту¹²⁸, как говорится, — дабы мы, если мы разгневаны либо на тех, кто назойлив при обращении к нам, либо на тех, кто беззастенчив в своих просьбах, не впадали в раздражительность, бесполезную и чреватую ненавистью к нам. И все-таки мягкость и милосердие заслуживают одобрения только при условии, что в интересах государства будет применяться строгость, без которой управлять гражданской общиной невозможно. Однако ни выговор, ни порицание не должны быть оскорбительны и должны иметь в виду интересы не того, кто кого-то наказывает или порицает, но государства. (89) Надо следить и за тем, чтобы тяжесть наказания не превышала тяжести проступка и чтобы не получалось так, что за одни и те же проступки одних людей постигала кара, а другие даже не были привлечены к ответственности. Но при наказании более всего надо удерживаться от гнева; ведь человек, в состоянии гнева приступающий к наказанию, никогда не сможет соблюсти середину между чрезмерным и малым, которую одобряют перипатетики¹²⁹, и притом справедливо, — только бы они не восхваляли гнева и не говорили, что природа даровала его людям на пользу. Нет, гнев надо во всех случаях отвергать и надо желать, чтобы те, кто стоит во главе государства, уподоблялись законам, которые побуждают к наказанию не гнев, а справедливость¹³⁰.

(XXVI, 90) Также и при обстоятельствах счастливых и соответствующих нашим желаниям будем всячески избегать гордости, надменности и заносчивости. Ибо проявлять неумеренность как в дни несчастий, так и в дни счастья — признак ничтожности. Самая прекрасная черта во всех случаях жизни — ровный характер, всегда одно и то же выражение лица и одно и то же чело; по преданию, такими были Сократ¹³¹ и Гай Лелий¹³². Македонского царя Филиппа¹³³ сын его, несомненно, превзошел подвигами и славой, но доступностью и добротой Филипп, насколько я знаю, превосходил сына. Таким образом, отец всегда был великим, сын весьма часто — дурным, так что, видимо, правильны наставления тех, кто нам советует поступать тем умереннее, чем выше занимаемое нами положение. Панэтий сообщает, что Публий Африканский, его ученик и близкий друг, говаривал: "Подобно тому, как коней, в их дикости необузданных, что объясняется частыми напряжениями во время битв, мы обыкновенно поручаем укротителям, чтобы легче было пользоваться ими, так и людей, распущенных в связи со счастливыми обстоятельствами и самонадеянных, надо как бы

вводить в круг разума и философии, дабы они могли оценить всю непрочность дел человеческих и изменчивость судьбы". (91) И даже при самых счастливых обстоятельствах надо очень широко прибегать к советам друзей и придавать им даже большее значение, чем то, какое мы придавали им ранее. И при этих же обстоятельствах нельзя преклонять слух к речам потворщиков и позволять им льстить нам, когда нас легко обмануть; ведь мы считаем себя такими людьми, что нас хвалят справедливо; это порождает неисчислимые проступки, когда люди, возомнив о себе, к своему позору, становятся предметом насмешек и впадают в величайшие заблуждения. Но об этом достаточно.

(92) Итак, мы должны прийти вот к какому выводу: деяния величайшие и требующие величайшего присутствия духа совершаются людьми, стоящими во главе государств, так как их власть распространяется весьма широко и на огромное число людей. Но есть и было много людей, великих духом и даже не занятых делами¹³⁴, которые либо изучают нечто великое, либо пытаются делать это и ограничиваются своими личными делами, либо, занимая среднее место между философами и людьми, правящими государством, получают удовлетворение от своего имущества, не преумножая его, однако, любым способом и не отстраняя своих близких от пользования им, а, наоборот, делясь им с друзьями и с государством, если в этом когда-либо возникает надобность; только бы имущество это, во-первых, было приобретено честно, без какого-либо позорного или вызывающего ненависть стяжания; затем, было полезным возможно большему числу людей, но только достойных: далее, увеличивалось благодаря разумным действиям, рачительности, бережливости, а его собственник руководствовался щедростью и желанием делать добро, а не своей развращенностью и склонностью к роскоши. Человеку, соблюдающему эти наставления, дозволяется жить великолепно, с достоинством и гордостью и в то же время просто и честно и быть истинным другом людям.

(XXVII, 93) Нам надо теперь поговорить об одном и последнем разделе — о нравственной красоте, в котором рассматривается вопрос о способности уважать людей и, так сказать, об украшениях жизни — о воздержности, об умеренности, о всяческом успокоении душевных тревожений и о соблюдении меры во всем. Положение это содержит то, что по-латински можно назвать *decoquit* [подобающее], а по-гречески называется *πρεπον*. Понятие это, по своему смыслу, неотделимо от понятия нравственно-прекрасного; (94) ибо все то, что подобает, прекрасно в нравственном отношении, а то, что в нравственном отношении прекрасно, подобает. Но различие между нравственно-прекрасным и подобающим представить себе легче, чем объяснить. Каково бы ни было подобающее, оно появляется тогда, когда ему предшествовала нравственная красота. Таким образом, не только в этом разделе о нравственной красоте, о которой мы здесь должны изложить свое мнение, но и в трех предшествовавших появляется то, что подобает. Ибо пользоваться благоразумно разумом и словом; то, что делаешь, делать осмотрительно и во всем видеть то, что в нем истинно, и это защищать — все это подобает. Напротив, поддаваться обману, заблуждаться, совершать промахи, делать ошибки¹³⁵ не подобает так же, как сбиваться с пути и терять разум. Все справедливое подобает; напротив, все несправедливое не подобает и позорно. Сходно с этим и положение насчет храбрости: все то, что совершают мужественно и с присутствием духа, достойно мужа и подобает; противоположное этому позорно и не подобает. (95) Вот почему ко всякой нравственной красоте имеет прямое отношение то подобающее, о котором я говорю, и притом так, как оно определяется: не путем, так сказать, отвлеченного рассуждения, а как оно очевидно. И право, существует нечто такое (и это можно усмотреть в каждой доблести), что подобает; отделить это от доблести легче мысленно, чем на деле. Как привлекательность и красоту тела невозможно отделить от здоровья, так это подобающее, о котором мы говорим, все слито с доблестью, но наш ум и воображение отличают одно от другой. (96) Но подразделение это двоякое; ибо мы имеем в виду и, так сказать, подобающее вообще, содержащееся во всякой нравственной красоте, и другое, подчиненное первому и относящееся к отдельным частям нравственной красоты. Первое обыкновенно определяют так:

подобавшее — это то, что сообразно с первенством человека в том отношении, в каком его природа отлична от природы других живых существ. Что касается частных случаев подобного, подчиненных подобавшему в целом, то их определяют так: подобавшее — это сообразное с природой, поскольку в нем умеренность и воздержность проявляются с некоторой внешней видимостью свободы.

(XXVIII, 97) Что это понимают именно так, мы можем думать, основываясь на подобавшем, к которому стремятся поэты; об этом говорится более подробно в другом месте¹³⁶. Но мы говорим, что поэты верны всему подобавшему тогда, когда делается и говорится то, что достойно каждого действующего лица; так, если бы Эак или Минос¹³⁷ сказали:

Пусть будет ненависть,
Лишь был бы страх¹³⁸

или

Он сам — гробница для своих детей¹³⁹, —

то это показалось бы нам неподобающим, так как Эак и Минос, по преданию, были справедливыми людьми. Но, скажут нам, когда Атрей произносил эти слова, они вызывали рукоплескания; ведь такая речь соответствует этой роли. Но о том, что каждому подобает, поэты будут судить применительно к образу того или иного действующего лица, а вот на нас сама природа возложила роль, которой присущи большое достоинство и превосходство над остальными живыми существами. (98) Таким образом, поэты, при большом разнообразии действующих лиц, увидят, что подходит и что подобает даже порочным людям; что касается нас, — так как природа возложила на нас роли людей стойких, умеренных, воздержных и совестливых и так как эта же природа учит нас не быть безразличными к своему поведению в отношении других людей, — то становится очевидным, насколько широко распространяется как подобавшее, которое составляет основу всякой нравственной красоты, так и то, что усматривается в каждом виде доблести. Ведь как красота тела, благодаря соразмерности его членов, привлекает наш взор и радует нас именно тем, что все части тела соответствуют одна другой с некоторым изяществом, так это подобавшее, которое светит в жизни, заслуживает одобрения у тех, среди кого мы живем, благодаря порядку и нашей стойкости и воздержности во всех наших высказываниях и действиях. (99) Итак, по отношению к людям — и ко всем наилучшим, и к остальным — надо проявлять, так сказать, уважение. Ибо пренебрегать мнением, какое о себе составил каждый человек, есть проявление не только заносчивости, но и полного нравственного падения. Но в нашем поведении по отношению к людям должно быть различие между справедливостью и уважением. Задача справедливости — не оскорблять людей, задача уважительного поведения — не задевать их самолюбия. Итак, изложив все это, я, думаю, мне, пояснил, что именно мы называем подобавшим.

(100) Что касается обязанности, которая вытекает из подобного, то сперва она следует по пути, приводящему человека к согласию с природой и к верности ей; если мы будем следовать природе как руководительнице, то мы никогда не впадем в заблуждение и будем следовать и началу, тонкому и проницательному по своей природе, и началу, соответствующему требованиям человеческого общества, и началу действенному и мощному¹⁴⁰. Но важнейшее значение подобного — в том положении, о котором мы рассуждаем¹⁴¹; ведь одобрять надо не только движения тела, соответствующие природе, но в гораздо большей степени также и движения души, которые тоже приведены в соответствие с природой. (101) Двойственна ведь сила наших душ и природы: одна часть ее основана на стремлении (по-гречески ὁρμή), которое увлекает человека то в одну, то в другую сторону;

другая основана на разуме, который учит и объясняет, что надо делать и чего надо избегать. Благодаря этому разум главенствует, а стремление подчиняется ему. (XXIX) Итак, каждый наш поступок должен быть свободен от опрометчивости и небрежности, и мы не должны совершать ничего такого, чего мы не смогли бы оправдать¹⁴², вот каково в общем определение обязанности. (102) Но надо добиваться того, чтобы наши стремления повиновались разуму, не опережали его и не отставали от него¹⁴³ ввиду человеческой вялости и лености, чтобы они были спокойны и свободны от какого-либо душевного тревожления; благодаря этому засияет свет стойкости и умеренности во всем. Ибо стремления, которые заходят чересчур далеко и, так сказать, переливаясь через край, в своих желаниях или отклонениях от прямого пути недостаточно сдерживаются разумом, несомненно, переходят границу и меру. Ведь они совершенно отвергают повиновение и не покоряются разуму, которому они подчинены по закону природы, они волнуют не только умы, но и тела людей. Достаточно взглянуть на само выражение лиц у людей, охваченных гневом, или у людей, взволнованных либо какой-нибудь страстью, либо страхом или же охваченных непомерным наслаждением; у всех этих людей выражение лица, голос, жесты, все состояние изменяются. (103) Из этого — вернемся к представлению об обязанности — можно понять, что мы должны сдерживать и успокаивать все свои стремления и развивать в себе внимание и тщательность, дабы ничего не делать ни опрометчиво и случайно, ни необдуманно и беспечно.

Ведь природа породила нас с тем, чтобы мы казались созданными не для развлечений и шуток, но для суровости и, так сказать, для более важных и более значительных стремлений. Развлечения и шутки нам, конечно, дозволены, но так же, как сон и другие виды отдыха: тогда, когда мы уже совершили более важные и ответственные дела. Самые шутки не должны быть неумеренными и нескромными, но тонкими и остроумными. Подобно тому, как мы не предоставляем детям полной свободы в их играх, но лишь такую, которая соответствовала бы нравственно-прекрасным поступкам, так и в самой шутке должен светить свет высокого ума. (104) Шутки вообще бывают двух родов: одни — неблагородные, наглые, гнусные, непристойные, другие — изящные, тонкие, умные, острые. Шутки этого рода в изобилии встречаются не только у нашего Плавта¹⁴⁴ и в древней аттической комедии¹⁴⁵, но и в книгах философов-сократиков, кроме того, и во многих остроумных высказываниях многих людей, например в собранных Катонем в годы его старости и называемых *апофтегмами*¹⁴⁶. Итак, отличить тонкую шутку от дурной легко. Первая, если ее себе позволяют к месту, в виде отдохновения для ума, достойна человека, вторая вообще недостойна свободного человека, если в ней говорится о постыдных вещах и употребляются непристойные слова¹⁴⁷. Также и при развлечениях надо соблюдать некоторую меру, дабы не растратить всех средств и, в упоении наслаждением, не дойти до какого-нибудь бесстыдства. Наше Марсово поле¹⁴⁸ и охота дают нам нравственно-прекрасные примеры развлечений.

(XXX, 105) Но для рассмотрения всего вопроса об обязанности важно всегда иметь в виду, насколько природа человека выше природы домашних животных и других зверей. Животные не знают никакого иного чувства, кроме наслаждения, и стремятся к нему всем своим существом, но человеческий ум питается учением и размышлением, всегда чего-нибудь ищет или что-либо обдумывает и руководствуется удовольствием, получаемым от возможности видеть и слышать. Более того, если кто-либо чересчур склонен к наслаждениям, — только бы он не принадлежал к породе домашних животных (ведь некоторые — люди не в действительности, а только по названию), — итак, если кто-нибудь движим сколько-нибудь возвышенными стремлениями, то он, хотя и находится во власти наслаждений, из чувства застенчивости всячески скрывает свою склонность к ним. (106) Из этого можно понять, что плотское наслаждение недостаточно достойно человека, стоящего выше животных, и наслаждение это надлежит презирать и отвергать; если же кто-нибудь несколько склонен к наслаждению, то он должен тщательно соблюдать меру в нем. Итак, пища и уход за телом должны быть направлены на сохранения здоровья и сил, а не на наслаждение. И если мы,

кроме того, захотим рассмотреть, в чем заключается превосходство и достоинство человеческой природы, то мы поймем, как позорно погрязнуть в разврате и жить роскошно и изнеженно и как прекрасно в нравственном отношении жить бережливо, воздержно, строго и трезво.

(107) Надо понять также и то, что природа возложила на нас как бы две роли; одна из них — общая всем нам ввиду того, что все мы наделены разумом и сознанием своего превосходства, благодаря чему мы стоим выше зверей; из этого проистекает все нравственно-прекрасное и подобающее, и в этом мы находим меру для выяснения своей обязанности; другая роль — та, которая возложена на каждого из нас в отдельности. И как люди бывают очень непохожи один на другого внешне (одни, как мы видим, быстротой своей пригодны для бега, другие силами своими — для борьбы; опять-таки наружности одних присуще достоинство, наружности других — красота), так и в душевном складе бывает еще большее разнообразие. (108) Большое обаяние было у Луция Красса¹⁴⁹ и у Луция Филиппа¹⁵⁰, еще большее, и притом благодаря старанию, у Гая Цезаря, сына Луция¹⁵¹; но в те времена исключительной суровостью отличались Марк Скавр и молодой Марк Друс¹⁵², очень веселым нравом — Гай Лелий¹⁵³, а большим честолубием и более строгим образом жизни — его близкий друг Сципион. Среди греков приятным, остроумным и обаятельным собеседником, в своих речах любителем притворяться неосведомленным человеком, по рассказам, был Сократ, которого греки прозвали εἰρων [вопрошающий]¹⁵⁴, напротив, Пифагор и Перикл¹⁵⁵ без какой-либо веселости достигли высшего авторитета. По рассказам, хитер был Ганнибал (из числа пунийцев), а из наших полководцев — Квинт Максим: они умели скрывать, молчать, притворяться, строить ковы, предвосхищать замыслы врага. В этом отношении греки ставят Фемистокла и Ясона из Фер¹⁵⁶ выше всех остальных, а особенно высоко — изворотливость и хитрое поведение Солона, который, желая жить в большей безопасности и приносить государству возможно большую пользу, притворился сумасшедшим¹⁵⁷. (109) Есть и другие люди, весьма непохожие на упомянутых, люди простой и открытой души, находящие недопустимым делать что бы то ни было скрыто и коварно, сторонники правды, недруги обману; есть и другие, готовые претерпеть все что угодно, услужить любому человеку, только бы достичь того, чего они хотят; такими, как мы видели, были Сулла¹⁵⁸ и Марк Красс¹⁵⁹. Из числа таких людей изворотливейшим и терпеливейшим человеком, по преданию, был лакедемонянин Лисандр — в противоположность Калликратиду, который встал во главе флота тотчас же после Лисандра; опять-таки каждый человек, весьма искусный в речах, достигает того, что он — хотя и весьма могуществен — кажется обыкновенным; мы видели это у Катулов, отца и сына¹⁶⁰, и у Квинта Муция Манции¹⁶¹. Я слышал от людей старшего поколения, что этим же качеством отличался и Публий Сципион Насика¹⁶² (напротив, его отец, наказавший Тиберия Гракха за его пагубные попытки, далеко не был обходителем в речах, как и Ксенократ¹⁶³, суровейший из философов), и именно по этой причине был велик и знаменит. Бывает неисчислимое множество других случаев несходства натуры и нрава, все же отнюдь не заслуживающего порицания.

(XXXI, 110) Каждый, однако, должен быть верен своей натуре, не своим недостаткам, но все же чертам, ему свойственным, дабы ему было легче сохранять то подобающее, которое мы рассматриваем. Надо поступать так, чтобы отнюдь не противиться природе, общей всем людям, и все-таки, сохранив ее, следовать своей собственной — с тем, чтобы (хотя другие стремления значительнее и лучше) сами мы измеряли свои стремления мерой своей натуры; нет ведь смысла ни противиться природе, ни преследовать такую цель, какой не можешь достичь. Из этого становится более ясным, что именно представляет собою "подобающее", о котором мы говорим, так как ничто не бывает подобающим наперекор Минерве, как говорится¹⁶⁴, то есть когда природа чему-нибудь противится или что-нибудь отвергает. (111) Вообще говоря, если что-нибудь подобает, то, конечно, более, чем что бы то ни было, подобает уравновешенность как во всей жизни в целом, так и в каждом из наших действий; ты

не сможешь ее сохранить, если ты, подражая натуре других людей, изменишь своей. Ведь как мы должны пользоваться тем языком, который нам известен, во избежание того, чтобы нас не осмеяли с полным на это основанием, как это бывает с некоторыми людьми, уснащающими свою речь греческими словами¹⁶⁵, так мы не должны вносить разлада в свои действия и во всю свою жизнь. (112) И это различие в человеческой натуре имеет такое большое значение, что иногда один человек должен сам осудить себя на смерть, а другой, находящийся точно в таком же положении, не должен. Разве Марк Катон был в каком-либо ином положении сравнительно с другими людьми, которые сдались в Африке Цезарю?¹⁶⁶ Но другим, быть может, поставили бы в вину, если бы они покончили с собой, так как менее строга была их жизнь, а их характер был более уступчив; Катон же, так как природа наделила его необычайной твердостью правил и так как он укрепился в ней по своей неизменной стойкости и всегда оставался верен своему решению, им себе намеченному и принятому, должен был скорее умереть, чем взглянуть в лицо тирану¹⁶⁷. (113) Как много испытал Улисс во время своих долгих скитаний, когда он был в услужении у женщин (если Кирку и Калипсо можно назвать женщинами) и во всех своих речах хотел быть со всеми любезен и всем приятен, а у себя в доме претерпел даже оскорбления от рабов и служанок, чтобы рано или поздно достичь того, чего желал!¹⁶⁸ Но Аякс¹⁶⁹, при том душевном складе, какой ему приписывают, предпочел бы тысячу раз пойти на смерть, но только бы не претерпеть того, что выпало на его долю. Ввиду всего этого каждому надо будет взвесить, каковы его личные качества, применить их и не желать испытать, в какой мере ему подобают качества других людей; ведь каждому более всего подобает именно то, что ему более всего свойственно. (114) Итак, пусть каждый знает свои возможности и будет проникательным судьей своим хорошим и дурным качествам, дабы не показалось, что актеры проникательнее нас. Ведь они выбирают себе не наилучшие, но наиболее подходящие им трагедии: те, кто уверен в своем голосе, — "Эпигонов"¹⁷⁰ и "Меда"¹⁷¹; кто уверен в своем жесте, — "Меланиппу"¹⁷² и "Клитемнестру"¹⁷³. Рупилий, которого сам я помню, всегда играл Антиопу, но Эзоп¹⁷⁴ нечасто играл Аякса. Итак, актер поймет это на сцене, но этого не поймет мудрый человек в жизни? Потрудимся же именно над тем, к чему мы будем наиболее способны. Но если необходимость когда-либо заставит нас заняться тем, что будет не по нашим способностям, то нам понадобится приложить все свои заботы, умение обдумывать, внимание, чтобы выполнить свою задачу если и не вполне подобающим образом, то все-таки возможно менее неподобающим. При этом надо не столько стараться следовать хорошим качествам, которые нам не были даны, сколько бежать от пороков.

(XXXII, 115) К тем двум ролям, которые я назвал выше, присоединяется третья, которую на нас возлагают те или иные случайности или обстоятельства, и четвертая, которую мы берем на себя по своему собственному решению. Ведь царская власть, империй, знатность, магистратуры, богатства, как и все им противоположное, зависящее от случая, управляется обстоятельствами; но роль, которую мы хотим играть, зависит от нашей воли. Итак, одни посвящают себя философии, другие — гражданскому праву, третьи — красноречию; что касается самих доблестей, то один предпочитает отличиться в одной из них, другой — в другой. (116) А те, чьи отцы или предки прославились на том или ином поприще, стараются превзойти других людей такими же заслугами; например, Квинт Муций, сын Публия¹⁷⁵, — в гражданском праве, сын Павла, Публий Африканский, — в военном деле. Кое-кто, однако, к заслугам, унаследованным им от отцов, прибавляет и некоторые свои; так, этот же Публий Африканский воинскую славу свою увенчал красноречием¹⁷⁶; так же поступил и Тимофей, сын Конона¹⁷⁷, который, в воинских заслугах не уступая отцу, к заслугам этим прибавил славу ученого и одаренного человека. Но иногда бывает, что некоторые, отказавшись подражать предкам, преследуют ту или иную цель, и в большинстве случаев здесь трудятся люди, ставящие себе великие задачи, произойдя от малоизвестных предков.

(117) Итак, в поисках подобающего мы должны охватить все это умом и помыслами; но прежде всего мы должны решить, кем и какими мы хотим быть и какой вести образ жизни, а это размышление труднее всякого другого. Ведь именно в ранней молодости, когда наша способность судить была очень мала, каждый из нас и определил для себя будущий образ жизни, который он особенно и полюбил. Поэтому человек избирает себе тот или иной образ жизни и жизненный путь раньше, чем может судить, что именно наилучшее. (118) Как говорится у Ксенофонта, приводящего рассказ Продика¹⁷⁸, Гераклес в юности (а этот возраст предназначен природой для избрания жизненного пути, на который человек вступит) удалился в пустынную местность и, сидя там и видя перед собой две дороги, одну — Наслаждения, другую — Доблести, долго раздумывал, по которой из них ему было бы лучше пойти; с Гераклесом, происшедшим из семени Юпитера¹⁷⁹, это, пожалуй, случиться могло, но не с нами, подражающими тем людям, которым каждый из нас решил подражать, и руководствующимися их склонностями и решениями. Но в большинстве случаев мы, усвоив себе наставления родителей, решаем следовать их обыкновению и образу жизни; другие считаются с суждением толпы и избирают, главным образом, то, что кажется самым прекрасным большинству людей; некоторые, однако, — благодаря ли удачливости или хорошим природным качествам — и без родительского воспитания пошли по правильному пути в жизни.

(XXXIII, 119) Но крайне редко встречаются люди, которые, обладая выдающимся и великим дарованием, или превосходным образованием, или и тем и другим, располагали бы также и временем для размышления о том, какой именно путь в жизни им избрать¹⁸⁰; размышляя об этом, каждый должен принять решение всецело в соответствии со своими склонностями. Ибо если мы, при всех своих действиях, как уже было сказано выше, стараемся узнать, что именно подобает нам в соответствии с нашими прирожденными склонностями, то при избрании всего жизненного пути мы должны прилагать гораздо большую заботу к тому, чтобы в течение всей своей жизни оставаться верными себе и, исполняя любую обязанность, не совершить оплошности. (120) Так как при этом наибольшее значение имеет наша натура, а судьба занимает второе место, то, вообще говоря, при избрании жизненного пути надо принимать во внимание и ту и другую, но в большей степени — свою натуру; ведь она намного более надежна и стойка, так что судьба иногда, как нам кажется, будучи смертна, борется с бессмертной природой. Итак, пусть тот, кто приведет весь намеченный им для себя жизненный путь в соответствие с особенностями своей натуры, свободной от пороков¹⁸¹, останется верен себе (ведь это более всего и подобает человеку), если только он не поймет, что при избрании своего образа жизни он ошибся. Если это случится — а это может случиться, — то надо изменить свой образ жизни и намерения. Если обстоятельства помогут такой перемене, то сделать это будет легче и проще; в противном случае надо будет делать это постепенно и шаг за шагом — подобно тому, как, когда дело идет о дружеских отношениях, нас не особенно радующих и не заслуживающих одобрения, мудрые люди находят более подобающим прекращать их постепенно, а не разрывать сразу¹⁸². (121) Но мы, изменив свой образ жизни, должны всячески заботиться о том, чтобы это казалось сделанным нами после зрелого размышления.

Но так как несколько выше было сказано, что надо подражать предкам, то прежде всего должно быть исключено подражание порокам, затем — случаи, когда природа не потерпит подражания кое-каким примерам; так, сын старшего Публия Африканского, усыновивший сына Павла, ввиду слабости здоровья не смог уподобиться своему отцу в такой мере, в какой тот был подобен своему¹⁸³. Итак, если человек не сможет ни выступать защитником в суде, ни привлекать к себе внимание народа речами на сходках, ни вести войны, то он все же должен будет проявлять качества, которые будут в его власти, — справедливость, верность слову, щедрость, умеренность и воздержность, дабы в нем тем не менее чувствовалось отсутствие того, чего он лишен. Но наилучшее наследство, передаваемое детям их отцами и более ценное,

чем любое имущество, — слава доблести и деяний; опозорить ее, признаем это, — поступок нечестивый, порок.

(XXXIV, 122) А так как разным возрастам поручаются разные обязанности (одни — молодым людям, другие — старым), то надо сказать несколько слов и об этом различии. Итак, долг юноши — чтить старших годами, а из них избирать наилучших и самых уважаемых, дабы опираться на их мудрость и авторитет. Ибо неосведомленность ранней молодости нуждается в дальновидности стариков, чтобы на ней основываться и ею руководствоваться¹⁸⁴. Но более всего возраст этот надо оберегать от страстей и упражнять в труде и выдержке как для духа, так и для тела, дабы при исполнении юношами как их воинского, так и гражданского долга их настойчивость проявлялась со всей силой. Также и тогда, когда они захотят отдохнуть душой и доставить себе удовольствие, они должны остерегаться невоздержности и помнить о скромности, что для них будет более легким делом, если люди, старшие годами, <не> откажутся участвовать даже в этом. (123) Что касается стариков, то они, по-видимому, должны усилия для своего тела ограничивать, а упражнения для ума даже увеличивать; но им надо стараться оказывать своей мудростью и дальновидностью возможно большую помощь друзьям и молодежи, а более всего государству. Но более всего старость должна остерегаться бездействия и праздности; если склонность к разврату позорна во всяком возрасте, то в старости она отвратительна; если же к ней присоединяется невоздержность в страстях, то это — зло вдвойне, так как старость и сама покрывает себя бесчестьем, и делает еще более бесстыдной невоздержность молодых людей.

(124) Вполне уместно поговорить и об обязанностях магистратов, частных лиц, граждан и чужеземцев. Итак, прямой долг магистрата — понимать, что он представляет городскую общину и должен поддерживать ее достоинство и честь, соблюдать законы, определять права и помнить, что они поручены его верности. А частному лицу следует жить среди сограждан на основании справедливого и равного для всех права, не быть ни приниженным и унылым, ни заносчивым, а в государственных делах желать всего того, что спокойно и прекрасно в нравственном отношении. Именно такого человека мы обыкновенно и считаем и называем честным гражданином. (125) Что касается чужеземца и поселенца¹⁸⁵, то их обязанность — заниматься только своими делами, не вмешиваться в чужие и менее всего интересоваться положением в чужом государстве. Такими, в общих чертах, будут обязанности, если нас спросят, что именно подобает и что подходит для отдельных лиц, обстоятельств, возрастов. Но более всего подобает в каждом действии и при принятии каждого решения сохранять стойкость.

(XXXV, 126) И вот, так как это подобающее усматривается во всех действиях, высказываниях, наконец, в телодвижениях и осанке и основана на трех вещах — на красоте, на порядке и на одежде, приспособленной для деятельности (все это трудно описать словами, но будет достаточно, если это поймут), и так как на этих трех вещах основано также и старание заслужить одобрение у тех, вместе с кем и среди кого мы живем, то надо сказать несколько слов и об этом. Прежде всего, сама природа, по-видимому, проявила большое внимание к нашему телу, сделав доступными взорам всех людей наши лицо и наружность в целом, в которых выражена наша нравственная красота. Что касается частей тела, предназначенных для отправления естественных нужд, частей тела, которые должны были быть безобразны на взгляд и по своей форме, то природа их прикрыла и спрятала¹⁸⁶. (127) Этому столь тщательному мастерству природы стала подражать стыдливость людей. Ведь то, что природа укрыла, все здравомыслящие люди делают недоступно человеческому взору и стараются отправлять естественные нужды возможно более скрыто; что касается частей тела, пользоваться которыми необходимо, то их и пользование ими не называют их именами. И то, что делать не позорно, только бы это делалось украдкой, называть непристойно. Таким образом, ни открытое совершение этих дел несвободно от распущенности, ни непристойные

речи о нем. (128) И право, не следует слушать киников и кое-кого из стоиков, бывших чуть ли не киниками¹⁸⁷; они порицают и высмеивают нас за то, что мы, говоря о непозорных вещах, употребляем постыдные слова, а позорные вещи называем их именами. Разбойничать, обманывать, прелюбодействовать, по существу, позорно, но об этом говорят без непристойности; прилагать старания насчет детей, по существу, прекрасно в нравственном отношении, но по названию своему непристойно. Эти же философы рассматривают и многое другое по этому вопросу, нанося ущерб стыдливости¹⁸⁸. Мы же следуем природе и избегаем всего того, что оскорбляет наш взор и слух; осанка, походка, способ сидеть, способ возлежать за столом, выражение лица, глаза, движения рук — все это должно оставаться подобающим. (129) При этом надо избегать особенно тщательно двух вещей: как расслабленности и изнеженности, так и грубости и неотесанности. Право, нельзя допускать, чтобы хорошие качества были свойственны только актерам и ораторам, а нам были чужды. Что касается людей, выступающих на сцене, то их обычай, в силу древних правил, требует большой стыдливости, так что без набедренной повязки¹⁸⁹ на сцену не выходит никто; ибо они опасаются, как бы их, если у них случайно откроются некоторые части тела, не увидели в неподобающем виде. По нашему обычаю, взрослые сыновья не моются вместе с отцом, а зятья — с тестем¹⁹⁰. Итак, такую стыдливость надо хранить — тем более что в этом нас наставляет и нами руководит сама природа.

(XXXVI, 130) Есть два вида красоты: одному из них присуще изящество, другому — достоинство; изящество мы должны считать свойственным женщине, достоинство — свойственным мужчине. Следовательно, надо удалять какие бы то ни было внешние украшения, недостойные мужа, и такого же порока надо остерегаться в своих жестах и движениях. Ведь движения, какие мы делаем на палестре¹⁹¹, часто вызывают некоторое неудовольствие, а кое-какие жесты актеров несвободны от пошлости; в обоих случаях хвалят все правильное и простое. Далее, внешнее достоинство надо поддерживать хорошим цветом лица, а цвет лица — телесными упражнениями. Кроме того, надо соблюдать чистоту, которая не должна быть ни неприятной, ни чересчур изысканной, но лишь далекой от грубой небрежности и невоспитанности. Такого же правила надо держаться в одежде, в которой, как и во всем, наилучшее — разумная середина. (131) Надо, однако, остерегаться медлительности и вялости в походке, дабы не походить на носильщиков в шествиях, как и чрезмерной быстроты и спешки, так как, когда ее допускают, появляется одышка, изменяется выражение лица, искажаются его черты; все это ясно указывает на отсутствие стойкости. Но гораздо больше надо стараться о том, чтобы были естественны движения души; мы достигнем этого, если будем следить за тем, чтобы нас не охватывали ни тревожения, ни смертельный страх, и обращать внимание на соблюдение всего того, что подобает. (132) Что касается движений души, то они бывают двоякие: одни связаны с размышлением, другие — со стремлениями. Размышление бывает направлено, главным образом, на поиски истины; стремление побуждает нас к деятельности. Поэтому надо стараться прибегать к размышлению для возможно лучших дел, а стремления подчинять разуму.

(XXXVII) Так как значение речи велико и она бывает двух родов — речь ораторская и беседа, то ораторская речь должна предназначаться для выступлений в суде, на народных сходках, в сенате¹⁹²; беседа будет уместна при встречах, при спорах, в собрании близких друзей; ею должны сопровождаться также и пирушки. Насчет ораторской речи наставления — дело риторов, но не насчет беседы, хотя также и это, пожалуй, возможно. Для занятий с учениками находят наставников; между тем умению вести беседу не учится никто; толпа риторов заполняет все; впрочем, так как насчет слов и мыслей правила известны, то они же будут распространяться и на беседу. (133) Так как для речи мы располагаем голосом, а при пользовании им преследуем две цели — чтобы он был звучен и приятен, то обоих качеств, вообще говоря, надо добиваться от природы; но первое увеличится благодаря упражнению, второе — благодаря подражанию людям, говорящим отчетливо и спокойно. В Катулах не

было ничего, что заставляло бы находить в них тонкое понимание литературы, хотя они были образованными людьми; но ведь такими же были и другие; однако они, по всеобщему мнению, превосходно говорили по-латински; речь их звучала приятно, слогов они не отчеканивали и не проглатывали, так что не было ни невнятности, ни манерности; голос у них, при отсутствии напряжения, не был ни тягуч, ни певуч. Речь Луция Красса была более богата и не менее остроумна, но за Катулами признавали не меньшую способность говорить красно. Своим остроумием и шутками Цезарь, брат Катула отца¹⁹³, превзошел всех, так что он именно в судебном красноречии, прибегая к беседе, брал верх над выступлениями других людей. Во всем этом надо потрудиться, если мы ищем того, что подобает.

(134) Итак, пусть наша беседа, в которой наиболее искусны сократики¹⁹⁴, будет спокойна и полна уступчивости; пусть в ней будет приятность. И из нее, право, не следует исключать других людей, словно мы вступили во владение; нет, как и в других случаях, так и во всеобщей беседе надо находить вполне справедливым, чтобы каждый говорил в свою очередь. При этом прежде всего надо принимать во внимание, о чем говорят: если о важных предметах, то в беседу надо вносить строгость; если о забавных, то приятность; но прежде всего следует остерегаться, как бы беседа не открыла какого-либо недостатка в нраве человека, что обыкновенно случается чаще всего тогда, когда с пристрастием говорят об отсутствующих, желая их очернить, и либо изображают их со смешной стороны, либо говорят сурово, злобно и оскорбительно. (135) В большинстве случаев беседуют либо о домашних делах, либо о положении в государстве, либо о занятиях науками и о философии. Итак, надо стараться, чтобы беседа, даже если она станет отклоняться в сторону, снова обратилась к одному из этих предметов, но в соответствии с тем, кто именно присутствует. Ведь мы получаем удовольствие не от одних и тех же вопросов, и не во всякое время, и не в одинаковой степени. Надо обращать внимание и на то, до какого времени беседа доставляет удовольствие ее участникам, дабы — если было основание к ней приступить — была и мера, чтобы ее закончить.

(XXXVIII, 136) Но подобно тому, как в течение всей нашей жизни нам, с полным на это основанием, советуют избегать треволнений, то есть чересчур сильных движений души, не повинующихся разуму, так беседа должна быть свободна от таких движений души, в которых может проявиться гнев, или какое-либо пристрастие, или леность, или безволие и обнаружится что-нибудь в таком же роде, и более всего надо стараться показать, что тех, с кем мы будем вести беседу, мы уважаем и любим. Иногда необходимы даже упреки, причем, пожалуй, бывает нужно повысить голос, воспользоваться более резкими словами и постараться показать, что мы так поступаем в состоянии гнева¹⁹⁵. Но как к прижиганию и отсечению¹⁹⁶, так и к этому виду порицания мы будем прибегать редко, нехотя и всегда только по необходимости, если не окажется возможным лечить иным способом; но все же да не будет места для гнева, посредством которого ничего нельзя совершить справедливо, ничего — обдуманно. (137) В большинстве случаев дозволяется прибегать к мягкому порицанию, но все же со строгостью — с тем, чтобы и проявить суровость, и не допустить оскорблений. Кроме того, надо показать, что суровость упреков была проявлена для пользы именно того человека, которого упрекают. Правильно также, чтобы в тех столкновениях, какие у нас происходят с нашими злейшими недругами, мы, хотя и слышим речи, нами не заслуженные, все-таки сохраняли достоинство и не поддавались гневу. Ведь того, что сопровождается некоторыми треволнениями, невозможно ни совершить, оставаясь стойкими, ни оправдать в глазах присутствующих. Некрасиво и прибегать к самовосхвалению, особенно ложному, и среди насмешек слушателей уподобляться "хвастливому воину"¹⁹⁷.

(XXXIX, 138) А так как мы рассматриваем все (во всяком случае, мы хотим этого), то нам следует поговорить и о том, каков должен быть дом человека, окруженного почетом и первенствующего, предназначенный для пользования; этому должен соответствовать план

постройки, причем, однако, надо руководствоваться заботой об удобстве и достоинстве. Гнею Октавию, первому в этой ветви рода избранному в консулы, как мы узнали, принесло почет то, что он построил для себя на Палатии превосходный и великолепный дом, который, когда все видели его, казалось, подавал голос за избрание в консулы своего владельца, нового человека¹⁹⁸. Скавр¹⁹⁹, сломав этот дом, сделал пристройку к своим строениям. Таким образом, Октавий первым принес в свой дом консулат, а Скавр, сын выдающегося и прославленного мужа, в свой расширенный дом возвратился не только с неудачей, но и с бесславием и после несчастья. (139) Ведь дом должен придавать достоинство человеку; но последнее нельзя всецело усматривать в доме и не по дому надо почитать его владельца, а по владельцу — дом. И как в других сторонах жизни надо считаться не только с собой, но и с другими людьми, так и в доме прославленного человека, где приходится принимать многочисленных гостей и видеть множество людей и граждан, надо заботиться о поместительности; однако обширный дом часто приносит позор своему владельцу, если он пустынен, а более всего, если некогда, при другом владельце, его обыкновенно посещало множество людей. Ведь очень печально, когда прохожие говорят:

О старый дом! Увы, как не подходит тот
Владелец, что тобой владеет!²⁰⁰

Впрочем, в наше время можно сказать это во многих случаях²⁰¹. (140) Кроме того, надо остерегаться, если строишь дом сам, превысить меру в расходах и великолепии. В этой области много зла даже перед нашими глазами. Ведь большинство людей, особенно в этом отношении, усердно подражает людям, первенствующим среди нас, например Луцию Лукуллу²⁰², выдающемуся мужу. А доблести его кто подражает? Но как много нашлось людей, подражавших великолепию его усадеб!²⁰³ В убранстве усадеб, несомненно, надо соблюдать меру и вернуться к разумной середине. Эту же разумную середину надо переносить на весь уклад и образ жизни. Но об этом достаточно.

(141) В каждом начинании надо соблюдать три правила: во-первых, подчинять свои стремления разуму, а это более чем что-либо другое способствует соблюдению человеком своих обязанностей; во-вторых, принимать во внимание, сколь важно то, что мы хотим совершить, — дабы не брать на себя забот и трудов ни больших, ни меньших, чем требует дело; в-третьих, соблюдать меру во всем том, что относится к внешнему впечатлению благородства и к достоинству. Ведь наилучшая мера — придерживаться именно того подобающего, о котором мы говорили ранее, и не выходить за его пределы. Из этих трех правил, во всяком случае, самое важное — подчинять стремления разуму.

(XL, 142) Далее нам надо поговорить о распорядке и о благоприятном времени, а они связаны со знанием, которое греки называют *эйтаксией*; это не та, которую мы в переводе называем умеренностью [modestia], от слова "мера" [modus]; нет, это та *эйтаксия*, под которой понимают соблюдение распорядка. Поэтому, дабы мы могли также и ее называть умеренностью, стоики дают такое определение: умеренность есть умение ставить все то, что делается или говорится, на соответствующее место. Таким образом, понятия "распорядок" [ordo] и "подходящее место" [collocatio], по-видимому, будут иметь один и тот же смысл; ибо "распорядок" стоики определяют так: расположение вещей в соответствующих и подходящих для них местах; опять-таки место действия, по их словам, есть соответствие во времени; соответствующее время действия по-гречески называется *эйкайрией*, а по-латински — благоприятным случаем [occasio]. Таким образом, умеренность, которую мы понимаем так, как я сказал, есть умение выбирать время, подходящее для действий. (143) Впрочем, дальновидности, о которой мы говорили вначале, можно дать такое же определение, но здесь мы рассматриваем вопрос о самообладании, воздержности и подобных им доблестях. Итак, о том, что свойственно дальновидности, было сказано в свое время. Но о том, что свойственно

этим доблестям, о которых мы уже долго говорим, и что относится к уважению и одобрению со стороны тех, среди кого мы живем, надо сказать теперь.

(144) Итак, в действиях надо соблюдать такой порядок, чтобы и в стройной речи, и в жизни все соответствовало и подходило одно к другому; ведь позорно и совсем неправильно вставлять в речь о важном деле слова, уместные на пирушках и двусмысленные. Когда коллегой Перикла по претуре был поэт Софокл, и они встретились для исполнения общих обязанностей²⁰⁴, и Софокл сказал о красивом мальчике, случайно проходившем мимо: "Какой красивый мальчик, Перикл!", — то Перикл очень уместно заметил: "Это верно, Софокл, но претору подобает не давать воли не только своим рукам, но и своим взорам". Если бы Софокл сказал это же при испытании атлетов, он не услышал бы подобного справедливого упрека. Значение места и времени столь велико, что, если бы человек, намеревающийся выступить в суде, стал рассуждать сам с собой в пути и в портике для прогулок²⁰⁵ или сосредоточенно обдумывать что-нибудь другое, он не встретил бы порицания; но если бы он так поступил во время пирушки, то его сочли бы необразованным человеком ввиду его неуместного поведения. (145) Но то, что вовсе не соответствует поведению просвещенного человека, — например, если кто-нибудь запоет на форуме или позволит себе что-либо никак не допустимое, — легко бросается всем в глаза и не требует особого предупреждения и наставлений; что касается проступков, кажущихся незначительными и незаметными многим людям, то их надо тщательно избегать. Как в игре на лире или на флейте сведущий человек обыкновенно замечает даже малый разлад, так и в жизни надо следить за тем, чтобы случайно не было какого-нибудь разлада, и следить даже намного внимательнее, так как соответствие действий важнее и прекраснее соответствия звуков.

(XLI, 146) Итак, подобно тому, как при игре на лире ухо музыканта воспринимает даже малейшую фальшь²⁰⁶, так и мы, желая быть зорки и внимательны и уметь замечать недостатки, часто будем делать важные выводы на основании мелочей. Но по тому, как люди смотрят на нас, как они хмурятся или перестают хмуриться, по их печальному или веселому виду, смеху, говорливости или молчаливости, повышению или понижению голоса и другим подобным признакам мы легко сделаем вывод насчет того, что им подходит и что не соответствует долгу и природе. В этом отношении очень выгодно оценивать те или иные поступки на чужом примере, дабы самому не сделать того, что не подобает другим. Ведь мы почему-то замечаем малейшие проступки других людей лучше, чем свои²⁰⁷. Поэтому при обучении лучше всего поддаются исправлению те люди, чьим порокам их наставники подражают с целью их исправления.

(147) Вполне уместно также, для выбора из того, что у нас вызывает сомнения, обращаться к ученым людям, особенно к искушенным благодаря их опыту, и узнавать их мнение насчет каждой из обязанностей. Ведь большинство людей, можно сказать, обыкновенно стремится туда, куда их ведет сама природа. В таких случаях надо интересоваться не только тем, что говорит каждый из них, но и тем, что каждый из них думает и по какой причине каждый из них это думает. Ведь подобно тому, как живописцы и ваятели, а также и поэты все хотят, чтобы толпа оценивала их произведения²⁰⁸, дабы они могли исправить то, в чем большинство людей нашло недостатки, и, рассматривая сами и расспрашивая других, стараются выяснить, в чем именно они погрешили, так и мы, на основании суждения других людей, должны очень многое делать, многого делать не должны, многое должны изменять и поправлять. (148) Насчет того, как мы поступим в соответствии с обычаем и гражданскими установлениями, давать наставления надобности нет. Ведь все это само по себе — наставления, и никто не должен впадать в заблуждение, решив, что если Сократ или Аристипп²⁰⁹ совершили или высказали что-нибудь противное обычаю или гражданскому правопорядку, то это же самое дозволено и ему. Ведь те люди достигали подобной вольности своими великими и богами им внушенными качествами. Что касается учения киников, то его надо полностью отвергнуть;

ибо оно враждебно совестливости, без которой невозможно ничто правильное, ничто нравственно-прекрасное. (149) Что касается тех, чья жизнь была у всех на виду, проходя в нравственно-прекрасных деяниях, людей с честными намерениями по отношению к государству и с большими заслугами перед ним как в прошлом, так и в настоящем, облеченных той или иной магистратурой или империем, то мы должны их уважать и почитать, во многом считаться с их старостью, оказывать предпочтение тем из них, кто будет магистратом; мы должны знать различие между гражданином и чужеземцем, а в отношении чужеземца принимать во внимание, как он приехал к нам: как частное лицо или официальное? Итак — дабы нам не обсуждать каждого случая в отдельности, — мы должны почитать, охранять и оберегать весь человеческий род в его всеобщем объединении и союзе.

(XLII, 150) Далее, насчет ремесел и заработков — и таких, которые надо считать достойными свободного человека, и презренных²¹⁰ — мы получили в общем следующие заветы: во-первых, порицаются доходы, навлекающие на себя ненависть людей, как доходы сборщиков пошлин и ростовщиков. Недостойны свободного человека и презренны заработки всех поденщиков, чей покупается труд, а не искусство; ведь в этих занятиях самая плата есть вознаграждение за рабское состояние. Презренными людьми надо считать и тех, кто покупает товары у торговцев, чтобы их тотчас же перепродать; ибо они получают доход только в том случае, если сильно обманывают покупателя, а ведь нет ничего более постыдного, чем обман. Все ремесленники занимаются презренным трудом, в мастерской не может быть ничего благородного, и наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения.

Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью —
Колбасники, пирожники и рыбник... —

говорит Теренций²¹¹, прибавь к ним, если хочешь, людей, изготовляющих благовония²¹², плясунов²¹³ и всю игру в кости²¹⁴. (151) Что касается ремесел, в которых нужны большие знания, или ремесел, от которых ожидают немалой пользы, как лекарство, архитектура, обучение всему нравственно-прекрасному, то они нравственно-прекрасны для тех, чьим знаниям они соответствуют. Но торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом; если же она обширна и прибыльна, когда отовсюду привозится много товаров и многие люди снабжаются ими без обмана, то ее порицать нельзя. Более того, если она, насытившись или, вернее, удовлетворившись полученным доходом, перешла, как это часто бывает, из открытого моря в гавань, а из самой гавани в глубь страны и в земельные владения, то ее, по-видимому, можно хвалить с полным на это основанием²¹⁵. Но из всех занятий, приносящих некоторый доход, сельское хозяйство — наилучшее, самое благодарное, самое приятное, наиболее достойное человека, и притом свободного²¹⁶; так как я достаточно подробно высказался о нем в "Катоне Старшем"²¹⁷, то ты там найдешь все, относящееся к этому вопросу.

(XLIII, 152) Как обязанности возникают из положений, относящихся к нравственной красоте, по-видимому, объяснено достаточно ясно. И вот, между самими нравственно-прекрасными поступками часто могут возникать соперничество и сравнение: который из двух нравственно-прекрасных поступков прекраснее? Панэтий пропустил этот вопрос²¹⁸. Ибо поскольку всякая нравственная красота вытекает из четырех положений, первое из которых относится к познанию, второе — к общественному началу, третье — к великодушию, четвертое — к самообладанию, то часто возникает необходимость сравнить их при выборе обязанности.

(153) И вот я и думаю, что обязанности, проистекающие из общественного начала, соответствуют природе больше, чем обязанности, проистекающие из познания, и это можно подтвердить следующим доказательством: если бы на долю мудрого человека выпала жизнь, когда бы он, среди полного изобилия во всем, пользуясь полным досугом, стал наедине с

собой оценивать и созерцать все достойное познания, то все-таки, если бы его одиночество было столь полным, что он не мог бы видеть ни одного человека, он ушел бы из жизни²¹⁹. И первая из всех доблестей²²⁰ — та мудрость, которую греки называют σοφία. Ведь под дальновидностью, которую греки называют φρόνησις, мы понимаем другую доблесть — знание того, к чему надо стремиться, и того, чего надо избегать. А та мудрость, которую я назвал первенствующей, есть знание дел божеских и человеческих²²¹, на котором основаны общность между богами и людьми и союз между одними и другими²²²; если доблесть эта — величайшая, какова она, несомненно, и в действительности, то из этого непременно следует, что обязанность, возникающая из общности, — величайшая. И в самом деле, познание и созерцание природы были бы в каком-то отношении неполными и только начатыми, если бы за ними не последовало действия. И вот, действие это бывает более всего видно в охране интересов людей; оно, таким образом, имеет прямое отношение к человеческому обществу; поэтому его надо ставить превыше познания. (154) И все лучшие люди доказывают это на деле и так думают. И право, кто столь поглощен изучением и познанием природы вещей, что он — если ему, когда он будет рассматривать и созерцать предметы, достойные познания, неожиданно сообщат о грозной опасности, угрожающей отечеству, которому он может прийти на помощь и оказать содействие, — всего этого не оставит и не отбросит, даже если он думает, что может счесть звезды или измерить вселенную? И он поступит точно так же, если опасность будет угрожать его отцу или другу. (155) Из этого понятно, что занятиям наукой и обязанностям перед нею надо предпочитать обязанности перед справедливостью, имеющие целью пользу людей, дороже которой для человека не должно быть ничего.

(XLIV) И именно те люди, чьи занятия и вся жизнь были посвящены познанию, все же не переставали заботиться о пользе и об интересах людей; ведь они обучили многих людей, дабы они стали лучшими гражданами, более полезными своим государствам; так, например, фиванца Эпаминонда обучал пифагореец Лисис²²³, сиракузянина Диона²²⁴ — Платон, многие обучали многих²²⁵; лично я все то, что отдал государству (если я ему вообще что-то отдал), отдал, приступив к государственной деятельности подготовленным и наставленным своими учителями и их учениями. (156) И учителя обучают и наставляют желающих учиться не только будучи живы и находясь среди нас; нет, они даже посмертно достигают этого же своими сохранившимися сочинениями. Ведь они не пропустили ни одного положения, относящегося к законам, к обычаям, к государственному устройству, так что они, как нам кажется, посвятили свои досуги нашей деятельности. Так эти же люди, преданные изучению науки и мудрости, направляют всю свою проницательность и дальновидность именно на служение людям; также и по этой причине красно говорить — только бы это говорилось дальновидно — лучше, чем глубочайше мыслить, не проявляя красноречия²²⁶, так как мышление замыкается в самом себе, а красноречие охватывает тех, с кем мы объединены общественными узами. (157) И как рои пчел собираются вместе не ради того, чтобы лепить соты, но лепят соты, потому что они от природы склонны собираться вместе, так и люди, и притом в гораздо большей мере, собравшись вместе ввиду своих природных качеств²²⁷, проявляют изобретательность в своих действиях и помышлениях.

Итак, если доблесть, выражающаяся в защите людей, то есть в общности человеческого рода, не направлена на познание, то познание кажется нам односторонним и бесплодным. (Равным образом величие духа без доброжелательности и без единения между людьми стало бы, так сказать, дикостью и свирепостью.) Таким образом, объединение и общественные узы между людьми берут верх над стремлением к познанию. (158) И не верно то, что кое-кто²²⁸ говорит, будто общественные узы и союз между людьми установлены ввиду необходимости жить, так как мы не можем, без участия других людей, достигать и совершать все то, в чем природа нуждается; и если бы все то, что необходимо для нашего существования и жизни, доставлялось нам как бы по мановению божественной палочки, как говорится²²⁹, то тогда все самые одаренные люди, оставив все свои дела, всецело обратились бы к познанию и науке. Но

это не так; ибо такой человек и бежал бы от одиночества, и искал бы участника в занятиях, и хотел бы то обучать, то учиться, то слушать, то говорить. Следовательно, каждую обязанность, способную оберегать объединение и общественные узы между людьми, надо ставить выше обязанности, состоящей в познании и занятиях наукой.

(XLV, 159) Быть может, следовало бы спросить, надо ли общность эту, в величайшей степени соответствующую природе, всегда ставить выше также и самообладания и умеренности. Не думаю этого. Ведь одни действия столь отвратительны, другие столь позорны, что мудрый человек не совершит их даже ради спасения отечества. Посидоний²³⁰ собрал много таких примеров, но некоторые из них столь скверны, столь непристойны, что кажутся позорными, даже когда о них говорят. Итак, мудрый не совершит их в интересах государства, и государство даже не захочет, чтобы их ради него совершали. Но, к счастью, невозможен случай, когда интересы государства потребовали бы, чтобы мудрый совершил одно из упомянутых действий²³¹. (160) Да будет поэтому твердо установлено, что при рассмотрении обязанностей на первом месте должен быть тот род обязанностей, который зиждется на общественных узах между людьми. И в самом деле, обдуманное действие вытекает из познания и дальновидности; таким образом, действовать обдуманно важнее, чем мыслить дальновидно. Но об этом достаточно. Положение это разъяснено, так что при рассмотрении обязанности нетрудно понять, что чему следует предпочитать. Но в пределах самого человеческого общества существуют ступени обязанностей, а это позволяет понять, какая из них выше других, так что первая довлеет бессмертным богам, вторая — отечеству, третья — родителям, затем, в последовательности, — всем остальным.

(161) Из краткого рассмотрения этих вопросов возможно понять, что люди обыкновенно спрашивают себя не только о том, прекрасно ли в нравственном отношении или же позорно то или иное действие, но и о том, которое из двух предстоящих нам нравственно-прекрасных действий более прекрасно. Панэтий, как я уже говорил выше, вопрос этот пропустил. Но теперь обратимся к дальнейшему.

ПРИМЕЧАНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ. Книга I

1. *Сын Марк*, которому Цицерон посвятил свой последний философский труд — трактат "Об обязанностях", родился в 65 г. Желая дать ему философское образование и тем самым обеспечить ему политическую карьеру, отец сам следил за его воспитанием и занятиями. В 51-50 гг., во время проконсулата Цицерона в Киликии, юный Марк находился при отце. На обратном пути в Италию они останавливались на острове Родосе, возможно, для встречи с философами, жившими там.

Во время гражданской войны отец и сын Цицероны были на стороне Помпея и сената и в июне 49 г. выехали из Италии в Эпир, где юноша командовал отрядом конницы Помпея. После поражения Помпея под Фарсалом (48 г.) отец и сын в ноябре 48 г. возвратились в Брундисий, а затем, осенью 47 г., прощенные Цезарем, вернулись в Рим. В 46 г. молодой Цицерон был эдилом в Арпине.

Хотя молодой Марк не проявлял склонности к наукам, Цицерон не отказывался от своего намерения дать сыну философское образование и с этой целью в марте 45 г. отправил его в Афины, где юноша слушал философа-перипатетика Кратиппа, философов Леонида и Герода и брал уроки у ритора Горгия. Если судить по письмам Цицерона к Титу Помпонию Аттику и по его письмам к близким, в частности по письмам молодого Марка к вольноотпущеннику его отца Марку Туллию Тирону, то молодой человек учился неохотно, и его занятия чередовались с развлечениями, свойственными молодежи его круга, что тревожило отца.

Начавшаяся гражданская война прервала занятия молодого Марка Цицерона. Он вступил в войска Брута, а после его поражения под Филиппами (в 42 г.) присоединился к Сексту Помпею. В 39 г. он воспользовался амнистией, объявленной Октавианом в силу мизенского соглашения между ним, Марком Антонием и Секстом Помпеем, и сделал политическую карьеру: в 30 г. был консулом, в 29-28 гг. проконсулом Азии.

См. *Цицерон*, письма: к Аттику, X, 11, 3 (392); XII, 24, 1 (565); 27, 2 (568); 32, 2 (573); XIV, 7, 2 (710); 13, 4 (719); 16, 3 сл. (722); 17, 5 (725); XV, 4 (749); 17, 1 сл. (750); XVI, 1, 5 (749); 3, 2 (778); к близким, XII, 16, 1 (737; от Гая Требония); XVI, 21 (786); 25 (791); от Марка Брута, II, 3, 5 (837); *Плутарх*, "Цицерон", XXIV.

2. Цицерон написал на *греческом* языке историю своего консулата (утрачена); в молодости он перевел с греческого языка на *латинский* астрономическую поэму Арата "Феномены" (III в.) См. *Цицерон*, "Брут", 310; письма: к Аттику, I, 19, 10 (25); 20, 6 (26); II, 1, 1 сл. (27); к брату Квинту, II, 15, 5 (144).

3. Ср. *Цицерон*, "О законах", I, 55; "Тускуланские беседы", V, 85; "Учение академиков", I, 22.

4. Ср. *Цицерон*, "Об ораторе", III, 53.

5. *Деметрий* (345-283) был родом из *Фалера*. Македонский царь Кассандр поручил ему в 317 г. управление Афинами; при приближении войска Деметрия Полиоркета он бежал и поселился в Александрии. Цицерон высоко ценил его как философа-перипатетика, оратора и поэта. Его сочинения утрачены. См. *Цицерон*, "Брут", 37 сл.; "Оратор", 92; "О законах", III, 14.

6. *Феофраст* (около 372-287) — ученик Аристотеля, автор "Характеров" и сочинений по зоологии, ботанике и минералогии. См. *Цицерон*, "Брут", 37; 121; "Оратор", 62.

7. О *Платоне* см. "О старости", прим. 30.

8. *Демосфен* (около 385-322) — величайший афинский оратор и политический деятель; до нас дошли его речи против македонского царя Филиппа ("Филиппики"), Олинфские речи, речь о венке и ряд других политических и судебных речей.

9. *Аристотель* (384-322) — ученик Платона, основатель философской школы перипатетиков, учитель Александра Великого. С 335 г. по 323 г. вел в Афинах преподавание в Ликее, роще, посвященной Аполлону Ликейскому. До нас дошли сочинения Аристотеля по логике, риторике, философии, политико-экономические, физико-математические, по естественным наукам. См. *Цицерон*, "Об ораторе", III, 141; "Оратор", 62; "Тускуланские беседы", I, 7.

10. Об *Исократе* см. "О старости", прим. 31.

11. Имеются в виду *учения*: 1) Аристиппа или Эпикура; 2) Иеронима; 3) Карнеада. См. III, 35; "Об ораторе", III, 62; "Тускуланские беседы", V, 85; "О пределах добра и зла", II, 35; III, 26.

12. См. III, 117; "О пределах добра и зла", II, 35 сл.; 48; 62; 78; 117; "Тускуланские беседы", книги IV-V.

13. Первые — это стоики, вторые — академики и перипатетики. Ср. III, 20, 33; "О законах", I, 37 сл.; "О пределах добра и зла", II, 19; "Учение академиков", I, 17.

14. *Аристон* Хиосский и *Эрилл* Карфагенский (III в.) были стоиками; *Пиррон* Элидский основал скептическую школу. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", IV, 43; "Учение академиков", II, 130.

15. *Панэтий* Родосский (около 180-105) — стоик, жил в Риме с 146 г. по 131 г., был другом Сципиона Эмилиана и Лелия. В 129 г. возглавил школу после смерти Антипатра Тарсийского.

16. ...*предел добра*... — т.е. высшее благо. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", V, 15.

17. Ср. ниже, 101; "О пределах добра и зла", III, 24; 58 сл.

18. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", II, 46; III, 37; V, 51.

19. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", II, 52; *Платон*, "Федр", 250 D.

20. Ср. ниже, 94.

21. О *Гае Сульпиции* Гале см. "О старости", прим. 116.

22. *Секст Помпей* — дядя Гнея Помпея Великого, консула 70, 55 и 52 гг., брат Гнея Помпея Страбона. См. *Цицерон*, "Брут", 175.

23. *Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности...* — Важное положение, господствовавшее в нравственной философии Рима. Ср. III, 1 сл.; "О государстве", I, 1 сл.

24. См. ниже, III, 76.

25. ...если люди некогда пришли на свободные земли... — Отсюда термин "ager occupatorius", т.е. земли, которые государство предоставляло в пользование частным лицам; последние должны были сдавать десятину своего урожая; земли эти оставались собственностью государства. Такое землепользование называлось *оккупацией*.
26. Платон, письмо IX, 358 А (к Архиту). Ср. Цицерон, "О государстве", I, 8; "О пределах добра и зла", II, 45.
27. ...верность [*fides*] была названа так потому, что сказанное делается [*fit*]. — Своеобразная этимология. Ср. Цицерону "О государстве", IV, 7.
28. Марк Лициний Красс Богатый — консул 70 и 55 гг., триумвир; погиб в 53 г. во время похода против парфян. Ср. III, 73 сл.; "О пределах добра и зла", III, 75; Плиний, "Естественная история", XXXIII, 47, 1; Плутарх, "Красс", II.
29. Энний, фр. 404 сл. Фален². Ср. Цицерон, "О государстве", I, 49; "О дружбе", 36; Лукан, "Фарсалия", I, 92 сл.
30. Ср. Цицерон, письмо к Аттику, VII, 11, 1 (303). Гай Юлий Цезарь родился в 100 г. (возможно, в 102 г.); в 68 г. был квестором, в 65 г. курульным эдилом, с 63 г. верховным понтификом, в 62 г. претором, в 59, 48, 46 и 45 гг. консулом, в 49, 47, 45 и 44 гг. диктатором; был убит заговорщиками 15 марта 44 г. Ср. ниже, 43; 57; II, 2; 23; 27; 84; III, 19; 82.
31. Понятие о *принципате* появилось еще до принципата Августа. Ср. Цицерон, XIV филиппика, 18; письмо к близким, I, 9, 11 (159); Саллюстий, Эксцерпты, речь Гая Лициния Макра, 23.
32. Ср. Платон, "Федон", 64 D; "Государство", I, 247 A; V, 475 B; VI, 485 F; VII 520 D; "Пир", 216 E.
33. Ср. "О дружбе", 87.
34. Теренций, "Самоистязатель", 496; Ср. Цицерон, "О законах", I, 33.
35. Ср. III, 94 и прим. 140; Еврипид, "Ипполит", 1349. Три желания: 1) возможность возвратиться из подземного царства, 2) возможность выйти из лабиринта, 3) смерть Ипполита.
36. Заступники (*advocati*) — уважаемые граждане, присутствовавшие на суде и оказывавшие одной из сторон нравственную поддержку; они не произносили речей.
37. Городской претор, приступая к исполнению обязанностей, выпускал эдикт с изложением основ, каким он будет следовать. Эти эдикты, являвшиеся дополнением к нормам гражданского права и истолкованием их, составили *преторское право*; в правление императора Адриана (II в. н.э.) магистраты были лишены права издавать эдикты; прежние эдикты были сведены в так. наз. *edictum perpetuum*.
38. Ср. Теренций, "Самоистязатель", 796:
Злу высшему равна законность высшая.
(Перевод А.В. Артюшкова)
- Т.е. чересчур строгое соблюдение закона приводит к правонарушению. Ср. Цицерон, речь по делу Цецины, 65.
39. По свидетельству Плутарха ("Апофтегмы лаконян", 223 B), речь идет о военных действиях спартанского царя Клеомена (520-491) против Аргоса.
40. Квинт Фабий Лабен был консулом в 183 г. См. Цицерон, "Брут", 81; Валерий Максим, VII, 3, 4.
41. См. Платон, "Горгий", 525 B.
42. ...строже всего надо соблюдать право войны. — Отсюда и по § 40 все высказывания Цицерона относятся к международному праву. См. III, 107 сл.
43. См. ниже, 80; Фукидид, I, 124, 2; Платон, "О законах", I, 628 E; Аристотель, "Политика", VII, 14, 454.
44. Карфаген был взят и разрушен Сципионом Эмилианом в 146 г., Нуманция — в 133 г. Отсюда его прозвания Африканский Нумантийский. Ср. "О дружбе", прим. 23.
45. Коринф был взят и разрушен консулом Луцием Муммием в 146 г. В 46 г. Цезарь восстановил город. Ср. III, 46.

46. *Если бы послушались меня...* — Имеется в виду время перед началом гражданской войны (49 г.), когда Цицерон пытался примирить стороны. См. речи: По поводу возвращения Марцелла; 14; В защиту царя Дейотара, 29; II филиппика, 23 сл.; письмо к Аттику, VII, 3, 6 (293).
47. После применения *тарана* при осаде город считался взятым силой и отдавался солдатам на разграбление. См. *Цезарь*, "Галльская война", II, 32.
48. О *патронате* см. "О старости", прим. 80. Луций Эмилий Павел и его потомки стали патронами македонян, Фабии — патронами аллоброгов, Марцеллы — патронами сиракузян, Сципионы — патронами африканских провинций. См. *Саллюстий*, "Катилина", XII, 4 сл.
49. *Фециалы* — коллегия жрецов бога Верности (*dius Fidius*); ведала соблюдением международных договоров, объявляла войну и заключала мир. При объявлении войны их старшина (*pater patratus*) в древнейшие времена метал копье на вражескую территорию; впоследствии он метал копье в пределах города Рима. При заключении мира фециалы приносили жертву. См. *Цицерон*, "О законах", II, 21.
50. О термине "император", см. "О старости", прим. 156. Гай *Попилий* Ленат был консулом в 172 г.
51. Сын Марка Порция Катона Цензория.
52. Луций Эмилий Павел, консул 168 г. См. *Плутарх*, "Эмилий Павел", XXI.
53. ...называли *гостем*. — В древнейшую эпоху чужеземца называли *hostis* ("гость"); он имел право на гостеприимство; впоследствии это слово стало означать "враг". *Perduellis* — государственный преступник, изменник. См. *Варрон*, "О латинском языке", V, 3; VII, 49.
54. Согласно традиции, первое писаное уложение Рима составили в 451 г. десять патрициев (*decemviri legibus faciundis*): оно заменило собой обычное право (*mos maiorum*). Его текст был вырезан на 12 бронзовых досках; они погибли во время нашествия галлов, до нас дошли только фрагменты. Уложение это называлось Двенадцатью таблицами (XII Tabulae, *codex decemviralis*). См. *Цицерон*, "О государстве", II, 61; 63; *Ливий*, III, 35 сл.
55. В подлиннике *auctoritas* — показания свидетеля, гарантия, *право заявлять притязания*. Имеются в виду тяжбы с чужеземцами, не пользовавшимися правом давности (*usucapio*).
56. *Кельтиберы* — народность в Испании. *Кимвры* — германское племя, разбитое Гаем Марием в 101 г. под Верцеллами.
57. *Пунийцы нарушали договоры, жесток был Ганнибал...* — Обычный упрек по отношению к пунийцам и Ганнибалу. Ср. III, 100; "О старости", 75; "О дружбе", 28; II речь о земельном законе, 95; речь в защиту Скавра, 42; *Гораций*, Оды, II, 12, 2. *Ганнибал* — карфагенский полководец во время второй пунической войны, был разбит Сципионом Старшим под Замой в 202 г.; отравился в 183 г.
58. *Энний*, "Анналы", VI, фр. 194 сл. Фален². Ответ царя *Пирра* римским послам, во главе которых был консул 282 г. Гай Фабриций Лусцин. Ср. *Цицерон*, "Брут", 55.
59. Царь Пирр вел свой род от Пирра, или Неоптолема, сына Ахилла. Неоптолем считался внуком *Эака* (миф.). Эак, сын Зевса и нимфы, был судьей в подземном царстве и считался образцом справедливости.
60. О Марке Атилии *Регуле* см. "О старости", 75 и прим. 162.
61. Регул не считал для себя возможным выступить в сенате, так как его гражданская правоспособность уменьшилась (*deminutio capitis*) ввиду того, что он попал в плен. См. III, 99 сл.; *Гораций*, Оды, III, 5, 42; *Ливий*, XXII, 60, 15.
62. *После битвы под Каннами...* — в 216 г. Ср. III, 99 сл.
63. *Эрарные трибуны* первоначально были магистратами, собиравшими контрибуцию и выдававшими жалование солдатам, они составляли сословие, по цензу (300 000 сестерциев) следующее после всаднического. Цензоры были вправе зачислять граждан в это низшее сословие. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Клуенция, 126; *Авл Геллий*, IV, 12.
64. Ср. ниже, III, 86. В некоторых рукописях рассказа об этом событии нет. См. *Авл Геллий*, III, 8; *Валерий Максим*, VI, 5, 1; *Плутарх*, "Пирр", XX сл.
65. Ср. *Платон*, "Государство", II, 361 А.
66. Ср. выше, 20.

67. Речь идет о продаже имущества проскриптов, совершенной Луцием Корнелием Суллой в 82 г.; далее — о конфискации и продаже имущества помпеянцев; это совершил Цезарь в 49-48 гг. Ср. II, 27; речи: Против Верреса, (II) III, 81; II речь о земельном законе, 56.
68. Ср. III, 13 сл.; 69; "О пределах добра и зла", V, 43.
69. См. *Гесиод*, "Труды и дни", 349 сл.; Ср. *Цицерон*, "Брут", 15; письмо к Аттику, XIII, 12, 3 (631).
70. Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", IV, 24.
71. Ср. *Цицерон*, "О подборе материала", I, 5. Частое рассуждение у древних.
72. Ср. *Цицерон*, "О законах", I, 33; *Платон*, "Федр", 279 С; *Аристотель*, "Никомахова этика", VIII, 9, 1.
73. *Энний*, неизвестная трагедия, фр. 398 сл. Фален²; ср. III, 54; речь в защиту Бальба, 36.
74. Древние считали *воду* и *огонь* началами, необходимыми для существования. См. "О дружбе", прим. 48.
75. Ср. *Платон*, "Законы", VI, 776 А; *Аристотель*, "Политика", I, 1, 7.
76. Ср. *Цицерон*, "О законах", II, 3; "Брут", 62; речь об ответе гаруспиков, 32.
77. Ср. "О дружбе", 92. См. "О старости", прим. 172.
78. Ср. ниже, 86; "О государстве", I, 7; *Аристотель*, "Никомахова этика", IX, 8, 9.
79. Имеются в виду Марк Антоний, а в прошлом Гракхи, Катилина, Публий Клодии, Цезарь.
80. Ср. "О дружбе", 88 сл.
81. ...по расчислению обязанностей... — Так называемая "эйлогистия" стоиков: точный расчет взаимных обязанностей и услуг. Ср. "О дружбе", 58.
82. Фрагменты трагедий, 210 Риббекк². "Дева", возможно, Клелия, девушка, согласно легенде, переданная как заложница этрусскому царю Порсенне и переплывшая Тибр с целью бегства; ее возвратили царю, но он освободил ее за храбрость.
83. *Энний*, "Аякс", фр. 18 Фален². *Сальмакида* — источник в Карии, названный по имени нимфы (*миф*.); его вода будто бы делала человека склонным к чувственным наслаждениям. *Сальмакид* — потомок этой нимфы, изнеженный человек. Ср. *Овидий*, "Метаморфозы", IV, 285 сл.; XV, 319.
84. Под *Марафоном* греки в 490 г. одержали победу над персами (первая греко-персидская война); под *Фермопилами* они отличились в 480 г., как и под *Саламином*; под *Платеями* — в 479 г. (вторая война с персами). Под *Левктрами* фиванцы под предводительством Эпаминонда одержали победу над спартанцами в 371 г.
85. По преданию, Гораций *Кокл* прославился при защите свайного моста на Тибре во время войны с этрусками (*Ливий*, II 10). О *Дециях* см. "О старости", прим. 103; о *Гнее* и *Публии Сципионах* — там же, прим. 68; о *Марке* Клавдии *Марцелле* — там же, прим. 165.
86. Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", IV, 53.
87. См. *Платон*, "Менексен", 247 А; "Лахес", 197 В.
88. См. *Платон*, "Лахес", 182 Е-183 А; "Государство", VIII, 545 А; "Законы", I, 630 D.
89. ...тем сильнее хочет быть... единственным. — Намек на Цезаря и Помпея. Ср. *Лукан*, "Фарсалия", I, 125; *Флор*, IV, 2, 14; *Веллей Патеркул*, II, 33.
90. *Публичное право* (*ius publicum*) — совокупность правовых норм, определявших взаимоотношения между государством и гражданином, а также и между гражданами, когда эти взаимоотношения имели значение для государства в целом. Здесь имеются в виду выступления в комициях и в суде.
91. *Быть* и *казаться* — частая тема в античной литературе. Ср. *Эсхил*, "Семеро против Фив", 592; *Платон*, "Государство", II, 361; *Саллюстий*, "Катилина", LIV, 6.
92. ...в связи с его жаждой славы. — Цицерон незадолго до того написал трактат "О славе" (утрачен).
93. Ср. "О дружбе", 7.
94. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", III, 35; "Тускуланские беседы", IV, 11.
95. ...иногда надо с себя слагать. — В год своего консулата Цицерон отказался от предстоявшего ему проконсулата в Цисальпийской Галлии, а затем в Македонии. В 78 г. Луций Сулла отказался от своей диктатуры, не ограниченной сроком.

96. "*Наслаждение для души*" (*voluptas animi*) — частое выражение у Цицерона; синоним радости, ликования (*laetitia*).
97. См. "О старости", прим. 115.
98. ...*знаменитейшие философы*... — Например, Платон, Аристотель, Зенон, Пифагор, Анаксагор.
99. ...*жил в деревне, удовлетворяясь управлением своим имуществом*, — Например, Тит Помпоний Аттик и Марк Порций Катон Цензорий. См. *Цицерон*, "О государстве", I, 9; "Брут", 236.
100. ...*с таким мнением вполне согласиться нельзя*. — В 63 г. в речи в защиту Мурены, 19 сл. Цицерон высказал противоположное мнение.
101. О *Фемистокле* см. "О старости", прим. 17; "О дружбе", прим. 80.
102. О *Солоне* см. "О старости", прим. 62.
103. *Ареопаг* ("холм Ареса") — древний совет афинской городской общины, обладавший политической и судебной властью. Ниже Цицерон называет ареопаг сенатом. См. *Плутарх*, "Фемистокл", X.
104. Спартанец *Павсаний* командовал греческими войсками во время битвы при Платее в 479 г. Он умер в 470 г., будучи осужден за измену отечеству. См. *Геродот*, IX, 49 сл.
105. О *Лисандре* см. "О старости", прим. 138.
106. *Ликург* — легендарный законодатель Спарты (IX в.); не смешивать с одноименным афинским государственным деятелем (IV в.).
107. *Марк Эмилий Скавр* — консул 115 г., цензор 109 г., построил дорогу (Эмилиева дорога) и восстановил мост на Тибре в Риме (Мильвиев, Мульвиев, Эмилиев мост). См. ниже, 108. Ср. *Цицерон*, речи: В защиту Мурены, 36; В защиту Фонтея, 24; В защиту Сестия, 39; *Ювенал*, Сатиры, XI, 91.
108. *Гай Марий* — консул 107, 104-100 и 86 гг., руководил военными действиями против Югурты, разбил тевтонов в 102 г. и кимвров в 101 г.; противник Суллы в гражданской войне; для Цицерона образчик римской доблести. См. *Цицерон*, речи: В защиту Гая Рабирия, 27; Против Катилины: I речь, 4; III речь, 15; IV речь, 21; В защиту Сестия, 37; 50; Об ответе гаруспиков, 51; 54; О консульских провинциях, 26; 32; письмо к Аттику, X, 10, 3 (364).
109. *Квинт Лутаций Катул* — консул 78 г.; один из судей по делу Верреса; в 66 г. противник Манилиева закона о предоставлении Помпею верховного командования в войне против Митридата Понтийского. Он восстановил пострадавший от пожара храм Юпитера Капитолийского; отсюда его прозвание "Капитолийский".
110. *Гней Помпей Великий* — родился в 106 г. Консул 70, 55 и 52 гг. В 76 г. вел войну в Испании против Сертория; в 67 г. уничтожил пиратов на Средиземном море; в 66-63 гг. успешно воевал с Митридатом; участник триумvirата в 60 г. В 49-48 гг. во время гражданской войны был на стороне сената; после поражения под Фарсалом в 48 г. бежал в Египет, где был предательски убит. См. *Цицерон*, речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе).
111. *Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантийский* — см. стр. 183.
112. *Публий Корнелий Сципион Насика Серапион* — см. ниже, 109; "О дружбе", прим. 77.
113. Стих из поэмы Цицерона "О моем консулате". Имеется в виду подавление движения Катилины: *лавры* — триумфатора, *заслуга* — консула, не применявшего чрезвычайных полномочий. Ср. *Цицерон*, речи: Против Писона, 72 сл.; II филиппика, 20; письма к Аттику, I, 19, 10 (25); 20, 6 (26); 27, 6 (27); II, 3, 4 (29).
114. Имеется в виду *триумф Помпея* после победы над Митридатом, справленный в 60 г. Он справил первый триумф в 80 г., после победы в Нумидии над царем Ярбой, второй — в 71 г., после победы над Серторием и испанцами. См. II филиппика, 12; письмо к Аттику, I, 19, 7 (25).
115. *Марк Порций Катон Цензорий* — участник второй пунической войны и сторонник новой войны против Карфагена; он умер в 149 г. за три года до разрушения Карфагена. См. "О старости", 18; *Плутарх*, "Катон Старший", XXVII; *Тацит*, "Анналы", II, 37; *Валерий Максим*, VIII, 15, 2.

116. ...сбить с исходной позиции... — Термин гладиаторов — *de gradu deicere*; также и военный термин: *gradus* — исходная позиция, исходное положение войск.
117. "Об этом я не подумал". — По свидетельству Валерия Максима, VII, 2, 2, Сципион считал позорным такое признание, когда дело шло о военных действиях. Ср. Цицерон, речь в защиту Лигария, 30.
118. ...врукопашную биться с врагом... — Возможно, намек на Цезаря, иногда участвовавшего в рукопашном бою вместе с солдатами. См. Светоний, "Божественный Юлий", 57 сл.; 62; Плутарх, "Цезарь", XVII.
119. Ср. Цицерон, речь против Верреса, (II) IV, 120.
120. ...несмотря на требование государства... — Возможно, что Цицерон здесь хочет оправдать свою "палинодию" (греч.: отказ от ранее высказанных взглядов и от прежней линии поведения и выступление на стороне прежних противников), т.е. свою речь о консульских провинциях (56 г.), в которой он выступил в защиту интересов Цезаря, одного из виновников его изгнания в 58 г. См. речи: О консульских провинциях, 18; 21; 47; В защиту Бальба, 60 сл.; письма: к Аттику, IV, 5, 1 (110); к близким, I, 9 (159).
121. Калликратид — флотоводец Спарты, вставший во главе флота в 406 г.; был убит в бою под Аргинузскими островами.
122. Клеомброт — царь Спарты (380-371); пал в сражении под Левктрами, Эпаминонд — фиванский полководец, прославившийся в войне против Спарты (победа под Левктрами в 371 г. и под Мантинеей в 366 г.).
123. Квинт Фабий Максим Веррукос Кунктатор — диктатор 217 г. Ср. "О старости", 10.
124. Ср. Платон, "Алкивиад", I, 126 С; "Государство", I, 342 Е; IV, 420 В-С; 421 В-С; "Законы", IV, 715 В.
125. Ср. Цицерон, речь в защиту Сестия, 96 сл.
126. Ср. Платон, "Государство", VI, 488 В; VIII, 567 С; "Законы", V, 731 А-В; IX, 856 В.
127. Ср. "О дружбе", 77. Речь идет о разногласиях между Сципионом Эмилианом и Квинтом Цецилием Метеллом Македонским, консулом 143 г. См. ниже, III, 79.
128. См. Цицерон, "Подразделения речей", 77.
129. Ср. Аристотель, "Никомахова этика", IV, 5, 1 сл.; "Политика", IV, 9.
130. Ср. Аристотель, "Политика", III, 16.
131. О Сократе см. "О старости", 78 и прим. 173. Ср. Цицерон, "Тускуланские беседы", III, 131.
132. О Гае Лелии см. выше, стр. 185; "О дружбе", 7; Гораций, Сатиры, II, 172.
133. Македонский царь Филипп II правил с 359 г. по 336; покорил Грецию в войнах 357-338 гг. Его сын Александр III Великий родился в 356 г., вступил на престол в 336 г., в 335 г. подавил восстание греков, победил персов в войнах 334-330 гг., умер во время похода в Индию в 323 г.
134. Ср. выше, 69 сл.
135. Ср. выше, 18.
136. Ср. Цицерон, "Оратор", 71.
137. Об Эаке см. прим. 59; Минос (миф.) — сын Зевса, царь Крита и законодатель. Оба они — судьи в подземном царстве.
138. Акций, "Атрей", фр. 203 сл. Риббекк². Ср. Цицерон, речи: В защиту Сестия, 102; I филиппика, 34; Светоний, "Калигула", 30.
139. Акций, "Атрей", фр. 226 Риббекк². По мифу Атрей, сделавшись царем в Микенах, изгнал своего брата Фиеста, соблазнившего его жену. Фиест, задумав убить Атрея, внешне помирился с ним, пригласил его к себе и угостил мясом его же детей.
140. Цицерон перечисляет три положения, определяющие нравственную красоту: познание истины, служение человеческому обществу, величие духа.
141. Имеются в виду умеренность и воздержность; см. выше, 98.
142. Ср. выше, 8; "О пределах добра и зла", III, 58.
143. "Опережать", "отставать" и, ниже, "отклониться от пути" — выражения, относящиеся к бегам в цирке. Ср. Гораций, Оды, IV, 15, 9; Платон, "Федр", 246 В.
144. О Плавте см. "О старости", прим. 118. Ср. Гораций, "Наука поэзии", 270 сл.

145. В отличие от Новой аттической комедии, *древняя аттическая комедия* отличалась политической направленностью. Ее главные представители: Аристофан (род. около 445 г., умер после 338 г.), Евполид, Кратин. Плавт и Теренций подражали Новой аттической комедии; ее представителями были Менандр, Филемон, Дифил. Ср. *Гораций*, Сатиры, I, 4 (начало).
146. Ср. *Цицерон*, "О дружбе", 90; "Об ораторе", II, 222; 271; "Брут", 292. О *Катоне* см. прим. 115.
147. Ср. "Об ораторе", II, 236; 242; письмо к близким, IX, 22 (638).
148. На *Марсовом поле* римская молодежь занималась гимнастическими упражнениями. Ср. *Гораций*, Оды, I, 8, 3; III, 7, 25; 24, 56; Послания, I, 18, 54; Сатиры, II, 1, 8; 2, 9; "Наука поэзии", 162.
149. *Луций* Лициний *Красс* — родился в 140 г., был консулом в 95 г., цензором в 91 г., умер в 91 г.; знаменитый оратор; выведен Цицероном как участник диалога "Об ораторе". См. "Об ораторе", I, 24; II, 220; "Брут", 143; *Валерий Максим*, IX, 1, 4.
150. *Луций* Марций *Филипп* — консул 91 г., противник плебейского трибуна Марка Ливия Друса. Марции вели свой род от царя Анка Марция. См. *Цицерон*, речи: По делу Квинкция, 72; В защиту Мурины, 36; "Брут", 173; *Гораций*, Послания, I, 7, 46.
151. *Гай Юлий Цезарь* Страбон Вописк — эдил 90 г., кандидат в консулы на 88 г., был казнен Марием в 87 г. Выведен Цицероном как участник диалога "Об ораторе". См. ниже, 133; II, 50; III, 10; "Брут", 98; 177; "Об ораторе", II, 98; 111, III, 10; "Тускуланские беседы", V, 55.
152. *Марк Ливий Друс* мл. — сын одноименного консула 111 г., плебейский трибун 91 г., сторонник нобилитета; пытался возратить сенаторам судебную власть путем компромисса: римские всадники должны были получить места в сенате, городской плебс — дешевый хлеб и землю в Италии и Сицилии, италики — права римского гражданства. Он встретил сопротивление со стороны нобилитета и римских всадников; борьба окончилась гибелью Друса и восстанием италиков против Рима (Союзническая, или Италийская, или Марсийская война, 91-88 гг.). Ср. *Цицерон*, "Брут", 222; речи: В защиту Клуенция, 153; О доме, 120; В защиту Милона, 16.
153. Ср. выше, 90; речь в защиту Мурины, 66.
154. Ср. *Цицерон*, "Брут", 292; *Квинтилиан*, IX, 2, 46.
155. Государственная деятельность *Перикла* как вождя демократов началась в 469 г. Он умер в 429 г. от моровой болезни, свирепствовавшей в Афинах.
156. *Ясон* — тиранн города *Фер*, добился военного господства в Фессалии около 374 г. и начал добиваться владычества над всей Грецией; был убит в 370 г. О тираннии см. "О дружбе", прим. 91.
157. См. *Плутарх*, "Солон", VIII.
158. См. выше, 43; *Саллюстий*, "Югурта", 95, 3.
159. См. выше, 25; III, 73; *Плутарх*, "Красс", VI.
160. Квинт Лутаций *Катул* — коллега Мария по консулату 102 г., разделил с ним победу над кимврами; впоследствии стал сторонником Суллы и был проскрибирован Марием в 87 г. См. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 278; "Брут", 132 сл. О его сыне см. прим. 109.
161. Ср. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 266; 274. Возможно, что это одно и то же лицо.
162. *Публиций* [*Публий* — прим. О. Любимовой.] Корнелий *Насика* — консул 111 г., умер в год своего консулата. См. "Брут", 128; о его отце см. выше, 76; "Брут", 107.
163. *Ксенократ* (род. в 336 г.) — ученик Платона и Аристотеля; стоял во главе Академии в течение 25 лет; умер в 314 г.
164. ...*ничто не бывает подобающим наперекор Минерве*... — Поговорка: т.е. вопреки склонностям человека. Ср. *Цицерон*, письма к близким, III, 1, 1 (178); XII, 25, 1 (825); *Гораций*, "Наука поэзии", 385.
165. Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", I, 15; *Ювенал*, Сатиры, VI, 187 сл.
166. Имеется в виду самоубийство *Марка* Порция *Катона* в Утике в 46 г., после поражения помпеянцев под Тапсом. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", III, 18; речь в защиту Мурины, 61 сл.; письмо к Аттику, XII, 4, 2 (467); 40, 1 (589). Катон впоследствии был прозван

- Утическим. В Африке покончили с собой и другие помпеянцы: Метелл Сципион, Марк Петрей и царь Юба. См. *Гораций*, Оды, II, 1, 24.
167. ...*скорее умереть, чем взглянуть в лицо тиранну*. — т.е. Цезарю. О тираннии см. "О дружбе", прим. 91.
168. См. *Гомер*, "Одиссея", песни V, X, XVII — XIX.
169. По мифу, после гибели Ахилла спор из-за его доспехов, возникший между *Аяксом*, сыном Теламона, и Одиссеем был решен Агамемноном в пользу Одиссея; Аякс сошел с ума и покончил с собой. На эту тему был написан ряд трагедий (Софокл, Пакувий, Акций).
170. *Эпигоны (миф.)* — сыновья героев, пошедших войной на Фивы; они снова осадили Фивы и взяли их. Сюжет трагедий Эсхила, Еврипида, у римлян — Акция.
171. *Мед (миф.)* — сын Медеи, убил, по ее наущению, Персея, царя Тавриды, и завладел его царством. На эту тему Пакувий написал одноименную трагедию.
172. По мифу, у *Меланиппы* было двое близнецов от Посейдона, который ее ослепил и заточил в тюрьму, а детей покинул в горах. Когда они выросли, они освободили мать. На эту тему Еврипид написал две трагедии (утрачены). Существовала также и трагедия Энния.
173. *Клитемнестра (миф.)* — жена царя Агамемнона, убившая мужа; впоследствии была убита сыном Орестом. Это послужило сюжетом для Эсхила, написавшего трагедии "Агамемнон", "Хоэфоры", "Евмениды". В Риме на эту тему написал трагедию Акций. В античном театре женские роли исполнялись мужчинами.
174. Судьба *Антиопы (миф.)* сходна с судьбой Меланиппы (прим. 172). *Рупилий* — малоизвестный актер. Клавдий *Эзон* — знаменитый трагический актер, современник Цицерона. См. *Цицерон*, речь в защиту Сестия, 120 сл.; "Тускуланские беседы", II, 39; IV, 55; письма: К брату Квинту, I, 2, 14 (53); К близким, VII, 1, 2, 4 (127); *Гораций*, Послания, II, 1, 82; *Квинтилиан*, XI, 3, 111.
175. О *Квинте Муции* Сцеволе см. "О дружбе", прим. 3.
176. См. *Цицерон*, "Брут", 82.
177. Афинский полководец *Конон* в 394 г. разбил спартанский флот под Книдом и восстановил стены Афин. Его сын *Тимофей* участвовал в войнах за гегемонию и завоевал Эвбею, Коркиру, Самос и Сест. В 364 г. он вступил в Македонию. Ср. *Цицерон*, "Об ораторе", III, 139; "Тускуланские беседы", V, 100.
178. О *Ксенофонте* см. "О старости", прим. 72. В своих "Меморабилиях" (II, 1, 21) он приводит рассказ софиста *Продика* о Геркулесе, этот миф перешел в римскую литературу.
179. По мифу, *Геркулес* (Геракл) был сыном Зевса и Алкмены, жены фиванца Амфитриона. На эту тему Плавт написал комедию "Амфитрион".
180. Ср. *Цицерон*, "Брут", 304 сл.
181. Мысль: человек рождается, не обладая пороками. Ср. *Цицерон*, "О законах", II, 13; "Тускуланские беседы", III, 2; "О пределах добра и зла", V, 44.
182. Ср. "О дружбе", 76.
183. Отцом *Публия Африканского* Старшего был Публий Корнелий Сципион, консул 218 г. См. "О старости", прим. 68. "*Сын Павла*" — Сципион Эмилиан, сын Луция Эмилия Павла Македонского. См. выше, 61, "Брут", 77.
184. Римские юноши, желавшие сделать политическую карьеру, обучались у видных государственных деятелей. Ср. *Цицерон*, "О дружбе", 1; речи: В защиту Целия, 9; II филиппика, 3; письмо к близким, XIII, 10, 2 (448).
185. *Peregrini (чужеземцы)* — чужеземцы, разъезжавшие по стране; *incolae (поселенцы)* — чужеземцы с постоянным местом жительства, входившие в состав городских общин, но не обладавшие гражданскими правами.
186. Ср. *Цицерон*, письма к близким, IX, 22 (638).
187. ...*бывших чуть ли не киниками*... — Философская школа, основанная в конце V в. Антисфеном, преподававшим в гимнасии Киносарге (Афины). Ее представителей презрительно называли *киниками* (от слова κῑων, собака). Стремление возвратиться к природе приводило киников к пренебрежению к законам и установившимся правилам. Известностью пользовался киник Диоген. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", III, 68.

188. См. выше, 127 и прим. 186.

189. Subligaculum — *набедренная повязка*, передник. Ср. Ювенал, Сатиры, VI, 70; Марциал, Эпиграммы, III, 87, 4.

190. Ср. Цицерон, речь в защиту Клуенция, 141; Плутарх, "Катон Старший", XX.

191. *Палестра*ми (греч.) назывались имевшиеся в греческих городах места для гимнастических упражнений, с помещением для хранения одежды и принадлежностей для упражнений (диски, мячи и пр.) и с кладовой для масла.

192. ...*ораторская речь должна предназначаться для выступлений в суде, на народных сходках, в сенате*... — соответственно трем родам красноречия: судебное (genus iudiciale), изобразительное (g. demonstrativum) и совещательное (g. deliberativum). Ср. ниже, II, 48; "О подборе материала", I, 7.

193. Об упоминаемых здесь лицах см. выше, 108 сл.

194. ...*беседа, в которой наиболее искусны сократики*... — Имеются в виду диалоги Платона, Ксенофонта и Эскина. См. выше, 104.

195. Ср. Цицерон, "Тускуланские беседы", IV, 55; Сенека, "О гневе", II, 14, 1.

196. Ср. Цицерон, VIII филиппика, 15; Эсхил, "Агамемнон", 849.

197. ...*уподобляться "хвастливому воину"*... — Персонаж, перешедший из новой греческой комедии в римскую fabula palliata (комедия, изображавшая повседневную жизнь). Намек на Пиргополиника из комедии Плавта "Хвастливый воин" и на Фрасона из комедии Теренция "Евнух". Ср. "О дружбе", прим. 140.

198. *Гней Октавий* командовал римским флотом в македонскую войну и запер царя Персея на острове Самофракии в 168 г., справил триумф как претор; был консулом в 165 г. Ср. Цицерон, IX филиппика, 4. *Палаций* — часть Палатинского холма, застроенная усадьбами римского нобилитета. "*Новым человеком*" (homo novus) называли человека, не принадлежавшего к сословию сенаторов и первым в своем роду добивавшегося или добившегося избрания на куркульную должность.

199. Марк Эмилий Скавр — приемный сын Суллы [*пасынок Суллы (Асконий Педиан, 20) — прим. О. Любимовой*], был претором в 56 г. и пропретором Сардинии в 55 г. После наместничества он был обвинен в вымогательстве; Цицерон его защищал в 54 г., и он был оправдан. В 52 г. он был обвинен в подкупе избирателей и осужден. См. Цицерон, речь в защиту Скавра. См. ниже, II, 57; Плиний, "Естественная история", XXXVI, 21, 10 сл. О его отце см. выше, 76 и прим. 107.

200. Цитата из неизвестной трагедии, фр. 184 сл. Риббекк²; ср. Цицерон, II филиппика, 104.

201. После победы Цезаря в гражданской войне усадьбы и дома многих помпеянцев достались цезарианцам — путем покупки на аукционе или как дар победителя. Дом Помпея достался Марку Антонию.

202. Луций Лициний Лукулл Понтийский — консул 74 г. В первую войну с Митридатом VI (88-84) был легатом Суллы; во вторую войну с Митридатом вначале как проконсул командовал войсками, затем был заменен Помпеем. См. Цицерон, речи: О Манилиевом законе, 20; В защиту Клуенция, 137; В защиту Мурены, 33; В защиту Сестия, 93; "О законах", III, 30; "О пределах добра и зла", II, 107.

203. Ср. Цицерон, речь в защиту Сестия, 93.

204. Цицерон пользуется римскими терминами; ср. выше, 75. *Софокл* был афинским стратегом во время войн против Самоса.

205. Ambulatio — *портик для прогулок* с колоннадами. Такой портик был построен в Риме Помпеем и примыкал к построенному им театру, открытому в 55 г. Такие портики имелись и в усадьбах. Ср. Цицерон, "Об ораторе", I, 28; письмо к брату Квинту, III, 1, 1 (145); Марциал, Эпиграммы, II, 14, 10.

206. Ср. Цицерон, "О государстве", II, 69.

207. Ср. выше, 30; Гораций, Сатиры, I, 3, 25; Сенека, "О гневе", II, 28, 8.

208. ...*чтобы толпа оценивала их произведения* — Рассказывают, что греческий живописец Апеллес прятался за картиной и слушал замечания зрителей. См. ниже, III, 10; Плиний, "Естественная история", XXXV, 36.

209. *Аристипп* родился в Кирене, в IV в.; он положил начало так называемой киренской школе (гедонизм); был учеником *Сократа* и оставался при нем до его смерти. См. ниже, III, 116; *Гораций*, Послания, I, 17, 23.
210. Ср. *Ливий*, XXXIX, 6, *Сенека*, Письма, LXXXVIII, 18-21.
211. *Теренций*, "Евнух", 257 сл. Перевод А.В. Артюшкова.
212. Изготовлением *благовоний* и мазей славилась Капуя, где они продавались на улице или в районе Сепласии. Ср. *Цицерон*, речи: II речь о земельном законе, 94; В защиту Сестия, 19; Против Писона, 24; *Гораций*, Оды, I, 31, 12; II, 7, 8; 11, 16; Сатиры, II, 3, 28.
213. *Пляска* на пиру, особенно в обнаженном виде, в Риме строго порицалась. Ср. *Цицерон*, речи: Против Верреса (II/III), 23; Против Катилины, II, 23; В защиту Мурены, 13; В сенате по возвращении из изгнания, 13; "О пределах добра и зла", III, 24.
214. *Ludus talarius*. Это выражение понимают по-разному: 1) азартная игра в кости, 2) пение непристойных песен и непристойные танцы, причем исполнители были одеты в платье до пят (*stola talaris*). Ср. *Цицерон*, письмо к Аттику, I, 16, 3 (22); *Квинтилиан*, XI, 58.
215. Клавдиев плебисцит (218 г.?) ограничивал право сенаторов и их сыновей заниматься морской торговлей и запрещал им иметь корабль грузоподъемностью более 300 амфор. См. *Цицерон*, речь Против Верреса, (II), V, 45, *Ливий*, XXI, 63, 2.
216. ...*сельское хозяйство* — ...*самое достойное человека*... — Дань уважения Цицерона тяготению римлян к земле. Ср. *Гораций*, Эпод II; *Вергилий*, "Георгики", II.
217. Ср. "О старости", 51 сл.
218. Ср. выше, 7; 10.
219. Ср. "О дружбе", 87; "О пределах добра и зла", III, 65; V, 57.
220. Ср. ниже, 155; 111, 28.
221. Ср. ниже, II, 5; "Тускуланские беседы", IV, 57.
222. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", III, 64.
223. *Лисис* родился в Таренте в V в. См. *Цицерон*, "Об ораторе", III, 139; *Корнелий Непот*, "Эпаминонд", 2.
224. *Дион* (род. в 409 г. в Сиракузах) — был учеником Платона и родственником тиранна Дионисия мл. Он старался отвлечь Дионисия от разврата, но был им изгнан. В 357 г. он вооруженной силой изгнал Дионисия, но сам оказался жестоким правителем и был убит в 353 г.
225. Ср. *Цицерон*, "Об ораторе", III, 139; "О природе богов", I, 6; речь в защиту Архия, 14.
226. Ср. *Цицерон*, "О подборе материала", I, 1; "Об ораторе", III, 141 сл.
227. Ср. *Цицерон*, "О государстве", I, 29; *Аристотель*, "Политика", I, 2, 10.
228. Имеется в виду Платон, "Государство", II, 369 В сл. Ср. *Цицерон*, "О подборе материала", I, 2; "О государстве", I, 40; *Лукреций*, "О природе вещей", V, 1105 сл.
229. ...*по мановению божественной палочки*... — Поговорка; возможен намек на Гермеса или на Афины Палладу, или на Кирку. Ср. *Цицерон*, "О государстве", II, 52; *Гораций*, Оды, I, 24, 16.
230. *Посидоний* (род. в Апамее ок. 135 г.) — был учеником Панэтия и другом Помпея. Цицерон слушал его в молодости на о-ве Родосе. См. ниже, III, 10; "О пределах добра и зла", I, 2; "О природе богов", I, 7; 123.
231. ...*чтобы мудрый совершил одно из упомянутых действий*... — Этот вопрос рассматривается в книге III.

Книга II

[Октябрь — декабрь 44 г.]

(I, 1) Как обязанности вытекают из нравственной красоты и из любого вида доблести, я думаю, сын мой Марк, объяснено достаточно хорошо в первой книге. Следующей задачей моей будет рассмотреть те виды обязанностей, которые относятся к поддержанию жизни людей и к их способности располагать тем, чем они пользуются, к их могуществу и богатству. Здесь, как я тогда сказал, возникает вопрос о том, какая из полезных вещей полезнее и какая наиболее полезна. Я приступлю к рассмотрению этих вопросов, предварительно вкратце высказавшись о своем намерении и о своей точке зрения.

(2) Хотя мои книги возбудили во многих людях стремление не только читать, но и писать, я все же иногда опасаюсь, что кое-кому из честных мужей название "философия" ненавистно и они удивляются тому, что я трачу на нее столько труда и времени. Лично я, пока во главе государства стояли люди, которым оно доверилось само, посвящал ему все свои заботы и помыслы. Но тогда, когда надо всем властвовал один человек¹ и не было возможности ни дать совет, ни взять на себя ответственность, я, в конце концов лишившись своих союзников в деле защиты государства, величайших мужей², не стал предаваться ни тоске, которая сокрушила бы меня, если бы я перед ней не устоял, ни, напротив, наслаждениям, недостойным ученого человека. (3) О, если бы государство было в таком положении, какое в нем возникало³, и не оказалось во власти людей, страстно желавших не столько изменить его строй, сколько его ниспровергнуть! Во-первых, — подобно тому, как я обыкновенно поступал, когда государство было неприкосновенно, — я прилагал бы в своей деятельности больше труда, чем к своим писаниям; во-вторых, самые писания свои я посвящал бы не тому, чему посвящаю их теперь, а своей деятельности, как я часто и поступал. Но так как государства, которое обыкновенно было предметом всех моих забот, помыслов и трудов, вообще не существовало, то, разумеется, умолкли и мои сочинения, относившиеся к выступлениям в суде и в сенате⁴. (4) Но так как мой ум не мог быть праздным, то я, смолodu обратившись к этим занятиям, подумал, что могу, с великим для себя почетом, снять с себя бремя огорчений, обратившись к философии. Затратив в молодости много времени на ее изучение⁵, я, после того как начал занимать магистратуры и всецело отдался государственной деятельности, располагал для занятий философией только таким временем, какое мне оставляло трудное положение друзей и государства. И время это я все тратил на чтение; досуга для писания у меня не было.

(II, 5) Итак, среди величайших зол я все-таки, по-видимому, добился вот какого блага: я записывал все то, что не было достаточно известно соотечественникам и в то же время было вполне достойно того, чтобы они это знали⁶. И право, что — во имя богов! — более желанно, чем мудрость, что более замечательно, что лучше для человека, что более достойно его? Тех, кто стремится к ней, называют философами, и *философия*, если ты захочешь перевести это слово, не что иное, как любомудрие. Что касается мудрости, то она, по определению древних философов, есть знание дел божеских и человеческих, как и причин, от которых они зависят; если кто-нибудь порицает интерес к мудрости, то я, право, не понимаю, что именно считает он нужным прославлять. (6) И действительно, если мы ищем развлечения для души и отдохновения от забот, то что можно сравнить с усилиями тех, кто всегда стремится к чему-нибудь такому, что направлено и способно привести к хорошей и счастливой жизни? Если же имеется в виду стойкость и доблесть, то именно эта наука даст нам возможность достичь того, о чем я говорил выше, или же такой науки не существует вообще. Говорить, что не существует науки о важнейших вопросах, — когда нет ни одного самого мало важного вопроса, в котором было бы возможно без науки обойтись, — свойственно людям, говорящим необдуманно и заблуждающимся в важнейших делах. Но если существует какое-то учение о доблести, то где же искать его, если откажешься от этого вида изучения? Однако это, поскольку я советую заниматься философией, обыкновенно обсуждают более тщательно; я сделал так в своей другой книге⁷; теперь мне надо было только объяснить, почему я, лишенный возможности заниматься делами государства, обратился именно к этим занятиям.

(7) Но мне приходится слышать вопросы, и притом со стороны ученых и образованных людей⁸, — достаточно ли последовательно я поступаю, раз я, говоря, что ничего невозможно узнать в точности, все-таки рассуждаю о других вещах и в это же самое время даю наставления насчет доблести. Я хотел бы, чтобы мое мнение было достаточно хорошо известно им. Ведь я не из тех людей, чей ум блуждает в неопределенности и никогда не знает, чему следовать. Каково было бы наше мышление, вернее, какова была бы наша жизнь после утраты нами мерила не только чтобы рассуждать, но даже чтобы жить? Что касается меня, то подобно тому, как другие люди одно называют определенным, а другое неопределенным, так я, не соглашаясь с ними, одно называю вероятным, другое — противоположным вероятному. (8) Что же в таком случае могло бы препятствовать мне следовать тому, что мне кажется вероятным, а противоположное ему порицать и, избегая заносчивости в своих утверждениях, не допускать необдуманности, весьма далекой от мудрости? Напротив, философы нашей школы обсуждают все вопросы, так как даже вероятное не может стать ясным без сопоставления доводов обеих сторон. Но это, думается мне, было разъяснено достаточно подробно в моем "Учении академиков"⁹. Что касается тебя, мой дорогой Цицерон, то, хотя ты и приобщился к древнейшей и знаменитейшей философской школе, руководимой Кратиппом, который вполне подобен создателям этих прославленных учений¹⁰, я все-таки хотел, чтобы эти наши воззрения, сопредельные с вашими, были хорошо известны тебе. Но теперь продолжим рассмотрение поставленной нами задачи.

(III, 9) Итак, после того как было представлено пять способов исполнения долга, — два из них относятся к подобающему и к нравственной красоте, два — к жизненным благам, средствам, богатствам, возможностям, пятый — к решению при выборе, если названные мною способы между собою, как кажется, когда-либо борются, — то раздел о нравственной красоте исчерпан, и я желаю, чтобы он был тебе хорошо известен. То, что мы рассмотрим теперь, называется полезным. Здесь словоупотребление, соскользнув с прямого пути, постепенно дошло до того, что оно, отделяя нравственную красоту от пользы, устанавливает, что в нравственном отношении прекрасно то, что не полезно, и что полезно то, что в нравственном отношении не прекрасно; ничего более пагубного для людей в их жизни нельзя было и придумать. (10) Самые авторитетные философы строго, здраво и в нравственном отношении прекрасно различают три следующие положения, нераздельные при размышлении о них: по их мнению, все то, что справедливо, также и полезно; опять-таки то, что в нравственном отношении прекрасно, в то же время справедливо; из этого следует, что все нравственно-прекрасное в то же время и полезно¹¹. Те, кто в этом разбирается слабо, часто восхищаясь изворотливыми и хитрыми людьми, считают лукавство мудростью. Их заблуждение надо рассеять и направить все их мысли на то, чтобы у них появилась надежда понять, что только нравственно-прекрасными намерениями и справедливыми поступками, но никак не обманом и лукавством возможно достичь того, чего они хотят.

(11) Итак, из всего того, что существенно для обеспечения жизни человека, одни предметы — неодушевленные, например золото, серебро, все то, что производит земля, и так далее; другие — одушевленные, обладающие своими стремлениями и наклонностями. Из них одни разума лишены, другие обладают им. Разума лишены лошади, быки, другая скотина, пчелы, труд которых в какой-то мере полезен людям и помогает им существовать. Обладающих разумом делят на два рода: один — это боги, люди — это другой¹². Богов умиляют благочестие людей и чистота их жизни; но непосредственно после богов люди могут быть очень полезны людям. (12) Что касается всего того, что способно вредить людям и наносить им ущерб, то деление такое же. Но так как люди не думают, чтобы боги могли причинять вред, то они, исключив богов, полагают, что людям причиняют величайший вред люди. Ведь именно те предметы, которые мы называли неодушевленными, большей частью и созданы трудом людей; их у нас не было бы, если бы к этому не было приложено умелых рук, и мы не пользовались бы ими без деятельности людей. Ведь ни забота о здоровье человека, ни

мореплавание, ни земледелие, ни сбор и сохранение урожая хлебов и других земных плодов не были бы возможны без человеческого труда¹³. (13) Далее, ни вывоза того, в чем у нас изобилие, ни ввоза того, в чем мы нуждаемся, конечно, не было бы, если бы люди не оказывали друг другу этих услуг. По этой же причине люди без труда своих рук не выламывали бы из земли камней, необходимых для наших нужд, и не выкапывали бы

...железа, меди, золота, серебра, глубоко скрытых¹⁴.

(IV) А дома, защищающие нас от сильных холодов и помогающие нам переносить тягостную жару? Откуда человек мог бы вначале их получить и как они впоследствии могли бы оказывать ему помощь, если бы они обрушились от сильной непогоды, или от землетрясения, или ввиду своей ветхости, — если бы совместная жизнь не научила нас при подобных обстоятельствах искать помощи у людей? (14) Прибавь к этому водопроводы¹⁵, отведение рек, орошение земель, сооружение плотин на реках, рукой человеческой созданные гавани. Откуда могли бы мы получать все это без человеческого труда? Из всего этого и из многого другого очевидно, что выгоду и пользу, какие возможно извлекать из неодушевленных предметов, мы никак не могли бы получать без труда человеческих рук. Наконец, какую выгоду и какие удобства нам могли бы доставлять животные, если бы люди не способствовали этому? Ведь те, кто первый открыл, какую пользу мы могли бы получать от каждого животного, несомненно, были людьми, да и в настоящее время мы без приложения человеческого труда не могли бы ни пасти скот, ни приручать животных, ни оберегать их, ни своевременно извлекать из них пользу. Опять-таки люди истребляют вредных животных и ловят таких, какие могут быть полезны. (15) Зачем мне перечислять множество ремесел, без которых жизнь вообще не была бы возможна? И действительно, кто приходил бы на помощь больным, что служило бы развлечением для здоровых, каковы были бы наша пища и образ жизни, если бы столь многочисленные ремесла не доставляли нам того, благодаря чему намного улучшенная жизнь людей столь далека от всего образа жизни животных? Что касается городов, то без стечения людей действительно не оказалось бы возможным ни строить их, ни населять; благодаря этому были изданы законы и возникли обычаи, а затем были установлены права, равные для всех граждан, и определенный жизненный уклад. Вслед за этим появилась душевная мягкость и чувство уважения к ближнему, так что жизнь стала более обеспеченной, и мы, давая и получая блага и обмениваясь услугами, перестали нуждаться в чем бы то ни было.

(V, 16) Мы рассматриваем это положение долее, чем нужно. И право, кому не ясно все то, о чем Панэтий говорит чересчур подробно, — что никто, ни один полководец во время войны и ни один правитель государства во времена мира, не мог совершить ни великих, ни полезных деяний без содействия людей? Панэтий говорит о Фемистокле, Перикле, Кире¹⁶, Агесилае¹⁷, Александре, которые, по его словам, не могли бы без помощи людей совершать столь великие деяния. В вопросе, не вызывающем сомнений, он привлекает свидетелей, совсем ненужных. При этом как мы достигаем большой пользы своей сплоченностью и согласием, так не бывает столь ужасного бедствия, которое не передавалось бы от одного человека другому. Перипатетик Дикеарх¹⁸, великий и разносторонний человек, написал книгу о гибели людей; в ней он, собрав другие причины этой гибели, как наводнения, моровые болезни, скитания в пустынных местностях¹⁹, неожиданное появление множества хищных зверей (от него, как доказывает Дикеарх, погибли некоторые племена людей), затем сравнивает, насколько число людей, истребленных в связи с нападением других людей, то есть в связи с войнами и мятежами, оказалось больше числа людей, погибших от всех других бедствий.

(17) Итак, раз это положение не вызывает сомнений в том, что люди приносят людям и величайшую пользу, и величайший вред, то я делаю из этого вывод, что доблести свойственно привлекать к себе людей и приобщать их к служению их же интересам. Поэтому то, что из

числа неодушевленных предметов, как и при использовании животных, обращается на пользу людям в их жизни, доставляется ремеслами, требующими труда; что же касается людских стараний, подготовленных и направленных на умножение нашего достояния, то их возбуждают мудрость и доблесть выдающихся мужей. (18) И право, всякая доблесть проявляется, можно сказать, тройко: во-первых, в уразумении того, что в каждом случае правдиво и искренно, что подходит для каждого человека, что последовательно, что чем порождается, что служит причиной каждого обстоятельства; во-вторых, в способности обуздывать расстроенные движения души, которые греки называют *πάθη*, и приводить стремления, которые они называют *ὀρμῆς*, к повиновению разуму²⁰; в-третьих, в умеренном и правильном обращении с людьми, среди которых мы живем, — с тем чтобы стараниями их мы в полной мере и даже с лихвой получали все то, чего требует природа, и при их же посредстве, если нам причиняют какой-либо ущерб, его устраняли и карали тех, кто попытался нам повредить, и подвергали их самому тяжкому наказанию, какое только допускают справедливость и человечность. (VI, 19) О том, каким именно образом мы можем достичь способности приобретать и сохранять расположение людей, я скажу немного погодя, но кое-что надо вкратце сказать предварительно.

Кто не знает, что судьба весьма могущественна в двух отношениях — в счастье и в несчастье? Ибо, когда веяние судьбы благоприятно для нас, она приводит нас к желанной цели; когда оно противно, нас постигает беда. Итак, эта самая судьба ниспосылает нам и другие, сравнительно редкие случайности: во-первых, со стороны неодушевленной природы — бури, непогода, кораблекрушения, обвалы, пожары; далее, со стороны зверей — удары, укусы, нападения; но все это, как я уже говорил, бывает сравнительно редко. (20) А вот с другой стороны, истребление, какому недавно подверглись три войска²¹, а часто подвергались многие, поражения, нанесенные императорам²², например, недавнее поражение, какое потерпел выдающийся и замечательный муж²³, кроме того, ненависть толпы и связанные с нею частые случаи изгнания весьма заслуженных граждан, их несчастья и бегство и, напротив, счастливые обстоятельства, магистратуры, империй, победы; хотя все это зависит от случая, все-таки без помощи и усилий людей это неосуществимо ни в благоприятном, ни в дурном смысле.

Поняв это, мы должны сказать, каким именно образом мы могли бы себе на пользу привлекать и побуждать старания людей. Если моя речь об этом будет чересчур длинна, то пусть ее сопоставят со степенью ее пользы; тогда она, быть может, покажется даже чересчур краткой. (21) И вот, все то, что люди воздают человеку, дабы возвеличить и почтить его, они делают либо из доброжелательности, чтя его по той или иной причине, либо из желания оказать ему почет, предполагая в нем доблесть и находя его достойным возможно большей удачи, либо из чувства доверия к нему и из уверенности в том, что он хорошо заботится об их интересах, либо из опасений его могущества, либо же, наоборот, когда они от кого-то чего-то ожидают, например, когда цари или народные вожаки сулят какие-то раздачи²⁴, либо, наконец, когда людей привлекают награда и плата, а это самый позорный и самый гнусный образ действий как для тех, кто на него поддается, так и для тех, кто к нему пытается прибегнуть; (22) дурно ведь обстоит дело, когда то, что доблестью достигаться должно, пытаются получить за деньги; но так как это вспомогательное средство иногда необходимо, то мы скажем, как им надо пользоваться, но сначала поговорим о том, что более близко к доблести. Кроме того, люди покоряются империи и власти другого человека по многим причинам. Они руководствуются либо доброжелательностью, либо значительностью оказанных им благодеяний, либо его выдающимся положением, либо надеждой на то, что это им принесет пользу, либо опасениями, что повиноваться их заставят силой, либо привлеченные надеждой на раздачи и обещаниями, либо, наконец, как мы часто видим в нашем государстве, нанятые за плату²⁵.

(VII, 23) Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств — быть любимым, самое несообразное — внушать к себе страх. Энний выразил это превосходно²⁶:

...Кого боятся, ненавидят.

Кого возненавидел ты, тому погибнуть ты желаешь.

Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу; если мы этого ранее не знали, то недавно поняли. И право, не только гибель нашего тирана²⁷ (из нее можно понять, как низко он пал), которого сокрушенные его оружием граждане терпели, показывает, насколько ненависть людей могущественна, чтобы погубить человека; это показывает и подобная ей судьба других тираннов, из которых, пожалуй, ни один не избежал такой же гибели. Ведь страх — дурной охранитель надолго; напротив, доброжелательность — охранитель верный и притом навсегда. (24) Но тому, кто людей, сокрушенных силой, принуждает своим империем, конечно, приходится прибегать к суровым мерам, например к таким, какие господа применяют к рабам, если не могут справиться с ними иначе; что касается тех, кто в свободной гражданской общине действует так, что их боятся, то они — само безумие. Ибо хотя законы раздавлены могуществом одного человека, хотя свобода утрата, однако они рано или поздно поднимутся либо в связи с безмолвными суждениями²⁸, либо в связи с тайным голосованием при выборах магистратов²⁹. Ведь укусы временно утраченной свободы глубже укусов сохраненной³⁰. Итак, выберем образ действий, дающий величайшие возможности, и притом не только для нашей безопасности, но и для приобретения нами богатства и могущества — с тем, чтобы страха не было, а расположение к нам сохранялось. Так мы с необычайной легкостью достигнем всего, чего только пожелаем, — как в личных делах, так и в государственной деятельности.

И действительно, те, кто захочет, чтобы их боялись, сами неминуемо будут бояться именно тех, кто будет бояться их. (25) Что же? От какого мучительного страха, как можно себе представить, должен был страдать Дионисий Старший³¹, который, опасаясь ножей своих цирюльников, прижигал себе волосы раскаленным углем? А Александр из Фер?³² В каком душевном смятении должен был он жить? Как говорится в летописях, он, хотя и очень любил свою жену Фиву, все же, идя с пира к ней в спальню, приказывал варвару, и притом, как написано, клейменному фракийскими знаками, идти с обнаженным мечом перед ним и посылал вперед своих телохранителей рыться в ящичках у этой женщины и искать оружие, которое она могла спрятать среди одежды. О несчастный человек! Ведь он думал, что клейменный варвар ему вернее, чем супруга. И он не ошибся: именно она и убила его, заподозрив его в том, что у него есть наложница. Право, нет власти, столь могущественной, чтобы она, если на людей давит страх, могла быть продолжительной. (26) Свидетель этому — Фаларид³³, чья жестокость получила наибольшую известность, Фаларид, погибший не жертвой коварства, как Александр, о котором я только что говорил, не от руки нескольких человек, как наш тиранн; нет, против него поднялось все население Агригента. А разве македоняне не покинули Деметрия³⁴ и все поголовно не перешли на сторону Пирра? А разве несправедливо властвовавших лакедемонян почти все их союзники неожиданно не покинули и не оказались праздными зрителями несчастья, постигшего их под Левктрами?³⁵

(VIII) Предпочитаю вспоминать подобные случаи, относящиеся к чужеземцам, а не к согражданам. Однако пока держава римского народа зиждилась на благодеяниях, а не на противозакониях, и пока мы вели войны либо в защиту союзников, либо за владычество, и исход войны был либо мягок, либо соответствовал необходимости³⁶, то гаванью и прибежищем для царей, народов и племен был сенат, а наши магистраты и императоры старались снискать величайшую хвалу уже за одно то, что они справедливо и верно защищали провинции и союзников. (27) Вот почему можно было с большим основанием говорить о нашем покровительстве над всеми странами, а не о нашем владычестве. От этого обыкновения

и от этих правил мы постепенно отказывались уже и ранее, но после победы Суллы утратили их полностью; ведь любое деяние по отношению к союзникам перестало казаться несправедливым после того, как по отношению к гражданам была проявлена столь сильная жестокость. Таким образом, во времена Суллы за нравственно-прекрасным делом последовала дурная в нравственном отношении победа³⁷. Ведь он, водрузив копье, осмелился сказать, продавая на форуме имущество честных и состоятельных мужей и, во всяком случае, граждан, что он продает свою военную добычу³⁸. После него нашелся человек, который в нечестивом деле, в силу еще более отвратительной победы, не забирал в казну имущество отдельных граждан, а захватывал целые провинции и области по одному только праву — на их несчастье³⁹. (28) Итак, после того как чужеземные народы были истерзаны и погублены, мы увидели, как в качестве доказательства утраты нами своего владычества — во время триумфа несут изображение Массилии и справляют триумф после победы над городом, без чьей помощи наши императоры еще ни разу не справили триумфа после войн за Альпами⁴⁰. Я напомнил бы еще о многих случаях нечестивых деяний по отношению к союзникам, если бы солнце когда-нибудь видело что-либо более недостойное, чем одно это⁴¹. Кару, следовательно, мы несем заслуженную. Ведь если бы мы не оставили преступлений многих людей безнаказанными, то столь сильного произвола никогда не мог бы проявить один человек, от которого имущество унаследовали немногие люди⁴², а страсти — многие негодяи. (29) Ведь в семени гражданских войн и поводе к ним недостатка не будет никогда, пока низко падшие люди будут вспоминать о пресловутом окровавленном копье и надеяться увидеть его вновь; тот же Публий Сулла⁴³, после того как потрясал им во время диктатуры своего родственника, через тридцать шесть лет не отшатнулся от еще более преступного копья; другой человек, во время первой диктатуры бывший писцом, во время второй был городским квестором⁴⁴. Из этого мы должны понять, что, пока подобные награды будут возможны, гражданские войны не прекратятся никогда. Поэтому стоят и сохранились одни только стены Города, и даже они теперь боятся величайших преступлений; что касается государства, то его мы утратили полностью⁴⁵. И несчастья эти постигают нас (ведь нам надо вернуться к намеченному рассуждению) в то время, когда мы предпочитаем, чтобы нас боялись, а не любили и чтили. Если все это могло постигнуть римский народ вследствие его несправедливого владычества, то что должны думать отдельные лица?

Так как очевидно, что доброжелательность сильна, а страх слаб, то нам далее надо рассмотреть, какими средствами нам было бы легче всего достичь желанного расположения народа наряду с почетом и доверием. (30) Но в этом не все мы нуждаемся в равной степени; ибо каждый, в соответствии с избранным им путем в жизни, должен решить, нужно ли ему, чтобы его любили многие, или же для него достаточно, если это будут немногие. Следовательно, несомненно одно (и это — первое и самое необходимое): надо располагать близкой дружбой верных людей, любящих и ценящих нас. Ведь это — единственное, в чем нет большого различия между выдающимися и обыкновенными людьми, причем и те и другие должны добиваться этого равным образом. (31) В почете, в славе и в доброжелательности граждан одинаково нуждаются, пожалуй, не все люди, но все-таки если кто-нибудь достигает их, то это помогает как в других отношениях, так и в снискании дружбы.

(IX) Но о дружбе было сказано в моей другой книге, под названием "Лелий"; теперь поговорим о славе; хотя и о ней идет речь в двух моих книгах⁴⁶, мы все-таки коснемся этого вопроса, так как при ведении более важных дел слава оказывает людям огромную помощь. Итак, наивысшая и совершенная слава зависит от следующих трех условий⁴⁷: если народ любит нас; если он нам доверяет; если он, наряду с некоторым восхищением нами, считает нас достойными магистратур. Все это — если говорить просто и кратко — достигается в глазах толпы почти такими же путями, какими и в глазах отдельных лиц. Но есть и другой путь, чтобы подойти к толпе: суметь как бы влиться в сердца всех людей.

(32) Из названных мною трех условий рассмотрим сначала наставления насчет доброжелательности; ее достигают, главным образом, благодеяниями⁴⁸; во вторую очередь, доброжелательность заслуживают готовностью совершать благодеяния, хотя средств для этого, пожалуй, и недостаточно; но любовь толпы необычайно сильно возбуждается уже одной молвой и толками о щедрости, благотворительности, справедливости, верности слову и обо всех доблестях, связанных с мягкостью нрава и доступностью⁴⁹. И в самом деле, так как именно то, что мы называем нравственно-прекрасным и подобающим, нравится нам само по себе, волнует всех людей своей сущностью и внешним проявлением и как бы светит ввиду наличия названных мною доблестей, то именно поэтому тех, в ком мы предполагаем эти доблести, сама природа заставляет нас любить. Вот каковы важнейшие основания для расположения народа; кроме того, могут быть и кое-какие менее веские основания.

(33) Доверие можно снискать двумя качествами: если нас признают дальновидными и справедливыми. Ведь мы чувствуем доверие к тем людям, которые, как мы думаем, понимают больше, чем мы, и которые, как мы верим, предвидят будущее и всякий раз, когда что-нибудь случается и положение становится опасным, способны найти выход из него и своевременно принять решение; ибо люди считают это полезной и истинной дальновидностью. С другой стороны, к справедливым и верным людям, то есть к честным мужам, мы чувствуем доверие при условии, что они не вызывают у нас подозрения насчет их склонности к обману или к противозаконию. Поэтому мы и думаем, что вполне правильно поручить им свое благополучие, достояние, детей. (34) Из этих двух качеств более могущественна в деле снискания доверия справедливость, так как она, даже без дальновидности, достаточно убедительна; дальновидность без справедливости бессильна в этом отношении. Ибо чем человек изворотливее и хитрее, тем большие ненависть и подозрения навлекает он на себя, после того как его перестанут считать порядочным. По этой причине справедливость в сочетании с проницательностью будет иметь для снискания доверия столько сил, сколько захочет; справедливость без дальновидности будет очень могущественна; без справедливости бессильна дальновидность.

(X, 35) А дабы никто не удивлялся, почему я — хотя всем философам известно, да и сам я не раз рассуждал о том, что человек, обладающий одной доблестью, обладает ими всеми⁵⁰, — теперь доблести разделяю, как будто может быть справедлив человек, в то же время недальновидный, я скажу, что одно дело — точность, когда истину как таковую оттачивают при обсуждении, другое дело — когда мы приспособляем всю свою речь к всеобщему мнению. Поэтому я говорю здесь об этом, уподобляясь черни и одних называя храбрыми, других честными, третьих дальновидными мужами. Ведь когда мы говорим о мнении народа, то надо пользоваться народными и избитыми словами; так же поступал и Панэтий. Но вернемся к предмету своего рассмотрения.

(36) Итак, из трех условий для снискания славы третье состояло в том, чтобы нас, восхищаясь нами, признавали достойными магистратур. Вообще люди восхищаются всем тем, что, как они заметили, величественно и превзошло их ожидания, в частности — если они усматривают со стороны отдельных лиц какие-либо неожиданные для них хорошие качества. Поэтому они обращают свои взоры и возвеличивают необычайной хвалой тех мужей, в которых они, по их мнению, усматривают, так сказать, выдающиеся и исключительные доблести, но смотрят свысока и презирают тех, в ком, по их мнению, нет ни доблести, ни мужества, ни упорства. Правда, презирают они не всех тех, о ком они дурного мнения. Ведь тех, кого они считают бесчестными, злоречивыми, склонными к обману и готовыми совершать противозакония, они совсем не презирают, но дурного мнения о них. Поэтому, как я уже говорил, люди презирают тех, кто "ни себе, ни другому"⁵¹ [не полезен], кто не трудится, ни о чем не старается, ни о чем не заботится. (37) Но люди восхищаются теми, кого они считают превосходящими других доблестью и чистыми как от какого бы то ни было позора, так и от

пороков, устоять перед которыми другим людям нелегко. Ибо плотские утехы, эти оболстительнейшие повелительницы, отвлекают от доблести души большинства людей, а когда к ним приближаются горящие головни страданий, то очень многие люди ужасаются сверх всякой меры. Жизнь и смерть, богатство и бедность волнуют всех сильнейшим образом. Когда тем, кто высоким и великим умом своим смотрит на все это во всех отношениях свысока, представляется какое-нибудь великое и нравственно-прекрасное дело, то оно всецело привлекает их к себе и овладевает ими. Кто тогда не восхитится блистательностью и красотой их доблести?

(XI, 38) Итак, подобное превосходство ума вызывает у людей большое восхищение, а справедливость, на основании каковой одной доблести людей называют честными, более чем что-либо другое кажется толпе, так сказать, чудодейственной, и притом с полным на это основанием. Ведь не может быть справедлив человек, который боится смерти, боится боли, боится изгнания, боится бедности, или человек, который противоположное всему перечисленному ставит выше справедливости. И люди восхищаются больше всего тем человеком, которого нельзя соблазнить деньгами; того, в ком они усмотрели такое качество, они считают прошедшим испытание огнем⁵². Поэтому те три условия для снискания славы, которые мы привели, все создает справедливость: она создает доброжелательность, так как справедливость хочет быть полезна возможно большему числу людей; по этой же причине она создает верность слову и вызывает у людей восхищение, так как справедливость глубоко презирает все то, к чему рвется большинство людей, воспламененное алчностью. (39) Кроме того, — во всяком случае, по моему мнению, — весь образ жизни и ее правила требуют помощи со стороны людей, и прежде всего для того, чтобы были люди, с которыми можно было бы вести дружескую беседу, а это трудно, если не будешь производить впечатления честного мужа. Поэтому также и человек одинокий и живущий в деревне нуждается в молве о своей справедливости, и даже тем более, что если такой молвы о нем не будет, то его будут считать несправедливым, и такие люди, не огражденные защитой, будут страдать от многих противозаконий. (40) Также и тем, кто что-либо продает, покупает, отдает в наем, вообще заключает какие-то соглашения, для ведения дел необходима справедливость; значение ее так велико, что даже те, кто существует злодеяниями и преступлениями, не могут жить без крупинцы справедливости. Ибо тот из них, кто украдет или отнимет что-нибудь у человека, вместе с которым разбойничает, не оставит для себя места даже среди разбойников, а так называемого архипирата⁵³, если он не станет делить добычу поровну, его товарищи могут убить или покинуть. Более того, у разбойников, говорят, существуют даже законы, которым они повинуются и подчиняются. Так, благодаря справедливому дележу добычи иллирийский разбойник Бардулис⁵⁴ — о нем пишет Феопомп⁵⁵ — обладал большими богатствами; гораздо большими обладал луситанец Вириат⁵⁶, перед ним отступили даже наши войска и императоры; претор Гай Лелий — его обыкновенно называют Мудрым — разбил его наголову и настолько сломил его жестокость, что вполне мог передать ведение войны своим преемникам. И так как значение справедливости столь велико, что она укрепляет и усиливает даже власть разбойников, то сколь велико должно стать ее значение при наличии законов, правосудия и прочного государственного строя!

(XII, 41) Мне, во всяком случае, кажется, что не только у мидян, о которых повествует Геродот⁵⁷, но и у наших предков царской властью некогда, в интересах справедливости, облакали людей высокой нравственности⁵⁸. Ибо народ, когда он во времена мира терпел притеснения от более могущественных людей, прибегал к защите со стороны какого-нибудь одного человека выдающейся доблести, который, не допуская противозаконий по отношению к бедным людям, установлением справедливости обеспечивал равноправие между людьми, занимавшими высшее положение, и людьми, занимавшими низшее⁵⁹. Для издания законов основание было такое же, что и для избрания царей. (42) Права люди ведь всегда искали равного; ибо иначе вообще не существовало бы права. Если люди добивались такого права от

одного справедливого и честного мужа, они были довольны им; но так как это им не удавалось, то были придуманы законы, дабы они со всеми людьми всегда говорили одним и тем же языком^{59a}. Итак, повелителями своим народ, очевидно, обыкновенно избирал людей, о чьей справедливости он был высокого мнения. А если они к тому же считались и дальновидными, то не было ничего такого, чего народ, под их руководством, находил бы невозможным достичь. Следовательно, надо всячески соблюдать и охранять справедливость, и притом как ради нее самой, — ведь иначе справедливости не существовало бы вообще, — так и ради того, чтобы возвеличить свой почет и свою славу.

Но как существует способ не только наживать деньги, но и помещать их в дело, дабы они давали нам постоянную возможность производить расходы не только необходимые, но и свидетельствующие о нашей щедрости, так и славу надо приобретать и помещать разумно. (43) Впрочем, Сократ превосходно сказал, что ближайший и как бы укороченный путь к славе — в том, чтобы стараться быть таким, какими хотят считаться⁶⁰. И если кое-кто думает, что притворством, пустым показным поведением и неискренними не только речью, но и выражением лица возможно достичь прочной славы, то такие люди глубоко заблуждаются. Истинная слава пускает корни, которые разрастаются; при мнимой все быстро опадает, подобно цветам, и ничто притворное не может быть длительным. Свидетелей этому — и в том и в другом случае — очень много, но мы, ради краткости, ограничимся одной ветвью рода. Тиберия Гракха, сына Публия⁶¹, будут прославлять, пока сохранится память о деяниях римлян, но его сыновья при жизни своей не снискали одобрения, а после их смерти их относят к числу людей, убитых по справедливости. Итак, кто захочет снискать истинную славу справедливого человека, должен исполнять обязанности, налагаемые справедливостью. Каковы они, было сказано в предыдущей книге⁶².

(XIII, 44) Но для того, чтобы нам было легче всего казаться такими, каковы мы в действительности, — хотя важнее всего, чтобы мы были такими, какими хотим считаться, — все-таки надо преподать кое-какие наставления. Ведь если у кого-нибудь с раннего возраста есть основания носить знаменитое имя, либо перешедшее к нему от отца (как это, думается мне, было с тобою, мой дорогой Цицерон!), либо связанное с какими-нибудь счастливыми обстоятельствами, то все люди устремляют на него взоры и хотят знать, что он делает и как живет, причем — словно он освещен ярчайшим светом — не могут оставаться скрытыми ни его высказывания, ни его поступки. (45) Напротив, те люди, чья ранняя юность, вследствие их незнатного и темного происхождения, протекает в неизвестности, как только становятся молодыми людьми, должны ставить себе высокие цели и стремиться к ним честными усилиями; они будут так поступать с тем большей твердостью духа, что этот возраст, уже не говорю — не вызывает ненависти к себе, но даже встречает благосклонное отношение. Итак, первый благоприятный отзыв о молодом человеке на его пути к славе мог бы быть достигнут его воинскими подвигами⁶³, на этом поприще многие отличились во времена наших предков. Ведь войны происходили, можно сказать, всегда. Твое поколение было современником войны, в течение которой одна сторона оказалась крайне преступной, другая — неудачливой⁶⁴. Однако, когда во время этой войны Помпей назначил тебя начальником отряда конницы⁶⁵, ты заслужил большую похвалу и от этого великого мужа и от войска за свою верховую езду, метание копья и выносливость во всех лишениях, связанных с войной. И все-таки эта заслуженная тобою хвала утратила свое значение одновременно с падением государства. Но я начал эту речь, имея в виду не тебя одного, но вообще всех юношей. Поэтому перейдем к тому, что нам остается рассмотреть.

(46) И вот, как при других видах деятельности умственный труд имеет гораздо большее значение, чем физический, так те цели, которые мы преследуем своим дарованием и разумом, людям более по сердцу, чем те, какие мы преследуем силой своих мышц. Итак, первое ручательство за нас бывает связано с нашей умеренностью, затем с нашей сыновней любовью

и доброжелательностью к родным. Но легче всего, и притом с наилучшей стороны, бывает узнать юношей, которые поступили под руководство прославленных и мудрых мужей, пекущихся о благе государства. Если юноши эти общаются с ними постоянно, то это заставляет народ думать, что они уподобятся тем, кого они себе выбрали для подражания. (47) Посещения дома Публия Муция⁶⁶ послужили для юного Публия Рутилия⁶⁷ порукой в бескорыстии и знании права. Ведь Луций Красс, хотя он был еще очень молод, не заимствовал от других, но сам снискал себе величайшую хвалу всем известным и славным обвинением⁶⁸ и в том возрасте, в каком юноши, упражняющиеся в красноречии, обыкновенно заслуживают похвалу (мы знаем это насчет Демосфена), Луций Красс доказал что он на форуме уже превосходно выполняет задачу, к которой он тогда еще мог успешно подготовиться у себя дома.

(XIV, 48) Но так как речь бывает двух родов (один — это беседа, другой — речь ораторская⁶⁹), то нет никаких сомнений в том, что речь ораторская имеет большее значение в деле снискания славы; ведь именно ее мы называем красноречием; но все-таки трудно выразить, в какой мере ласковость и доступность беседы привлекают к себе сердца людей. До нас дошли письма трех, по преданию, дальновиднейших человек — Филиппа к Александру, Антипатра к Кассандру и Антигона к сыну Филиппу⁷⁰, в которых они советуют снискивать расположение толпы доброжелательной речью и склонять солдат на свою сторону, ласково обращаясь к ним. Что касается речи, которую держат перед народом во время прений, то она часто приносит славу в глазах у всех. Ведь речь богатая и мудрая сильно восхищает людей; слушатели думают, что произносящий ее понимает суть дела и разбирается в нем лучше, чем другие. Но если речи свойственна убедительность в сочетании с умеренностью, то это — самое изумительное, что только может быть, и тем более если это присуще молодому человеку. (49) Но хотя бывает много видов дел, требующих красноречия, и в нашем государстве многие юноши, говоря и перед судьями, и перед народом, и перед сенатом, снискали славу, все-таки наибольшее восхищение вызывают речи в суде. Задача их двоякая; ведь их цель — обвинение и защита: хотя большей хвалы заслуживает защита, слушатели все-таки весьма часто одобряли и обвинение. Я только что говорил о Крассе. В юности так же поступал и Марк Антоний⁷¹. Обвинительная речь прославила и красноречие Публия Сульпиция⁷², когда он привлек к судебной ответственности Гая Норбана, мятежного и ни к чему не пригодного гражданина.

(50) Так поступать часто нельзя, но всегда можно только либо в интересах государства, как поступали люди, названные мною раньше, либо с целью покарать, как поступили двое Лукуллов⁷³, либо с целью защиты, как поступил я ради сицилийцев⁷⁴, а ради сардинян, в деле Альбуция, Юлий⁷⁵. При обвинении Мания Аквилія приобрело известность и рвение Луция Фуфия⁷⁶. Итак, будем обвинять лишь один раз и, конечно, не часто! Но если найдется человек, который будет вынужден так поступать чаще, то пусть он оказывает эту услугу государству, карать чьих недругов чаще всего не предосудительно; но все-таки должна быть мера. Стремление угрожать гражданским правам⁷⁷ многих людей, по моему мнению, свойственно жестокому человеку, вернее, даже не человеку вообще. Согласиться на свое назначение в качестве обвинителя и опасно для него самого, и даже позорно для его доброго имени⁷⁸. Таков был удел Марка Брута⁷⁹, человека очень знатного, сына выдающегося знатока гражданского права. (51) Надо строго соблюдать и вот какое правило, относящееся к обязанностям: никогда не возбуждать в суде дела, угрожающего гражданским правам невиновного человека; ведь ты, не пойдя на преступление, сделать это никак не сможешь. Ибо что так бесчеловечно, как обращать на погибель и уничтожение людей красноречие, дарованное нам природой для защиты их благополучия? И все же если этого надо избегать, то иногда следует считать совместимой со своей совестью защиту человека виновного, только бы он не был злодеем и нечестивцем. Этого хочет большинство людей, это допускает обычай, и с этим мирятся и человеческие чувства. Дело судьи — при разборе дел всегда следовать правде; дело защитника

— иногда защищать правдоподобное, даже если это не вся правда. Я не осмелился бы написать это, особенно в сочинении по философии, если бы строжайший из стоиков, Панэтий, не был такого же мнения. Но величайшей славы и благодарности заслуживают защитительные речи, особенно если иногда случается так, что оказывается помощь человеку угнетаемому и преследуемому могуществом влиятельного лица, как я поступал в ряде случаев; ведь в молодости я выступил против владычества Луция Суллы, взяв на себя защиту Секста Росция из Америи; речь эта, как ты знаешь, сохранилась⁸⁰.

(XV, 52) Итак, рассмотрев исполнение долга молодыми людьми, способствующее снисканию славы, мы затем должны поговорить о благотворительности и щедрости, которые проявляются двояко. Ведь по отношению к нуждающимся творят добро либо делами, либо деньгами. Более легок второй способ, особенно для состоятельного человека, но первый более прекрасен, более блистателен и более достоин храброго и прославленного мужа. Хотя и тому и другому присуще благородное желание оказать услугу, но деньги мы достаем из сундука, дела же связаны с нашей доблестью, а раздача, которую производят из своего имущества, исчерпывает самый источник доброты. Так доброта уничтожается добротой, и чем больше людей, по отношению к которым ты ее проявил, тем в меньшей степени ты сможешь проявлять ее по отношению ко многим. (53) Наоборот, тот, кто будет благотворителен и щедр своими делами, то есть доблестью и деятельностью, во-первых, будет располагать тем большим числом помощников в добрых делах, чем большему числу людей он принесет пользу; во-вторых, своей привычкой делать добро он станет более подготовленным и, так сказать, более искушенным в добрых услугах многим людям. В одном из своих писем Филипп недвусмысленно упрекает сына Александра в том, что тот добивается доброжелательности македонян своей щедростью⁸¹. "Какие соображения — о горе! — внушили тебе, — пишет он, — надежду на то, что тебе будут верны люди, которых ты подкупил деньгами? Или ты стремишься к тому, чтобы македоняне начали надеяться на то, что ты станешь не их царем, а слугой и поставщиком?" Это сказано хорошо — "слугой и поставщиком", так как это позорно для царя; еще лучше, что Филипп назвал раздачу денег подкупом. Ведь тот, кто получает что бы то ни было, становится более дурным человеком и всегда готов рассчитывать на такие же подачки. (54) Он написал это сыну, но я склонен считать это наставлением для всех людей. Поэтому нет сомнений, во всяком случае, в том, что доброта, выражающаяся в труде и деятельности, более прекрасна в нравственном отношении, находит себе более широкое применение и может принести пользу большему числу людей. Иногда все-таки надо давать деньги; этот вид доброты нельзя отвергать совсем, и достойным людям, если они в нужде, мы часто должны уделять кое-что из своего имущества, но осмотрительно и с чувством меры. Ведь многие люди растратили свое состояние, проявив необдуманную щедрость. Что более неразумно, чем старания утратить возможность более долго делать то, что делаешь охотно? К тому же вслед за раздачами совершаются и грабежи⁸². Ведь всякий раз как люди, раздавая, начинают нуждаться в средствах, они оказываются вынужденными забирать себе чужое имущество. Таким образом, желая быть благодетелями ради того, чтобы снискать доброжелательность, они не столько заслуживают преданность тех, кому они что-то дали, сколько навлекают на себя ненависть тех, у кого они, это отняли. (55) Поэтому имущество и не следует запирать так крепко, чтобы доброта не могла открыть его, и нельзя держать настолько на виду, чтобы оно было доступно всем; надо соблюдать меру и сообразоваться со своими средствами. Вообще мы должны помнить то, что наши соотечественники твердили так часто и что уже стало поговоркой, навязшей в зубах: "Щедрая раздача бездонна". И действительно, какая возможна мера, когда одного и того же требуют и те, кто привык это получать, и еще другие?

(XVI) Вообще говоря, есть два рода людей, склонных раздавать: одни — расточительные, другие — щедрые⁸³. Расточительные — это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и на травлю диких зверей⁸⁴ — на все то, память о

чем они оставят недолгую или вообще не оставят никакой; щедрые, напротив, — это те, кто на свои средства выкупает пленных у морских разбойников, берет на себя долги друзей⁸⁵, помогает им при выдаче дочерей замуж и поддерживает друзей при приобретении ими имущества или при преумножении его. (56) Поэтому я и удивляюсь, что Феофрасту^{85a} пришло на ум написать в своей книге "О богатстве", в которой он многое изложил превосходно, такую нелепость: он не жалеет слов, расхваливая великолепие игр для народа, а возможность нести такие расходы считает пользой от богатства. Мне же та польза от щедрости, несколько примеров которой я привел, кажется и намного большей, и намного более надежной. Насколько строже и справедливее нас порицает Аристотель за то, что мы не изумляемся этой трате денег, цель которой — снискать расположение толпы: "Ведь если те, кого осаждает враг, вынуждены платить за секстаций воды мину⁸⁶, то вначале это кажется нам невероятным, и все удивляются; но когда они хорошо подумают, они оправдают это необходимостью, в то время как при упомянутых огромных тратах и безграничных расходах нас особенно ничто не удивляет, хотя люди и не облегчают ничьего безвыходного положения, и никого не возвеличивают, и само развлечение для толпы продолжается короткое и незначительное время и устраивается для ничтожнейших людей, в которых, однако, одновременно с пресыщенностью умирает и воспоминание о наслаждении". (57) Он заканчивает тоже хорошо: "Это по сердцу детям, слабым женщинам и свободным людям, вполне подобным рабам; но человек строгих правил, с определенной точки зрения взвешивающий все происходящее, одобрить это не может". Впрочем, я хорошо знаю, что в нашем государстве еще в хорошие времена укоренился обычай требовать от наилучших мужей блистательного эдилитета. Так, Публий Красс, Богатый⁸⁷, и по своему прозвищу, и в действительности, устроил в год своего эдилитета великолепные игры, а вскоре после этого Луций Красс вместе с Квинтом Муцием⁸⁸, из всех людей самым умеренным человеком, в год своего эдилитета устроил великолепные зрелища. Затем так поступил Гай Клавдий⁸⁹, сын Аппия, а впоследствии и многие другие: Лукуллы⁹⁰, Гортенсий⁹¹, Силан⁹²; но Публий Лентул⁹³ в год моего консулата превзошел всех своих предшественников; с него взял пример Скавр⁹⁴; игры, устроенные моим другом Помпеем в год его второго консулата⁹⁵, были великолепны; какого мнения обо всем этом я, ты видишь.

(XVII, 58) Но все-таки надо избегать подозрения в скупости. Мамерку⁹⁶, богатейшему человеку, отказ от эдилитета принес неудачу при соискании консулата. Поэтому если народ требует игр, а честнейшие мужи, не высказывая такого желания, во всяком случае одобряют это, то устроить игры нужно, но в меру своих средств, как поступил я⁹⁷, как и в случае, если щедростью к народу когда-либо хотят достичь чего-то более важного и более полезного, как это было сделано недавно, когда угощения на улицах, устроенные Орестом (так называемые "десятины"), принесли ему большой почет⁹⁸. Даже Марку Сею⁹⁹ не поставили в вину того, что во время дороговизны хлеба он выдавал народу зерно по цене в один асс за модий; ведь он этим, когда был эдилом, успокоил сильную и давнюю ненависть, понеся вовсе не позорный и небольшой расход. Необычайный почет недавно принесло моему другу Милону то обстоятельство, что он, купив гладиаторов для защиты государства, чья судьба зависела от моего восстановления в правах, пресек все безумные происки Публия Клодия¹⁰⁰. Итак, основанием для раздач бывает либо необходимость, либо польза. (59) Но именно при этом наилучшее правило — разумная середина. Например, Луций Филипп¹⁰¹, сын Квинта, муж великого ума и высоко прославленный, не раз ставил себе в заслугу то, что он, не устроив никаких развлечений для народа, достиг всех магистратур, считающихся высшими. Это же говорили и Котта¹⁰², и Курион¹⁰³. Также и мне можно поставить это себе в заслугу; ведь сравнительно со значением магистратур, на какие я был избран всеми поданными голосами, и притом в свой год¹⁰⁴, — этого не удостоился ни один из тех, кого я только что назвал, — расходы по моему эдилитету были совсем небольшие. (60) Но предпочтительны расходы на сооружение городских стен, верфей, портов, водопроводов и всего того, что служит государству на пользу. Конечно, то, что в настоящее время нам как бы дается в руки, более

приятно, но перечисленное выше более ценно впоследствии. Порицать сооружение театров, портиков и новых храмов мне неловко ввиду моего уважения к памяти Помпея¹⁰⁵, но ученейшие люди не одобряют этого, например даже Панэтий, которому я в этих книгах следовал во многих местах, не переводя его высказываний, и Деметрий Фалерский, порицающий Перикла, первого человека Греции, за то, что он истратил столько денег на знаменитые Пропилеи¹⁰⁶. Но все это я подробно рассмотрел в своих книгах "О государстве"¹⁰⁷. Итак, все эти раздачи, по существу своему, порочны, но в связи с обстоятельствами бывают необходимы, и именно тогда и надо сообразоваться со своими возможностями и соблюдать разумную меру.

(XVIII, 61) При раздачах другого рода, порождаемых щедростью, мы в разных случаях не должны поступать одинаково. В одном положении находится человек, которого постигла беда, в другом — желающий улучшить свое положение и не страдающий от несчастий. (62) Доброта должна будет быть более склонна помогать людям, которых постигла беда, — если только они не заслужат этой беды. Что касается тех, кто захочет получить помощь не для того, чтобы не быть повергнут на землю, но для того, чтобы достичь более высокого положения, то мы, если говорить вообще, отнюдь не должны быть глухи к их просьбам, но, выбирая подходящих людей, должны судить здраво и быть внимательны. Ведь Энний превосходно сказал¹⁰⁸:

Дела благие, но направленные дурно, я сочту дурными ...

(63) Что касается того, что было сделано для честного и благодарного человека, то плоды этого мы получаем как от него самого, так и от других людей. Ведь если не допускать опрометчивости, то щедрость очень по сердцу людям, и большинство из них восхваляет ее тем усерднее, что доброта каждого выдающегося человека — общее прибежище для всех. Поэтому и надо стараться оказывать возможно большему числу людей благодеяния, память о которых они передадут детям и потомкам, так что им нельзя будет быть неблагодарными. Ведь человека, не помнящего оказанных ему благодеяний, все ненавидят и думают, что несправедливость, отпугивающая людей от благородных поступков, совершается и по отношению к ним, а человек, ее совершающий, — враг всем неимущим людям. Впрочем, доброта эта, состоящая в выкупе пленников из рабства и в помощи неимущим, полезна и государству; так обыкновенно поступало наше сословие¹⁰⁹, о чем, как мы видим, подробно написано в речи Красса¹¹⁰. Итак, это обыкновение проявлять доброту я ставлю гораздо выше щедрости при устройстве зрелищ. Первое свойственно людям строгих правил и великим, вторая — льстецам перед народом, которые как бы щекочут наслаждением низменные чувства толпы. (64) Но человеку будет к лицу, если он, давая, будет щедр, взыскивая, не будет жесток, а во всех деловых соглашениях, продавая и покупая, нанимая и отдавая в наем, по отношению к соседям и к владельцам смежных земель¹¹¹ будет справедлив, доступен, многие из своих прав будет уступать многим людям, а тяжб, насколько это будет дозволено и, пожалуй, даже несколько больше, чем будет дозволено, станет страшиться. Ведь немного поступиться своим правом иногда не только признак щедрости, но порою и выгодно. Но имущество свое надо беречь; допускать его разорение позорно; однако не должно возникать подозрения в отсутствии щедрости и в алчности. Ведь уметь быть щедрым, не лишаясь своего имущества, несомненно, — величайшая польза от денег. Феофраст по справедливости высказал хвалу гостеприимству¹¹². Вполне подобает (во всяком случае, по моему мнению), чтобы дом знаменитого человека был открыт для знаменитых гостей; также и государству служит украшением, если в нашем Городе чужеземцы не испытывают недостатка в этом роде щедрости. Между тем тоже необычайно полезно, чтобы те, кто хочет нравственно-прекрасным путем быть могущественным, при посредстве своих гостей, пользовались весом в глазах чужеземных народов благодаря своим богатствам и влиянию. Феофраст пишет, что в Афинах Кимон¹¹³ оказывал гостеприимство и землякам лакийцам; он строго-настрого приказал своим

управителям усадеб предоставлять все необходимое каждому лакийцу, приехавшему в его усадьбу.

(XIX, 65) Напротив, благодеяния трудом, а не раздачей оказываются как государству в целом, так и отдельным гражданам¹¹⁴. Ибо предупреждать проигрыш дела в суде, помогать советом и в этой области знания приносить пользу возможно большему числу людей необычайно важно для укрепления своего положения и влияния. Таким образом, как многие наилучшие черты характера наших предков, так и знание и истолкование превосходно составленного гражданского права всегда были в величайшем почете; теперь блистательность этого знания, которое до нынешнего смутного времени было достоянием первых граждан, уничтожена, как и магистратуры, как и все ступени высокого положения, и это тем прискорбнее, что произошло это в такое время, когда был жив человек, познаниями своими вполне превзошедший всех своих предшественников, которым он был равен в достигнутом им почете¹¹⁵. Итак, труды эти бывают по сердцу многим людям и способны обязывать людей благодеяниями. (66) Впрочем, к этому искусству примыкает более важное, более приятное и более чтимое — красноречие. И действительно, что может превзойти красноречие либо в связи с восхищением слушателей, либо в связи с надеждами обездоленных, либо в связи с благодарностью тех, кому была оказана защита? Поэтому предки наши и поставили красноречие, по придаваемому им высокому положению, во времена мира на первое место¹¹⁶. Следовательно, для красноречивого человека, охотно берущего на себя труд и — в соответствии с обычаями наших отцов — без долгих уговоров и безвозмездно ведущего дела многих людей, широко открыта возможность оказывать благодеяния и защищать в суде. (67) Рассматриваемый предмет побуждал меня и по этому поводу оплакивать упадок, чтобы не сказать — гибель, красноречия¹¹⁷, и я сделал бы это, если бы не опасался впечатления, что заявляю какую-то жалобу насчет самого себя. Но мы все-таки видим, какие ораторы умолкли, сколь малочисленны подающие надежду, насколько меньше стало способных, как много наглых! Но так как все и даже многие не могут быть ни сведущими в праве, ни красноречивыми, то им все-таки дозволяется помогать своим трудом многим людям, испрашивая для них милости¹¹⁸, выступая в их защиту перед судьями и магистратами, неусыпно защищая интересы других людей, обращаясь с просьбами именно к правоведам или к защитникам. Кто так поступает, тот приобретает величайшее влияние, и его деятельность находит себе величайшее применение. (68) Насчет одного обстоятельства предупреждать их не надо (ведь это очевидно): быть осмотрительными, когда они захотят помочь другим, — чтобы никого не обидеть. Ведь они часто причиняют вред либо тем людям, которым они не должны его причинить, либо тем, которым причинить вред им не выгодно. Если они делают это нечаянно, то это следует приписать их неосторожности; если сознательно, то — опрометчивости. Надо также, как только возможно, извиняться перед теми, кого ты невольно обижаешь, так как то, что ты сделал, было необходимо, и поступить иначе ты не мог, а ущерб, который, как может показаться, был причинен, надо возместить другими делами и услугами.

(XX, 69) Но так как, приходя людям на помощь, обыкновенно принимают во внимание либо их поступки, либо их имущественное положение, то в толпе и говорят (сказать ведь легко), что мы, оказывая другим благодеяние, соображаем с их поступками, а не с их имущественным положением. Слова эти нравственно-прекрасны, но найдется ли человек, который, прилагая старания, не предпочтет интересам бедного и честнейшего человека благодарности состоятельного и могущественного? Наша добрая воля в большей мере обыкновенно обращается к тому, кто, как нам кажется, вознаградит нас с большей готовностью и быстрее. Но мы должны внимательнее разобраться в существе дела. Ведь бедный, если он — честнейший муж, даже если не может нас отблагодарить, несомненно, может сохранить благодарность в своем сердце. Кто-то метко сказал: "Что касается денег, то тот, кто их имеет, их не отдавал; кто их отдал, их не имеет. Что касается благодарности, то поблагодаривший хранит это чувство, а его хранящий поблагодарил"¹¹⁹. Но, скажут мне,

люди, считающие себя состоятельными, окруженными почетом и счастливыми, даже обязываться не хотят благодеянием, оказанным им; более того, они даже думают, что они сами оказали благодеяние, когда таковое, и притом немалое, приняли, и даже подозревают, что от них чего-то требуют и ожидают. А прибегнуть к чьему-либо покровительству или быть названными чьими-то клиентами, по их мнению, подобно смерти. (70) Напротив, бедный человек, о котором говорилось выше, думает, что все то, что было сделано для него, относилось лично к нему, а не к его имущественному положению, и старается казаться благодарным не только тому, кто ему оказал услугу, но и тем, от кого он услуг ожидает (ведь нуждается он в помощи многих людей), а оказанной им самой услуги — если он, быть может, ее оказывает — он, говоря о ней, право, не преувеличивает, но даже преуменьшает ее. Надо иметь в виду и следующее: если ты защищал состоятельного человека высокого положения, то чувство благодарности хранит он один или, пожалуй, его дети; но если ты защищал бедного, но порядочного и скромного, то все порядочные люди низкого положения, каких в народе много, видят в этом готовый для них оплот. (71) Поэтому, по моему мнению, обязывать своими благодеяниями честных людей лучше, чем обязывать богатых. Вообще надо стараться быть в силах удовлетворять нужды людей всякого состояния; но если придется сравнивать, то, несомненно, надо следовать примеру Фемистокла, который на вопрос, за кого предпочел бы он выдать дочь — за честного ли человека, но бедного или за не особенно порядочного, но богатого, ответил: "Я лично предпочел бы человека без денег деньгам без человека". Но нравы испортились и пали вследствие преклонения перед богатством¹²⁰. Какое значение имеют для каждого из нас большие размеры богатства? Они, быть может, помогают тому, кто богат. Даже это бывает не всегда; но допустим, что помогают. Такой человек, пожалуй, может удовлетворить свои желания, но как ему сделаться лучше в нравственном отношении? Даже если он будет честным человеком, его богатство все-таки не должно препятствовать ему принимать помощь, только бы оно ему в этом не помогало, и всякое наше суждение о каждом человеке должно быть основано не на том, сколь он состоятелен, но на том, каков он вообще. Последнее правило насчет оказания благодеяний и содействия гласит: не прилагать стараний ни вопреки справедливости, ни в поддержку противозакония; ведь основание для сохранения неизменно доброго имени и для доброй молвы — справедливость, без которой ничто не может быть похвальным.

(XXI, 72) Но так как о благодеяниях по отношению к отдельным лицам мы уже высказались, то теперь нам надо рассмотреть благодеяния по отношению к гражданам в совокупности и по отношению к государству. Одни из них таковы, что относятся к гражданам в совокупности; другие касаются отдельных лиц; последние даже более по сердцу людям. Вообще надо стараться, по возможности, заботиться и о тех и о других, причем об отдельных лицах не в меньшей степени, но так, чтобы это либо было на пользу государству, либо, по меньшей мере, не вредило ему. Так, щедрая раздача зерна Гаем Гракхом¹²¹ истощала эрарий; умеренная раздача, которую производил Марк Октавий¹²², была и терпима, и необходима плебсу; поэтому она была благодетельна и для граждан и для государства. (73) Человеку, который будет вести делами государства, прежде всего понадобится следить за тем, чтобы каждый гражданин владел своим имуществом и чтобы имущество частных лиц не подвергалось уменьшению в пользу государства. Пагубно поступил Филипп¹²³, в год своего трибуната предложив земельный закон; он, правда, легко согласился с тем, чтобы его отвергли, и проявил при этом большую умеренность, но во многих своих речах заискивал перед народом, а особенно дурным было его заявление, что "в государстве не найдется и двух тысяч человек, владеющих имуществом". Такая речь преступна, так как она направлена на уравнивание имущества, а возможно ли что-нибудь более пагубное? Ведь именно с той целью, чтобы каждый владел своим имуществом, главным образом и были основаны государства и гражданские общины. Ибо, хотя люди и собирались вместе, руководимые природой, все же именно в надежде на охрану своего достояния они и искали оплота в виде городов¹²⁴. (74) Надо стараться и о том, чтобы не приходилось вводить подати, — наши предки часто должны

были делать это ввиду скудности средств в эрарии и постоянных войн, — и весьма заблаговременно принимать меры к тому, чтобы этого не случилось. Если в каком-нибудь государстве возникнет необходимость в таком средстве (предпочитаю говорить именно так, а не предсказывать это нашему государству; впрочем, я теперь рассуждаю не о нашем, а о государстве вообще), то надо будет постараться, чтобы все поняли, что они, если хотят уцелеть, должны покориться необходимости. Также и все те, кто будет стоять у кормила государства, должны будут заботиться об изобилии всего необходимого для пропитания. О том, как все это обыкновенно собирают и собирать должны, рассуждать надобности нет. Ведь это очевидно; надо было только коснуться этого вопроса.

(75) Но при каждом исполнении государственной задачи и обязанности самое главное — избежать даже малейшего подозрения в алчности. "О, если бы, — сказал самнит Гай Понций, — судьба сохранила меня до тех времен и я родился тогда, когда римляне уже начали принимать дары! Не потерпел бы я их дальнейшего владычества"¹²⁵. Ему, право, пришлось бы ждать много веков; ведь зло это только недавно проникло в наше государство. Поэтому я вполне мирюсь с тем, что Понций жил именно тогда, раз он действительно был так могуществен. Не прошло и ста десяти лет, как Луций Писон предложил закон о вымогательстве¹²⁶, так как до этого времени такого закона не было. Но впоследствии было издано столько законов¹²⁷, причем каждый следующий был строже предыдущего, столько людей было предано суду, столько их было осуждено, такая тяжкая Италийская война¹²⁸ была вызвана страхом перед правосудием, так велико было ограбление и разорение союзников после уничтожения законов и правосудия, что мы сильны ввиду слабости других, а не благодаря своей собственной доблести.

(XXII, 76) Панэтий восхваляет Публия Африканского¹²⁹ за его воздержность. Почему бы Панэтию его и не восхвалять? Но он обладал и другими, более ценными качествами. Хвала за воздержность относится не только к нему, но также и к тем временам. Павел¹³⁰ захватил все огромные сокровища македонян; он привез в эрарий столько денег, что добыча одного императора позволила прекратить взимание податей; но к себе в дом он не привез ничего, кроме вечной памяти о своем имени. Подражая своему отцу, Публий Африканский ни на сколько не преумножил своего состояния, разрушив Карфаген. А Луций Муммий, его коллега по цензуре? Разве он разбогател, уничтожив до основания богатейший город?¹³¹ Он предпочел украсить Италию, а не свой дом; впрочем, после того как он украсил Италию, и дом его кажется мне более украшенным.

(77) Итак, — вернемся в своей речи к тому, от чего мы отклонились в сторону, — нет более отвратительного порока, чем алчность, особенно со стороны первых граждан и людей, стоящих у кормила государства. Ибо превратить государство в источник для стяжания не только позорно, но даже преступно и нечестиво. Поэтому Аполлон Пифийский в том оракуле, какой он дал, — что Спарта погибнет уже из-за одной своей алчности¹³², — по-видимому, предрек судьбу не одним только лакедемонянам, но и всем богатым народам. Людям, стоящим во главе государства, ничем другим не снискать доброжелательности народа легче, чем воздержностью и сдержанностью.

(78) Но те, кто себя считает сторонниками народа и поэтому либо поднимает земельный вопрос ради того, чтобы согнать владельцев с их земель¹³³, либо находит нужным, чтобы должникам были прощены их долги, расшатывают устои государства и прежде всего согласие¹³⁴, невозможное в тех случаях, когда у одних имущество отнимают, а другим его приносят в дар; затем они посягают на справедливость, которая полностью уничтожается, если никому нельзя иметь свое имущество. Ведь государству и городу свойственно, чтобы каждый свободно и без тревог охранял свое имущество. (79) И при этом падении государственного строя такие люди не снискивают даже благодарности; ибо тот, у кого имущество отняли, им

недруг; тот, кому оно было дано, даже скрывает, что хотел его получить; особенно в вопросе о долгах он прячет свою радость, дабы не казалось, что он был несостоятельным должником. Но тот, кто претерпел противозаконие, о нем помнит и не скрывает своего огорчения, и если те, кому имущество было дано неправильно, более многочисленны, чем те, у кого оно было противозаконно отнято, то первые по этой причине отнюдь не пользуются большим влиянием. Ведь о них судят не по числу, а по весу. С другой стороны, какая это справедливость, чтобы земель, которой ранее в течение многих лет и даже веков владели другие, располагал человек, никакой земель не располагавший, и, наоборот, чтобы тот, кто ею располагал, ее утратил?¹³⁵

(XXIII, 80) Из-за этого вида противозакония лакедемоняне изгнали эфора Лисандра и убили царя Агиса¹³⁶, чего в их государстве ранее не случалось никогда, и с того времени там начались столь сильные раздоры, что у них стали появляться тиранны, изгонялись оптиматы, а превосходно устроенное государство разваливалось. И оно не только пало само, но и погубило остальную Грецию вследствие заразности зол, которые, возникнув в Лакедемонне, распространились далее¹³⁷. А наши Гракхи, сыновья Тиберия Гракха, выдающегося мужа, и внуки Публия Африканского? Не погубила ли их борьба из-за земли? (81) Но вот Арата из Сикиона¹³⁸ прославляют по справедливости: он, — когда его городская община уже в течение пятидесяти лет была под властью тираннов, — отправившись из Аргоса в Сикион, овладел городом, тайно войдя в него; после того, как он убил тиранна Никокла, напав на него врасплох, он восстановил в правах сотни состоятельнейших людей, изгнанных из этого города, и приходом своим освободил государство. Но он понимал всю трудность положения, связанную с владением имуществом, так как считал совершенно несправедливым, чтобы те, кого он восстановил в правах и чьим имуществом уже успели завладеть другие люди, испытывали нужду, и так как находил не особенно справедливым лишать людей их владений пятидесятилетней давности, потому что в течение столь долгих лет люди, не совершая противозакония, многим владели по наследству, многим — в силу покупки, многим — как приданым. Поэтому он не признал возможным отнимать имущество у первых и удовлетворять притязания тех, кому оно принадлежало ранее. (82) И вот, так как он понял, что для установления порядка нужны деньги, то он сказал, что хочет съездить в Александрию, и велел оставить все без изменений до своего возвращения; сам он поспешил к гостеприимцу своему Птолемею, который тогда правил как второй царь после основания Александрии. Когда этот выдающийся муж рассказал царю, что хочет освободить отечество, и изложил ему суть дела, он с легкостью получил от богатого царя большую денежную помощь. Привезя эти деньги в Сикион, он ввел в свой совет пятнадцать видных граждан, вместе с которыми он рассмотрел дела и тех, кто владел чужим имуществом, и тех, кто утратил свое, и после оценки владений смог убедить одних, чтобы они предпочли получить деньги и оставили владения, а других, — чтобы они признали получение наличных денег, соответствующих стоимости имущества, для себя более выгодным, чем возврат имущества. Так было достигнуто, что после установления согласия все разошлись без каких бы то ни было нареканий. (83) О великий муж, достойный рождения в нашем государстве! Вот как надо поступать с гражданами, а не делать того, что мы видели уже дважды: водружать копьё на форуме и бросать имущество граждан под ноги глашатаю, чтобы он объявлял о его продаже¹³⁹. А этот грек (это было достойно мудрого и выдающегося мужа) нашел нужным позаботиться обо всех¹⁴⁰; наилучшее решение и мудрость честного гражданина в том и состоят, чтобы не вносить противоречий в интересы граждан и всех их сдерживать, обращаясь с ними одинаково справедливо. Чтобы они бесплатно жили в чужом доме? Почему же? Для того, чтобы, — хотя сам я купил, выстроил дом, слежу за ним, несу расходы, — ты против моей воли пользовался моим имуществом!¹⁴¹ Что это, как не отнимать у одних их имущество, а другим давать чужое? (84) А отмена долгов? Какова ее цель, что означает она, как не то, что на мои деньги ты купишь себе удовольствие, что у тебя оно будет, а у меня денег не будет? (XXIV) Поэтому надо заботиться о том, чтобы у людей не было долгов, что может повредить государству; это возможно предотвратить многими способами, но не тем, чтобы — если долги будут — состоятельные люди теряли свое

имущество, а должники приобретали чужое. Ведь государство больше, чем на чем бы то ни было, держится на кредите, который совершенно не будет возможен, если уплата денег, взятых взаймы, не будет обязательна. Никогда еще не было совершено более решительных действий в пользу неуплаты долгов, чем те, что были совершены в год моего консулата. Люди разного рода и звания пытались разрешить этот вопрос оружием и военными действиями; я оказал им такое противодействие, что все это зло было в государстве уничтожено¹⁴². Никогда еще не было более значительных долгов, и никогда не были они уплачены лучше и легче; ибо утрата надежды обмануть повлекла за собою необходимость уплатить. Но тогдашний победитель, в прошлом побежденный¹⁴³, задуманное им тогда, когда оно касалось его интересов, завершил тогда, когда оно их уже не касалось. Страсть совершать зло была в нем так велика, что уже одно это услаждало его, даже если совершать зло у него не было оснований.

(85) Итак, от раздач такого рода, когда одним дают, а у других отнимают, будут далеки те, кто будет оберегать интересы государства и прежде всего постарается о том, чтобы каждый, благодаря равноправию и правосудию, владел своим имуществом, чтобы более бедные люди, из-за своего приниженного положения, не страдали от обмана и чтобы состоятельным ненависть не препятствовала ни владеть их имуществом, ни возвращать его себе; кроме того, они всеми средствами, какими только смогут, как во времена войны, так и в мирные, должны будут возвеличивать государство в его могуществе, протяженности, доходах. Вот дела великих людей, вот что происходило во времена наших предков; те, кто исполняет эти виды обязанностей с вящей пользой для государства, заслужат большую благодарность и славу.

(86) Однако, по мнению стоика Антипатра Тирского¹⁴⁴, недавно умершего в Афинах, Панэтий из числа этих наставлений насчет пользы пропустил два: заботу о своем здоровье и об имуществе. По моему мнению, выдающийся философ пропустил их потому, что следовать им легко; они, несомненно, полезны. Но здоровье люди сохраняют благодаря тому, что знают себя и наблюдают за тем, что им приносит пользу и что им вредит, как и благодаря воздержности в пище и образе жизни, стараясь оберегать свое тело, отказываясь от наслаждений, наконец, благодаря искусству тех, к чьей области знаний все это относится. (87) Что касается имущества, то его следует приобретать только честным путем, сохранять заботливостью и бережливостью и таким же образом преумножать. Все это подробнее рассмотрел Ксенофонт, ученик Сократа, в своей книге под названием "Домострой"¹⁴⁵, которую я приблизительно в твоём возрасте перевел с греческого языка на латинский. Но обо всем этом — о зарабатывании денег, о помещении их, как и об их использовании, кое-кто из честнейших людей, сидящих под сводом Яна¹⁴⁶, рассуждает лучше, чем любой философ в любой школе. Все это, однако, надо знать; ведь это относится к пользе, о которой мы рассуждаем в этой книге.

(XXV, 88) Но сравнивать полезные вещи (ведь это и есть четвертое положение, пропущенное Панэтием) часто необходимо. Ибо обыкновенно сравнивают и блага для тела с внешними благами, и внешние блага — с благами для тела, и блага для тела — между ними, и внешние блага с внешними. Сравнивая внешние блага с благами для тела, здоровье предпочитают богатству; сравнивая блага для тела с внешними, предпочитают быть богатым, а не обладать величайшей физической силой; сравнивая блага для тела одни с другими, хорошее здоровье ставят выше наслаждения, силы — выше быстроты, а из числа внешних благ славу — выше богатства, доходы от городских владений — выше доходов от сельских. (89) К этому виду сравнений относится и знаменитое сравнение, принадлежащее старику Катону; когда его спросили, что именно самое выгодное для ведения хозяйства, он ответил: "Хорошо разводить скот"; что на втором месте, — "достаточно хорошо разводить скот"; что на третьем месте, — "разводить скот дурно"; что на четвертом месте, — "пахать землю"¹⁴⁷. А когда спрашивавший сказал: "А отдавать деньги в рост?"¹⁴⁸, — то Катон спросил: "А убить

человека?" Из этого и из многого другого мы должны понять, что полезные вещи сравнивают часто, и что это четвертое положение, касающееся вопроса об обязанностях, прибавили правильно. (90) Перейдем теперь к тому, что нам остается рассмотреть.

ПРИМЕЧАНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ. Книга II

1. ...когда надо всем властвовал один человек... — т.е. Цезарь. Ср. I, 26; "О природе богов", I, 7; выше имеются в виду свободно избиравшиеся магистраты.
2. ...лишившись своих союзников... величайших мужей. — Имеются в виду Квинт Лутаций Катул сын, Гай Кальпурний Писон, Луций и Марк Лицинии Лукуллы, Помпей и др. Ср. Цицерон, II, филиппика, 12; письмо к близким, IV, 13, 2 (478).
3. О, если бы государство было в таком положении, какое в нем возникало... — Т.е. после убийства Цезаря. Далее имеются в виду Марк Антоний и его сторонники.
4. ...мои сочинения, относящиеся к выступлениям в суде и в сенате. — Свои судебные и политические речи Цицерон, после их литературной обработки, выпускал в свет в виде брошюр. Таковы его "речи", дошедшие до нас. Выше говорится о философских сочинениях.
5. Ср. Цицерон, "О государстве", I, 7; "Тускуланские беседы", V, 5; "О роке", 2.
6. Ср. Цицерон, "Учение академиков", I, 11; II, 5 сл.; "О пределах добра и зла", I, 1 сл., "Тускуланские беседы", I, 1 сл.; II, 1 сл.; "О природе богов", I, 6 сл.; "О предвидении", II, 1 сл.
7. ...я сделал это в своей другой книге... — В сочинении "Гортенсий"; от него до нас дошли фрагменты.
8. ...слышать вопросы... со стороны ученых и образованных людей... — Имеются в виду представители Новой Академии. См. "Учение академиков", II, 104.
9. См. "Учение академиков", II.
10. ...подобен создателям этих прославленных учений... — Аристотель и Теофраст; имеется в виду учение перипатетиков. Ср. I, 1 сл.; "О предвидении", I, 1.
11. Ср. Цицерон, "О пределах добра и зла", II, 71. Выше имеются в виду сократики и стоики.
12. Ср. Цицерон, "О законах", I, 23 сл.
13. См. Платон, "Государство", I, 378 В-С; Сенека, Письма, 95, 45.
14. ...железа, меди, золота, серебра, глубоко скрытых. — Цитата из неизвестной трагедии, фр. 154 Риббек². Ср. Цицерон, "О природе богов", II, 151.
15. Прибавь к этому водопроводы... — В более древнее время воду проводили в Рим по подземным каналам. Она собиралась в больших резервуарах (castella), из которых поступала в меньшие, а из них — в городские бассейны (lacus), фонтаны, бани и частные дома. Для этого применялись свинцовые или глиняные трубы. Для подведения воды в Рим возводились сооружения на арках. Древнейшим водопроводом был Аппиев (Aqua Appia, 312 г.). Постройкой водопроводов и надзором за ними ведали цензоры.
16. Кир Старший — основатель персидского царства, умер в 529 г.
17. Агесилай — царь Спарты (398-360).
18. Дикеарх Мессанский — ученик Аристотеля, автор трудов по философии, истории и географии. Цицерон высоко ценил его. См. "Тускуланские беседы", I, 77; письма к Аттику, II, 2, 2 (28); 12, 4 (37); 16, 3 (43); VI, 2, 3 (257); VII, 3, 1 (293); XIII, 32, 2 (614).
19. ...Причины этой гибели, как наводнения, моровые болезни, скитания в пустынных местностях... — Например, гибель солдат Александра Македонского в Гедросии, солдат Камбиза в пустынях Африки. См. Цицерон, речь о консульских провинциях, 5.
20. Ср. Аристотель, "Никомахова этика", II, 5, 2; Цицерон, "Тускуланские беседы", III, 7; IV, 10 сл.
21. ...недавно подверглись три войска... — Имеются в виду поражения, нанесенные Цезарем Помпею и помпеянкам: под Фарсалом (48 г.), под Тапсом (46 г.), под Мундой (45 г.). См. Светоний, "Божественный Юлий", 35 сл.
22. О термине "император" см. "О старости", прим. 156.

23. ...*поражение, какое потерпел... замечательный муж...* — т.е. Помпей под Фарсалом. См. прим. 110 к кн. I.
24. ...*цари или вожаки народа сулят какие-то раздачи...* — Возможно, намек на закон Клодия о выдаче зерна народу (58 г.) или на земельные законы Публия Сервилия Рулла (63 г.) или Цезаря (59 г.), на отмену долгов, бои гладиаторов. См. *Цицерон*, речи о земельном законе; письма к Аттику, II, 5, 2 (42); 16, 2 (43); 17, 1, (44); 18, 2 (45); 19, 2 (46); VII, 7, 6 (297).
25. ...*нанятые за плату*. — Имеются в виду отряды гладиаторов, составленные Публием Клодием и, для борьбы с ними, — Титом Аннием Милоном (57-52 гг.) или на старания Марка Антония привлечь на свою сторону ветеранов Цезаря (44 г.).
26. *Энний*, "Фиест" (?), фр. 402 Фален². Ср. I, 97; *Сенека*, "О гневе", II, 11, 3.
27. *Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу...* — Намек на убийство Цезаря. *Тиранн* — Цезарь. См. ниже, 26. Ср. "О дружбе", прим. 90.
28. ... *в связи с безмолвными суждениями...* — Это происходило в суде или в театре при появлении лица, неугодного народу. Ср. *Цицерон*, речь в защиту Сестия, 117 сл.; письмо к Аттику, II, 19, 3 (46); *Светоний*, "Божественный Юлий", 80.
29. О законах о *тайном голосовании* (leges tabellariae) см. "О дружбе", прим. 78.
30. Ср. *Цицерон*, филиппики: I, 29; 33; 35; II, 64; 112; 114 сл.; V, 49 сл.
31. *Дионисий Старший* — сиракузский тиранн (405-367). Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", V, 58; *Валерий Максим*, IX, 13, 4.
32. *Александр* — тиранн в *Ферах* (Фессалия), преемник тиранна Ясона. См. выше, I, 108; *Плутарх*, "Пелопид", XXIX.
33. *Фаларид* — тиранн Агригента (570-554), велел изваять полого медного быка, в котором заживо сжигали людей, разводя под ним костер. См. ниже, III, 29; "О государстве", I, 44; "Тускуланские беседы", II, 17; V, 75. Речь против Верреса, (II) IV, 73; письмо к Аттику, VII, 20, 2 (317); *Овидий*, "Тристии", III, 11, 39; *Валерий Максим*, III, 3, 2.
34. Имеется в виду *Деметрий Полиоркет*, царь Македонии с 294 г.; в 305 г. при осаде Родоса он применил осадные машины; отсюда его прозвание "Полиоркет", осаждающий города; когда он в 287 г. отправился в Азию в поход против Лисимаха, в Македонию вторгся царь *Пирр*.
35. См. выше I, 6 и прим. 84. Ср. *Исократ*, речь о мире, 100.
36. См. выше, I, 35.
37. Ср. выше, I, 43; речь в защиту Секста Росция, 16; 136; VIII филиппика, 7; *Саллюстий*, "Катилина", IX.
38. ...*что он продает свою военную добычу*. — После своей победы в гражданской войне Сулла в 82 г. подверг проскрипции около 40 сенаторов и 1600 римских всадников и разместил около 120 000 своих солдат на землях своих бывших противников. См. ниже, 83, речь против Верреса, (II) III, 81; I речь о земельном законе, 6; II речь о земельном законе, 56; II филиппика, 64; 103; IV фил., 2; VIII фил., 9. *Аппиан*, "Гражданские войны", I, 95; 100; 104. *Водружение копы* — символ продажи военной добычи.
39. ...*захватывал целые провинции...* — Имеется в виду Цезарь, во время своей диктатуры раздававший земли в Кампании своим ветеранам и назначавший наместников в провинции; последнее было нарушением прав сената.
40. *Массилия* (н. Марсель) — была союзным городом и оставалась верна Риму во время пунических и галльских войн. Во время гражданской войны Массилия встала на сторону Помпея и была взята Цезарем после осады. Он лишил ее территории и справил триумф, во время которого несли ее изображение. Триумф после победы над союзным городом не допускался; поэтому Цицерон и говорит, что римский народ утратил свое *владычество*. Ср. *Цицерон*, VIII филиппика, 18; *Цезарь*, "Гражданская война", II, 1 сл. О триумфе см. "О старости", прим. 29.
41. Ср. *Цицерон*, XIV филиппика, 27, конец.
42. ...*от которого имущество унаследовали немногие люди...* — Наследниками Цезаря были Гай Октавий (три четверти имущества), Луций Пинарий и Квинт Педий (по одной восьмой). См. *Светоний*, "Божественный Юлий", 83.

43. *Публий Корнелий Сулла* — родственник Луция Суллы, в 82 г. участвовал в продаже имущества проскриптов. Он был избран в консулы на 65 г., но избрание было кассировано, и он был привлечен к суду за подкуп избирателей. В 46 г., после победы Цезаря в гражданской войне, Сулла снова скупал имущество проскриптов. См. *Цицерон*, речь в защиту П. Суллы; письма: К Аттику, IV, 3, 3 (92); 18, 3 (152); XI, 21, 2 (444); 22, 2 (445); К брату Квинту, III, 3, 2 (149); К близким, IX, 10, 3 (535); 15, 5 (494); XV, 17, 2 (541); 19, 3 (545); *Цезарь*, "Гражданская война", III, 51.
44. ...*был городским квестором*. — Очевидно, вольноотпущенник Луция Суллы. Цезарь ("вторая диктатура") довел число квесторов до 40. Ср. *Цицерон*, VIII филиппика, 9.
45. ...*государство мы утратили полностью*. — См. стр. 182, прим. 4.
46. ...*идет речь в двух моих книгах*... — Этот труд Цицерона, написанный, по-видимому, в июле 44 г., утрачен. Он был известен Петрарке (1304-1374). См. *Цицерон*, письмо к Аттику, XI, 27, 2 (765).
47. Ср. *Цицерон*, речь по поводу возвращения Марцелла, 25 сл.; "Тускуланские беседы", III, 3.
48. Ср. выше, I, 42 сл.; ниже, 52 сл.
49. ...*доблестях, связанных с мягкостью нрава и доступностью*. — Это умеренность, воздержность, справедливость.
50. Ср. *Цицерон*. "О пределах добра и зла", V, 66; "Тускуланские беседы", II, 32; III, 14, сл.; "Учение академиков", I, 38.
51. ...*ни себе, ни другому*... — поговорка. Ср. *Плавт*, "Хвастливый воин", 702.
52. ...*испытание огнем*. — Поговорка. Ср. *Цицерон*, письмо к близким, IX, 16, 2 (470); *Овидий*, "Тристии", I, 5, 25; *Платон*, "Государство", VI, 503 А.
53. *Архипират* — главарь пиратов. Ср. *Цицерон*, речь против Верреса, (II) V, 64 сл.
54. *Бардулис* — иллирийский царь; Цицерон называет его разбойником, так как он вел партизанскую войну. См. *Диодор*, XVI, 4.
55. *Феопомп* Хиосский (IV в.) — ученик Исократа, написал историю Греции. См. *Цицерон*, письмо к Аттику, II, 6, 2 (33); *Авл Геллий*, X, 18.
56. *Вириат* — успешно действовал в Испании в 148-146 гг. против римских войск, во главе которых стоял консул Квинт Фабий Максим Эмилиан.
57. См. *Геродот*, "История", I, 96. — Геродот Галикарнасский (484-424) — автор истории в 9 книгах, по числу муз; "отец истории".
58. Ср. *Цицерон*, "О государстве", II, 24; "О законах", III, 4.
59. Цицерон неоднократно касается истории человеческого общества. Ср. выше, I, 157; "О подборе материала", I, 2 сл.; "О государстве", I, 40; речь в защиту Сестия, 91 сл.
- 59а. ...*со всеми людьми всегда говорили одним и тем же языком*. — Имеются в виду законы Двенадцати Таблиц. См. выше, I, 37; ниже, III, 61; 117.
60. См. выше, I, 65; *Ксенофонт*, "Меморабилии", I, 7, 1 сл.; II, 39; *Валерий Максим*, VII, 2 ext., 1.
61. *Тиберий Семпроний Гракх* — консул 177 и 163 гг. См. "О дружбе", прим. 65 и 144.
62. См. I, 20 сл.
63. ...*воинскими подвигами*. — Молодые римские граждане начинали карьеру с военной службы. Бог войны Марс считался покровителем юношества.
64. *Твое поколение было современником войны*... — Имеется в виду гражданская война 49-45 гг. Первая сторона — Цезарь, вторая — сенат и Помпей.
65. ...*начальником отряда конницы*... — ala — эскадрон (300 всадников), составленный из числа союзных вспомогательных войск; им обыкновенно командовал один из молодых людей из числа "спутников" полководца (comites, contubernales imperatoris).
66. *Публий Муций Сцевола* — плебейский трибун 141 г., консул 133 г., верховный понтифик. См. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 52; 234; "О государстве", I, 20; 31; "О законах", II, 47; 50; 52; 57.
67. О *Публии Рутилии Руфе* см. "О дружбе", прим. 145.
68. *Луций Лициний Красс* (см. прим. 149 к кн. I) в возрасте 21 года привлек к суду Гая Папирия Карбона, бывшего сторонника Гракхов; чтобы избежать обвинительного приговора,

- Карбон покончил с собой. См. *Цицерон*, "Брут", 103; 159; "Об ораторе", I, 40; III, 74; письмо к близким, IX, 21, 3 (496). См. также "О дружбе", прим. 106.
69. Ср. выше, I, 132.
70. Возможно, речь идет о *письмах*, которые сочинялись в школах у риторов. По свидетельству Свида, существовало две книги писем *Антипатра*, которого *Александр Великий* в 334 г. назначил правителем Македонии. Кассандр был сыном Антипатра. *Антигон* — полководец Александра; после его смерти в 323 г. был одним из лиц, разделивших между собой его державу (диадохи). Был убит в 301 г. в войне за раздел державы Александра Великого: отец Деметрия Полиоркета и *Филиппа*.
71. *Марк Антоний* (143-87) — консул 99 г., оратор: был убит марианцами: отец Гая Антония, консула 63 г.
72. О *Публии Сульпиции Руфе* см. "О дружбе", прим. 5. В 94 г. он привлек *Гая Норбана* к суду в связи с волнениями во время его трибуната 95 г. Норбана защищал Марк Антоний; он был оправдан.
73. Луций и Марк Лицинии *Лукуллы* привлекли к суду авгура Сервилия в отместку за то, что он обвинил их отца в хищениях. О Луции см. I, 140. Марк был усыновлен Марком Теренцием Варроном и стал именоваться Марком Теренцием Варроном Лукуллом Лицинианом.
74. ...*как я поступил ради сицилийцев*... — Цицерон имеет в виду дело бывшего наместника Сицилии Гая Верреса. См. речи против Верреса; "Брут", 319.
75. Гай *Юлий Цезарь Страбон* Вописк обвинил Тита *Альбуция* бывшего пропретора Сардинии (133 г.), в подкупе избирателей. См. I, 108; речи: Дивинация против Цецилия, 63; О консульских провинциях, 15; В защиту Скавра, 40; Против Писона, 92. *Альбуций* удалился в изгнание в Афины.
76. *Луций Фуфий* в 98 г. обвинил *Манья Аквилы*, бывшего консула 101 г., в лихоимстве. Аквилы успешно защищал Марк Антоний. В 100 г. Аквилы подавил восстание рабов в Сицилии. В 88 г. Аквилы был захвачен и казнен Митридатом Понтийским. См. *Цицерон*, "Брут", 222; "Об ораторе", II, 124; 194; речи: Против Верреса, (II) V, 3; В защиту Флакка, 39.
77. *Гражданские права*, *сарт* — совокупность римского гражданина.
78. ...*позорно для его доброго имени*. — Злостное обвинение (*kalumnia*) преследовалось на основании Реммиева закона; наказание: клеймение лба буквой "K". Ср. *Цицерон*, речь в защиту Секста Росция, 55.
79. *Марк Брут*, прозванный обвинителем. Его отец был известным правоведом. Ср. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 224; 226; "Брут", 130; речи: В защиту Клуенция, 140 сл.; В защиту Фонтя, 13.
80. В 80 г., когда Цицерону шел 27-й год, он защищал *Секста Росция*, который по проискам Хрисогона, вольноотпущенника и приближенного Суллы, был обвинен в убийстве отца. Целью обвинения было завладеть большим состоянием Росция-отца.
81. См. выше, I, 90; *Валерий Максим*, VII, 2, ext, 10.
82. Намек на Суллу, Цезаря, Марка Антония. См. выше, I, 43.
83. См. *Аристотель*, "Никомахова этика", II, 7, 4 сл.; IV, 1 сл.
84. *Пирушки* — угощения для народа; *мясо* раздавалось в сыром или вареном виде; *игры* — состязания в цирке (бега или скачки, *ludi circenses*) или представления в театре; *травля диких зверей* происходила вначале на форуме, впоследствии в амфитеатрах.
85. ...*берет на себя долги друзей*... — По законам Двенадцати Таблиц, заимодавец был вправе лишить несостоятельного должника свободы, наложить на него оковы и заставить его отработать свой долг, продать его в рабство ("за Тибр") и даже казнить. Долговое обязательство заключалось *per aes et libram* (см. "О старости", прим. 90); несостоятельный должник становился *pexus* (взятый в кабалу). *Нехит* было запрещено Петелиевым-Папириевым законом в 326 г.
- 85а. О Феофрасте см. выше, I, 3.
86. *Мина* — аттическая серебряная монета. *Секстарий* — около 0,5 литра.
87. *Публий Лициний Красс Муциан Богатый* — консул 98 г. [П. Лициний Красс, консул 98 г., до н.э. не носил когномена "Муциан"; так звали П. Лициния Красса, консула 131 г. до н.э. —

- Прим. О. Любимовой.]; покончил с собой в 87 г. во время гражданской войны, при вступлении Гая Мария в Рим.
88. О *Луции Крассе* см. I, 116 и прим. 149. О *Квинте Муции* см. I, 116 и прим. 175. Курульные эдилы 103 г.
89. *Гай Клавдий Пульхр* — курульный эдил 99 г.; первый украсил сцену картинами, а во время игр показал народу слонов. См. *Валерий Максим*, II, 4, 6.
90. О курульных эдilah Луции и Марке Лициниях *Лукуллах* см. выше, I, 140 и прим. 202; II, 50 и прим. 73. При играх они выставили быков против слонов. См. *Плиний*, "Естественная история", VIII, 19; IX, 170.
91. Квинт *Гортенсий Гортал* (114-50) — курульный эдил 95 г. [75 г. (См. Цицерон, "Брут", 318) — Прим. О. Любимовой.], консул 69 г., знаменитый оратор, защитник Верреса в 70 г.; в ряде процессов Цицерон выступал вместе с ним как защитник. См. III, 73; "Брут", 228 сл.; 301 сл.; 317 сл.; речи: Против Верреса, I, 33; (II) I, 24 сл.; 99; 151; II, 24; 76; III, 6 сл.; 42; 70; 182; V, 2; 22; В защиту Рабирия, 18; В защиту Флакка, 41; В защиту Сестия, 3.
92. Децим Юний *Силан* — консул 62 г.
93. *Публий Корнелий Лентул Спинтер* — консул 57 г., способствовал возвращению Цицерона из изгнания. Он устроил над театром матерчатую кровлю. См. *Валерий Максим*, II, 4, 6; *Плиний*, "Естественная история", IX, 137.
94. О Марке Эмилии *Скавре* см. выше, I, 138 и прим. 199.
95. *Помпей* — построил и открыл в 55 г. великолепный каменный театр на 40 000 мест и дал игры и бои гладиаторов; было показано 410 пантер, 20 слонов и 600 львов. См. ниже, 60; речь против Писона, 65; письмо к близким, VII, 1, 2 (127); *Дион Кассий*, XXXIX, 38.
96. *Мамерк Эмилий Лепид Ливиан* был в 77 г. консулом вместе с Децимом Юнием Брутом.
97. ...устроить игры нужно, но в меру своих средств, как поступил я... Цицерон был курульным эдилом в 69 г. См. речь против Верреса, (II), V, 36.
98. Гней Авфидий *Орест* — консул 71 г. Обычай жертвовать Геркулесу десятую часть дохода от какого-либо начинания перешел в обычай устраивать угощения для народа и раздавать ему мясо.
99. *Марк Сей* — римский всадник, друг Цицерона и Аттика; в 74 г. как эдил снабжал народ зерном по низкой цене; впоследствии был осужден. См. *Цицерон*, речь в защиту Планция, 12.
100. Тит Анний *Милон* — плебейский трибун 57 г., был одним из сторонников возвращения Цицерона из изгнания. Милон, как и плебейский трибун 58 г. *Публий Клодий*, располагал отрядом гладиаторов; в 52 г., в одной из стычек, Клодий был ими убит. См. *Цицерон*, речи: По возвращении из изгнания; Об ответе гаруспиков; В защиту Сестия; В защиту Милона.
101. О *Луции Марции Филиппе* см. I, 108 и прим. 150. Его отец, Квинт Марций Филипп, был консулом в 186 и 169 гг. [Вероятно, дед, а не отец: согласно консульским спискам, Л. Марций Филипп, консул 91 г. — сын Квинта и внук Квинта; а Кв. Марций Филипп, консул 186 и 169 гг. — сын Луция. — Прим. О. Любимовой.]
102. Гай Аврелий *Котта* — консул 75 г., был выведен Цицероном как участник диалогов "Об ораторе" и "О природе богов". См. "Брут", 201 сл.
103. Гай Скрибоний *Курион* — консул 76 г., в 61 г. защищал Публия Клодия в суде по обвинению в кощунстве, совершенном им в 62 г. в доме претора Цезаря во время жертвоприношения Доброй богине. См. *Цицерон*, речи: О доме, 77; Об ответе гаруспиков, 8; письма к Аттику, I, 12, 3 (17): 13, 3 (19); 14, 5 (20); 16, 1 сл. (22); к близким, I, 9, 15 (159).
104. ...был избран... в свой год... — О возрастном цензе для занятия магистратур см. "О дружбе", прим. 22. Ср. *Цицерон*, речь против Писона, 2 сл.
105. К театру Помпея (см. прим. 95) примыкали храм Победы, храм Венеры и портики для прогулок. См. *Гораций*, Оды, I, 20, 3 сл.; *Марциал*, Эпиграммы, VI, 21, 6.
106. О *Перикле* см. выше, I, 108, и прим. 155. *Пропилеи* — знаменитый портик, вход в афинский Акрополь. См. *Фукидид*, II, 13, 31; *Плутарх*, "Перикл", XII сл. О *Деметрии* см. прим. 5 к кн. I.
107. ...Я подробно рассмотрел в своих книгах "О государстве". — Возможно, в утраченной V книге диалога "О государстве".

108. *Энний*, неизвестная трагедия, фр. 409 Фален². Ср. *Плавт*, "Пуниец", 633 сл.
109. ...*наше сословие* — сенаторское, в которое Цицерон перешел из всаднического после своей квестуры.
110. О Луции Лицинии *Крассе* см. выше, I, 108. Возможно, имеется в виду его речь в защиту законопроекта Квинта Сервилия Цепиона о возвращении судебной власти сенаторам (106 г.)
111. ...*владельцам смежных земель*... — По законам Двенадцати Таблиц, между смежными владениями должна была проходить полоса земли шириной в 5-6 футов (*confinium*), считавшаяся общей; право давности (*usucapio*) на нее не распространялось.
112. *Феофраст по справедливости высказал хвалу гостеприимству*. — Возможно, в сочинении "О богатстве"; см. выше, 56.
113. *Кимон* (род. в 504 г.) — сын Мильтиада, был афинским стратегом и одержал ряд побед над персами; в 461 г. был изгнан демократической партией; по возвращении из изгнания снова руководил военными действиями против персов. См. *Плутарх*, "Кимон", X; "Перикл", IX. Здесь речь идет о жителях дема. В Аттике было 12 фил, делившихся на 174 дема.
114. Ср. речь в защиту Мурены, 22. Цицерон, возможно, имеет в виду деятельность правоведа и выступления в суде; брать вознаграждение за эту помощь воспрещалось Цинциевым законом 202 г.
115. ...*произошло это, ... когда был жив человек*... — Имеется в виду правовед Сервий Сульпиций Руф, консул 51 г.; он умер в 43 г. на пути в Мутину, направляясь для переговоров с Марком Антонием. См. *Цицерон*, "Брут", 150 сл.; "О законах", I, 17; речи: В защиту Мурены, 7 сл.; IX филиппика; письма к близким, IV, 1 (355); 2 (386); 3 (480); 5 (560); 6 (579); 12 (493).
116. О значении, какое в Риме придавалось *красноречию*, см. *Цицерон*, "Брут", 58 сл.; "Об ораторе", I, 12 сл.
117. См. "Брут", 21; 157, 331 сл.
118. ...*испрашивая для них милости*... — т.е. должности; на одни из них избирал народ, т.е. комиции; на другие назначали консулы.
119. *Кто-то метко сказал* — сам Цицерон. Ср. речи: К квиридам по возвращении из изгнания, 23; В защиту Планция, 68.
120. Ср. *Саллюстий*, "Катилина", 10-13.
121. ...*щедрая раздача зерна*... — Имеется в виду Семпрониев закон (*Гай Гракх*, 123 г.) о ежемесячной выдаче каждому римскому гражданину зерна по цене в 6,5 ассов за модий. Ср. *Цицерон*, "Брут", 222; "Тускуланские беседы", III, 48; речи: В защиту Фонтея, 39; В защиту Сестия, 103.
122. После падения Гая Гракха его закон о выдаче зерна не был отменен сразу. В 120 (?) г. плебейский трибун *Марк Октавий* провел плебисцит, изменивший Семпрониев закон и повысивший стоимость выдаваемого зерна.
123. Луций Марций *Филлипп* — плебейский трибун 104 г. Его законопроект, возможно, подготовил почву для движения Луция Аппулея Сатурнина в пользу издания земельного закона. Ср. I, 108; II, 59; III, 87; "Об ораторе", I, 24.
124. Ср. выше, I, 157 сл.: "О государстве", I, 40, речь: В защиту Сестия, 91.
125. Ср. "О старости", 41; "О государстве", III, 40. *Гай Понций* — *самнитский* полководец, в 321 г. нанеший римлянам поражение в Кавдинском ущелье; в 292 г. был разбит консулом Квинтом Фабием Максимом и казнен после его триумфа.
126. Закон об учреждении постоянного суда по делам о *вымогательстве* (*quaestio perpetua de repetundis*), проведенный в 149 г. плебейским трибуном *Луцием* Кальпурнием *Писоном* Фруги и направленный против злоупотреблений римских наместников в провинциях. См. *Цицерон*, "Брут", 106.
127. ...*было издано столько законов*... — Ацилиев закон 123 г., Сервилиев закон 108 г., Корнелиев закон 81 г., Юлиев закон 59 г.
128. *Италийская война* (Союзническая, или Марсийская), 90-88 гг. См. выше, I, 108 и прим. 152.
129. *Публий Сципион Африканский Младший*, см. стр. 185; I, 76; 116.

130. Луций Эмилий Павел Македонский — консул 182 и 168 гг. См. "О старости", прим. 38; *Веллей Патеркул*, I, 9, 6.
131. ...уничтожив до основания богатейший город. — Коринф, взятый и разрушенный римлянами в 146 г. Ср. I, 35; "О природе богов", III, 91.
132. См. *Плутарх*, "Агис", IX; *Диодор Сицилийский*, VII, 14, 5.
133. ...согнать владельцев с их земель... — Possessores — лица, получившие от казны целинные или пришедшие в запустение земли в бессрочное пользование (ager occupatorius); см. прим. 25 к кн. I. Сулла, придя к власти в 82 г., роздал многим своим сторонникам, в частности солдатам, земельные участки, ранее принадлежавшие его противникам. Так возникло выражение "Sullani possessores" ("владельцы милостью Суллы"). См. *Цицерон*, речи о земельном законе: I, 15; II, 98.
134. Concordia ordinum — согласие между сенаторским и всадническим сословиями; достижение и сохранение этого согласия Цицерон считал одной из задач своего консулата. Согласие было поколеблено непримиримым отношением сената к ходатайству откупщиков (римских всадников) об уменьшении платы за откупы в провинции Азии (61 г.). См. *Цицерон*, речи: В защиту Клуенция, 152; III речь о земельном законе, 4; В защиту Мурены, 62; 78; письма к Аттику, I, 17, 9 сл. (23); 18, 7 (24); II, 1, 8 (27); 16, 2, 4 (43).
135. По-видимому, имеется в виду земельная реформа Тиберия Гракха (133 г.). Ср. *Цицерон*, II речь о земельном законе, 57.
136. Спартанский царь Агис IV и эфор Лисандр предложили отменить долги, распределить земли и принимать чужеземцев в городскую общину. Эти предложения были отвергнуты, Лисандр был предан суду; Агис был убит (241 г.). См. *Плутарх*, "Агис"; "Клеомен".
137. В 222 г. спартанский царь Клеомен III был разбит македонским царем Антигоном Дисоном. В 197 г. Тит Квинкий Фламинин одержал победу над македонянами под Киноскефалами и от имени Рима провозгласил свободу Греции. В 171 г. македонский царь Персей восстал против Рима, но был разбит под Пидной в 168 г. В 148 г. Македония стала римской провинцией. В 147 г. ахейцы восстали против Рима; они были разбиты Луцием Муммием в 146 г., и Греция стала римской провинцией.
138. Арат добился вступления Сикиона в Ахейский союз и в 245 г. был избран его главой. Он заключил союз с македонскими царями Антигоном Дисоном, а затем с Филиппом V, направленный против этолян, но был отравлен Филиппом, добивавшимся владычества над Грецией. См. *Плутарх*, "Арат".
139. ...бросать имущество граждан под ноги глашатаю, чтобы он объявлял о его продаже. — Это произошло во время диктатуры Суллы и снова во время диктатуры Цезаря, после победы последнего над помпеянами. См. выше, 27; 29.
140. Ср. выше, I, 85 сл.
141. ...чтобы ты против моей воли пользовался моим имуществом! — В 48 г. претор Марк Целий Руф предложил отменить задолженность по квартирной плате; несмотря на волнения в Риме, предложение это не было принято. В 47 г. было отвергнуто такое же предложение плебейского трибуна Публия Корнелия Долабеллы. Цезарь предоставил годичную отсрочку по квартирной плате. См. *Цезарь*, "Гражданская война", III, 21; *Кассий Дион*, XLII, 22; 51.
142. ...все это зло было в государстве уничтожено. — Имеется в виду движение Катилины. См. *Цицерон*, II речь против Катилины, 18; *Саллюстий*, "Катилина", 49.
143. ...победитель, в прошлом побежденный... — Намек на двойственную роль Цезаря во время движения Катилины и на его личную заинтересованность в отмене долгов. В 63 г. задолженность Цезаря дошла до 23 миллионов сестерциев. См. *Цезарь*, "Гражданская война", III, 1; 22 сл.; *Светоний*, "Божественный Юлий", 38; 42; *Цицерон*, письмо к Аттику, X, 8, 2 (488).
144. Антипатр Тирский — друг Марка Порция Катона Утического, умер в Афинах незадолго до появления трактата Цицерона "Об обязанностях".
145. "Домострой" (Oeconomicus) — диалог Ксенофонта, в котором описывается жизнь богатого землевладельца.

146. *Ян* — древнее римское божество, изображавшееся двуликим. Ему был посвящен *сводчатый проход* на форум, называвшийся *Ianus medius*. Около него были лавки менял. См. *Цицерон*, VI филиппика, 5; *Овидий*, "Лекарства от любви", 561; *Гораций*, Сатиры, II, 3, 18.
147. Высказывания Катона Старшего о скотоводстве подтверждаются Колумеллой ("О сельском хозяйстве", VI, введение, 4) и Плинием Старшим ("Естеств. история", XVIII, 29).
148. "*А отдавать деньги в рост*"? — По законам Двенадцати Таблиц, ставка по займам не должна была превышать 12% годовых, но это нарушалось, и в провинциях ставка доходила до 48% годовых. См. *Цицерон*, письма к Аттику, V, 21, 11 сл. (249); VI, 1, 3 сл. (251); 2, 7 сл. (257).

Книга III

[Октябрь — декабрь 44 г.]

(I, 1) Публий Сципион, сын мой Марк, — тот, которого первого прозвали Африканским, говаривал (так о нем написал Катон, бывший почти ровесником его), что он никогда не пользуется досугом в меньшей степени, чем тогда, когда он им пользуется, и никогда не бывает менее один, чем тогда, когда он один¹. Поистине превосходное высказывание, достойное великого и мудрого мужа! Оно показывает, что Сципион имел обыкновение даже на досуге размышлять о делах, а будучи один — сам с собою говорить, так что никогда не бывал праздным и порою не нуждался в беседе с другими людьми. Так два обстоятельства, заставляющие других людей томиться, — досуг и одиночество ему придавали бодрости. Я хотел бы, чтобы и мне было дозволено искренно сказать это же; но если я и не могу, путем подражания, достичь такого большого превосходства ума, то в желаниях своих я, несомненно, очень близок к этому. Ибо я, нечестивым оружием и силой лишенный возможности заниматься государственными делами и выступать в суде, пользуюсь досугом и, по этой причине покинув Город и разъезжая по сельским местностям, часто бываю один². (2) Но мой досуг нельзя сравнивать с досугом Публия Африканского и мое уединение — с его уединением. Ведь он, отдыхая от достославной государственной деятельности, наконец, стал пользоваться досугом, а от общения с множеством людей удалялся как бы в гавань; между тем мой досуг связан с отсутствием занятий, а не с моим стремлением к покою. И право, что достойное меня мог бы я, после упразднения сената и уничтожения правосудия, делать в Курии или на форуме? (3) И вот я, который когда-то жил, общаясь с величайшим множеством людей и находясь на виду у граждан, теперь, избегая взоров преступников³, заполняющих все, удаляюсь насколько это мне дозволено, и часто бываю один. Но так как я узнал от ученых людей, что надо не только выбирать наименьшее из зол⁴, но и выхватывать из этих последних хорошее, быть может, им присущее, то я потому и пользуюсь своим досугом, — правда, не тем, каким должен был бы пользоваться человек, некогда принеший спокойствие гражданам⁵, — и не склонен проявлять слабость духа в одиночестве вынужденном, а не добровольном. (4) Впрочем, Публий Африканский, по моему мнению, заслуживал большей хвалы. До нас, правда, не дошло ни писанных произведений его ума, ни плодов его досуга, ни даров его уединения. Из этого мы должны заключить, что он, занимаясь умственным трудом и рассматривая вопросы, над которыми он последовательно размышлял, никогда не располагал досугом и не бывал один; я же, не обладая такой большой силой, чтобы в безмолвном

размышлении отказываться от своего уединения, посвятил этому труду писателя все свое усердие и заботу. Поэтому я, уже после того как государство было уничтожено, в течение короткого времени написал больше, чем на протяжении многих лет, когда оно было неприкосновенно⁶.

(II, 5) Но если философия в целом, мой дорогой Цицерон, плодоносна и плодотворна, и нет ни одного ее раздела, который не был бы обработан и был бы заброшен, то наибольший урожай и наибольшее изобилие сулит нам ее раздел об обязанностях, из которого вытекают наставления, касающиеся стойкости и нравственной красоты в жизни. Поэтому, хотя я и уверен в том, что ты изо дня в день слышишь и узнаешь все это от нашего друга Кратиппа, первого из философов нашего времени, я все-таки нахожу полезным, чтобы твои уши наполнялись такими речами с разных сторон и чтобы они, если это возможно, не слышали ничего другого. (6) И если так должны поступать все намеревающиеся начать жизнь нравственно-прекрасную, то ты, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было. Ведь на тебя возлагают немалую надежду, что ты будешь подражать мне в своей деятельности, большую надежду, что ты уподобишься мне в отношении магистратур, и, пожалуй, некоторую — в отношении славного имени. Кроме того, ты взял на себя тяжелое бремя — пребывание в Афинах и занятия у Кратиппа; так как ты поехал туда как бы для покупки высоких знаний, то твое возвращение ни с чем было бы величайшим позором для тебя и бесчестьем и для этого города, и для твоего наставника. Поэтому, насколько ты можешь напрягать ум, насколько ты можешь прилагать труд, — если учение есть труд, а не наслаждение, — настолько старайся так поступать и не допускай, чтобы в то время, когда я снабдил тебя всем необходимым, сам ты оказался изменившим себе. Но об этом достаточно; ведь я часто писал тебе об этом в виде советов; вернемся теперь к последней части в соответствии с предложенным нами делением предмета нашего исследования.

(7) Итак, Панэтий, который, бесспорно, тщательнейше рассмотрел вопрос об обязанностях и которому я, с некоторым исправлением, преимущественно и следовал, Панэтий, предложив три его раздела, чтобы в их пределах люди рассуждали и советовались насчет обязанности, в одном разделе выражая сомнения, прекрасно ли в нравственном отношении или же дурно то, о чем идет речь, во втором — полезно ли оно или бесполезно, в третьем — как мы в случае, если то, что имеет видимость нравственно-прекрасного, борется с тем, что нам кажется полезным, должны отличать одно от другого, насчет двух первых дал разъяснения в своих трех книгах, а насчет третьего написал, что будет говорить об этом впоследствии, но обещания своего не исполнил⁷. (8) Это удивляет меня тем более, что его ученик Посидоний писал, что Панэтий, выпустив в свет эти книги, прожил еще тридцать лет. Меня удивляет, что Посидоний⁸ лишь вкратце коснулся этого вопроса в некоторых своих записях — тем более что, как он пишет, во всей философии это самый важный вопрос. (9) Но я совсем не согласен с теми, кто говорит, что Панэтий вопрос этот не пропустил, а сознательно оставил в стороне, и что писать об этом вообще не следовало, так как, по их мнению, польза никогда не может бороться с нравственной красотой. В связи с этим, с одной стороны, можно сомневаться, надо ли было включать этот раздел, третий по делению Панэтия, или же надо было его вообще опустить; но, с другой стороны, не может быть сомнения в том, что Панэтий вопрос этот поставил, но от его рассмотрения отказался. Ведь тому, кто, разделив весь вопрос на три части, две из них, как он полагает, закончил, непременно должна была остаться для рассмотрения также и третья; кроме того, в конце третьей книги он обещает снова поговорить об этом разделе. (10) К этому присоединяется веское свидетельство Посидония, указывающего в одном из своих писем, что Публий Рутилий Руф⁹, бывший учеником Панэтия, говаривал, что подобно тому, как еще не нашлось живописца, который смог бы закончить ту часть изображения Венеры Косской, которую Апеллес¹⁰ оставил только начатой (ведь красота ее лица не позволяла надеяться, что удастся передать таким же образом красоту других частей ее тела), так того, что Панэтий

пропустил и чего он не завершил, ввиду выдающихся качеств того, что он завершил, не продолжил никто.

(III, 11) Поэтому насчет мнения Панэтия сомневаться не приходится; но о том, обоснованно ли присоединил он этот третий раздел к рассмотрению вопроса об обязанностях, рассуждать, пожалуй, можно. Ибо — независимо от того, является ли нравственно-прекрасное единственным благом, как учат стоики, или же, как думают ваши перипатетики, то, что прекрасно в нравственном отношении, есть высшее благо¹¹ постольку, поскольку все доводы, помещенные с другой стороны, едва ли обладают малейшим весом¹², — не приходится сомневаться в том, что польза никогда не может состязаться с нравственной красотой. Поэтому Сократ, как мы узнали, и был склонен проклинать тех, которые первыми в высказанных ими мыслях разграничили эти вещи, по природе своей связанные между собою. Стоики согласились с ним вплоть до того, что признали, что все нравственно-прекрасное полезно и что не бывает ничего полезного, что не было бы нравственно-прекрасным. (12) И если бы Панэтий был одним из тех, кто утверждает, что доблесть надо проявлять потому, что она полезна людям (как поступают те, кто предметы, достойные их стремлений, измеряет либо доставляемым ими наслаждением¹³, либо отсутствием боли¹⁴), то ему было бы дозволено утверждать, что польза иногда борется с нравственной красотой. Но так как Панэтий — один из тех, кто считает единственным благом то, что прекрасно в нравственном отношении¹⁵, и думает, что от прибавления того, что ему противодействует, так сказать, видимостью пользы, жизнь не становится лучше, а с утратой этого не становится хуже, то он, по-видимому, не должен был вводить такое рассуждение, в котором кажущееся полезным сравнивалось бы с нравственно-прекрасным. (13) И действительно, то, что стоики называют высшим благом, — жить в согласии с природой — означает, если не ошибаюсь, следующее: с доблестью сообразоваться всегда, а все остальное, соответствующее природе, выбирать при условии, если оно не противодействует доблести. Раз это так, то некоторые думают, что вводить это сравнение не было оснований и что давать какие-либо наставления насчет этого не следовало вообще.

И именно это нравственно-прекрасное, называемое так по его существу и правильно, свойственно одним только мудрым людям и никогда не может быть отделено от доблести; однако людям, не обладающим совершенной мудростью, совершенная нравственная красота никак не может быть свойственна, но некоторое подобие нравственной красоты быть им свойственно может¹⁶. (14) Обязанности эти, о которых я рассуждаю в этих книгах, стоики называют "средними"; они касаются всех людей и находят себе широкое применение; многие постигают их по доброте своей натуры и благодаря своим успехам в учении. Однако обязанность, которую стоики называют "прямой", совершенна и безусловна и, как говорят, "удовлетворяет всем числам"¹⁷; ее может достичь один только мудрый человек. (15) Но когда совершено что-либо такое, в чем проявляются "средние" обязанности, то оно кажется вполне совершенным, так как толпа обыкновенно не понимает, что именно не соответствует совершенному, а в пределах, в каких она это понимает, думает, что не пропущено ничего. Это же происходит и в поэзии, в живописи и во многих других искусствах: неискушенные люди получают удовольствие и хвалят то, что похвалы не заслуживает, хвалят, пожалуй, по той причине, что эти произведения содержат крупицу хорошего, привлекающую несведущих людей, которые в то же время не в силах судить о недостатках, кроющихся в каждой вещи. Поэтому они, получив разъяснения от искушенных людей, легко отказываются от своего мнения. (IV) Итак, обязанности эти, которые я рассматриваю в этих книгах, стоики называют нравственно-прекрасными, так сказать, второй степени, не только свойственными мудрым людям, но и общими всему человеческому роду. (16) Вот почему обязанности эти побуждают к доблести всех тех, кому свойственна эта естественная склонность. И когда о двоих Дециях или о двоих Сципионах¹⁸ вспоминают как о храбрых мужах, когда Фабриция¹⁹ или Аристида²⁰ называют справедливым, то в первых не ищут примера храбрости, а во вторых — примера

справедливости, словно это были мудрые люди; ведь ни один из них не был мудр так, как мы хотим понимать слово "мудрый", да и те, кого считали и называли мудрыми, — Марк Катон и Гай Лелий²¹ не были мудры, как даже и знаменитые семь мудрецов²², но — ввиду постоянного исполнения ими "средних" обязанностей — обладали некоторым сходством с мудрыми людьми и казались ими. (17) Поэтому то, что поистине прекрасно в нравственном отношении, божеский закон не велит сравнивать с противоположным полезному, а то, что мы обыкновенно называем нравственно-прекрасным, то, что соблюдают люди, желающие считаться честными мужами, никогда нельзя сравнивать с выгодами, и мы должны оберегать и сохранять это нравственно-прекрасное, соответствующее нашему пониманию, так как то, что, собственно, и называется нравственно-прекрасным и таковым действительно является, должны оберегать и сохранять мудрые; иначе ведь невозможно сохранить за собой успехи на пути к доблести, если мы добились их. Но это относится к тем людям, которых, ввиду соблюдения ими своих обязанностей, считают честными. (18) Что касается тех, кто все измеряет выгодой и преимуществами и не находит, что это перевешивается нравственной красотой, то они при обсуждении обыкновенно сравнивают нравственно-прекрасное с тем, что они считают полезным; честные мужи так обыкновенно и поступают. Поэтому я и думаю, что Панэтий, сказав, что люди при этом сравнении обыкновенно сомневаются, думал именно то, что высказал: они только "имеют обыкновение", но не "должны". И действительно, не только ставить то, что кажется полезным, выше того, что прекрасно в нравственном отношении, но даже сравнивать одно с другим и при этом сколько-нибудь сомневаться в высшей степени позорно²³.

Что же иногда, по-видимому, вызывает сомнения и требует размышления? Мне думается, — если когда-нибудь возникают сомнения насчет сущности того, о чем размышляют. (19) Ведь часто то, что в силу обстоятельств в большинстве считают позорным, позорным не оказывается. Для примера возьмем что-нибудь широко распространенное. Возможно ли большее злодеяние, чем убийство, уже не говорю — человека вообще, более того — близкого человека? Но неужели запятнал себя злодеянием тот, кто убил тирана, хотя это был и очень близкий ему человек?²⁴ Римский народ, со своей стороны, не думает этого, он, который из всех достославных поступков именно этот считает прекраснейшим. Значит ли это, что польза взяла верх над нравственной красотой? Наоборот, нравственная красота подчинилась пользе. Итак, дабы мы — если когда-либо с тем, что мы считаем нравственно-прекрасным, по-видимому, вступит в борьбу то, что мы называем полезным, — могли разрешить вопрос, не совершая ошибки, надо установить, так сказать, формулу²⁵; следуя ей при сравнении, мы никогда не погрешим при исполнении своего долга. (20) И формула эта будет вполне соответствовать положениям и учению стоиков; в этих книгах мы следуем ему потому, что, хотя представители Старой Академии²⁶ и ваши перипатетики, которые когда-то ни в чем не расходились с академиками, ставят нравственно-прекрасное выше того, что кажется полезным, все же те, кто считает все нравственно-прекрасное в то же время и полезным и не считает полезным того, что не прекрасно в нравственном отношении, рассматривают эти вопросы более блистательно, чем те, для кого нравственно-прекрасное не полезно, а полезное не прекрасно в нравственном отношении²⁷. Но нам наша Академия предоставляет большую свободу, так что нам дозволено с полным на это правом отстаивать все то, что нам кажется наиболее вероятным. Но я возвращаюсь к формуле.

(V, 21) Итак, отнять что-нибудь у ближнего и, будучи человеком, увеличить свое достояние, нанеся ущерб другому человеку, более противно природе, чем смерть, бедность, боль, другие беды, которые могут поразить либо наше тело, либо наши внешние блага; ибо это прежде всего уничтожает совместную жизнь людей и человеческое общество. Ведь если все мы будем охвачены стремлением грабить ближнего ради своей выгоды и нарушать его интересы, то это неминуемо приведет к распаду того, что в высшей степени сообразно с природой, — человеческого общества. (22) Как в случае, если бы каждый член нашего тела

стал думать, что он мог бы быть здоров, впитав в себя здоровье соседнего члена тела, все наше тело неминуемо ослабело бы и погибло²⁸, так, если бы каждый из нас захватил достояние других людей и, в своих интересах, отнял все, что мог бы отнять у каждого из них, человеческое общество и узы между людьми неминуемо были бы уничтожены. Ибо каждому предоставлена возможность добывать все необходимое для жизни именно для себя, а не для другого, не встречая противодействия со стороны природы²⁹, но природа не терпит одного: чтобы мы ограблением других людей увеличивали свои средства, богатства, могущество. (23) И не только природой, то есть правом народов³⁰, но и законами народов, на каковых в отдельных гражданских общинах держится государственный строй, таким же образом установлено, что ради своей выгоды не дозволено причинять вред ближнему. Вот каково назначение, вот какова воля законов: узы между гражданами неприкосновенны; тем, кто разрывает их, законы грозят смертью, казнью, изгнанием, заточением в тюрьму, денежной пеней. И в гораздо большей мере нас к этому приводит сам разум природы, который есть закон божеский и человеческий³¹. Кто захочет повиноваться ему (а ему будут повиноваться все те, кто захочет жить по велению природы), тот никогда не позволит себе пожелать чужого достояния и взять себе то, что отнял у ближнего. (24) И действительно, высокий и великий дух, а равным образом и дружелюбие, справедливость и щедрость сообразны с природой в гораздо большей мере, чем наслаждение, чем жизнь, чем богатство; презирать и не ставить этого ни во что, сравнительно с общей пользой, свойственно великому и высокому духу. Но ради своей выгоды отнимать что бы то ни было у ближнего более противно природе, чем смерть, боль, другие несчастья в таком же роде. (25) Равным образом, ради спасения всех народов или ради помощи им брать на себя — если это возможно — величайшие труды и тяготы, подражая Геркулесу, которого людская молва, помня о его благодеяниях, приобщила к сонму небожителей³², более сообразно с природой, чем жить в уединении не только без каких бы то ни было тягот, но и среди величайших наслаждений, среди полного изобилия во всем, отличаясь также и исключительной красотой и силой³³. Поэтому все люди самого высокого и самого блестящего ума ставят образ жизни, описанный нами первым, намного выше образа жизни, описанного нами вторым. Из этого следует, что человек, послушный велению природы, нанести вред другому человеку не может. (26) Далее, кто причиняет ущерб ближнему, чтобы самому получить какую-нибудь выгоду, тот либо совсем не думает, что поступает противно природе, либо признает, что бежать от смерти, от бедности, от боли, даже от потери детей, родных и друзей надо в большей мере, чем совершить противозаконие по отношению к кому бы то ни было. Если он думает, что посягать на интересы людей не противно природе, то зачем нам обсуждать этот вопрос с тем, кто в человеке совершенно уничтожает человеческое начало? Но если он признает, что этого, конечно, надо избегать, но что смерть, бедность и боль — вещи, намного худшие, то он заблуждается, считая всякий ущерб, относящийся к нашему телу или имуществу, более тяжким, чем любой ущерб, относящийся к нашей душе.

(VI) Итак, у всех людей должна быть лишь одна цель: одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена. (27) Более того, если природа велит человеку хотеть, чтобы о другом человеке, кем бы он ни был, была проявлена забота уже по одной той причине, что он — человек, то, по велению все той же природы, польза должна быть общей для всех людей. Раз это так, то все мы подчиняемся одному и тому же закону природы, а если именно это так, то закон природы, несомненно, воспрещает нам посягать на интересы ближнего. Но первое справедливо; следовательно, справедливо второе. (28) Бессмысленно ведь то, что кое-кто говорит: у отца или у брата он, ради своей выгоды, не отнимет ничего, но его отношение к другим гражданам иное. Такие люди решают, что у них ни в отношении прав, ни в отношении всеобщей пользы никакого союза с согражданами нет, каковое мнение полностью нарушает союз в виде гражданской общины. Те, кто утверждает, что надо считаться с согражданами, но не с чужеземцами, разрывают всеобщий союз человеческого рода, а с его уничтожением

уничтожаются в корне благотворительность, щедрость, доброта, справедливость; людей, уничтожающих все это, надо признать нечестивыми также и по отношению к бессмертным богам. Ведь эти люди ниспровергают установленное богами человеческое общество, теснейшей связью которого служит убеждение, что природе более противно, чтобы человек в своих интересах отнимал что-либо у человека, чем чтобы он испытывал всяческие несчастья, либо внешние, либо для его тела, либо даже для его души, несчастья, чуждые справедливости; ведь одна эта доблесть — властительница и царица всех доблестей.

(29) Быть может, кто-нибудь спросит: "Значит, мудрый человек, если бы он умирал от голода, не отнял бы пищу у другого человека, не пригодного ни на что?" — Конечно, нет; ведь мне жизнь моя не полезнее, чем сознание того, что я не вправе посягнуть в своих интересах на кого бы то ни было³⁴. — "Как? Если бы у Фаларида³⁵, жестокого и свирепого тиранна, честный человек, чтобы самому не умереть от холода, мог отнять одежду, то разве он не сделал бы этого?" Разрешить подобные вопросы очень легко. (30) Ибо, если бы ты ради своей пользы отнял что-нибудь у человека во всех отношениях бесполезного, то ты поступил бы бесчеловечно и в нарушение закона природы; но если бы ты был таким человеком, что мог бы принести большую пользу государству и человеческому обществу в случае, если бы остался жив, то — если бы ты именно с этой целью что-нибудь отнял у ближнего — это не заслуживало бы порицания. Но если таких условий налицо нет, то каждый должен переносить свое несчастье, но не лишать ближнего его благ. Итак, нет ни болезни, ни бедности, ни подобных им зол, природе более противных, чем похищение, вернее, желание чужого имущества; но пренебрежение к общей пользе противно природе; ибо оно противозаконно. (31) Поэтому сам закон природы, охраняющий и оберегающий интересы людей, конечно, определит, что средства, необходимые для жизни, от человека праздного и бесполезного должны передаваться мудрому, честному и храброму мужу; ведь если он погибнет, то его смерть нанесет большой ущерб всеобщим интересам; но этот муж должен делать это так, чтобы сам он, будучи о себе высокого мнения и ценя себя, не видел в этом оснований для противозакония. Так, он всегда исполнит свой долг, заботясь о пользе людей и о том, о чем я часто упоминаю, — о человеческом обществе. (32) Ведь насчет Фаларида судить очень легко. Ибо с тираннами никакие узы нас не соединяют; вернее, тиранны нам глубоко чужды, и вовсе не противно природе ограбить, если сможешь, того, кого в нравственном отношении прекрасно убить³⁶, и вся эта порода людей, несущая гибель и нечестивая, подлежит изгнанию из человеческого общества. И действительно, как мы отсекаем некоторые члены тела, если они и сами начали терять кровь и как бы дух, и наносят вред другим членам тела, так эту звериную дикость и свирепость в человеческом образе³⁷ надо отделять от всеобщей, так сказать, человечности нашего тела. Подобного рода вопросами являются все те, в которых рассматривается должное поведение при разных обстоятельствах.

(VII, 33) Панэтий, думается мне, осуществил бы свое намерение рассмотреть такие вопросы, если бы ему не помешала какая-то случайность или какое-то занятие. Для разрешения этих вопросов мы дали в предыдущих книгах достаточно наставлений, и из них можно усвоить себе, чего надо избегать, так как это позорно, и чего не надо избегать, так как это нисколько не позорно. Но так как мы на свой начатый и почти заверченный труд ставим как бы конек крыши, то — подобно тому, как геометры обыкновенно не все доказывают, но требуют, чтобы с ними кое в чем соглашались, дабы им было легче развивать желаемые положения³⁸, — так и я прошу тебя, мой дорогой Цицерон, если можешь, согласиться со мною в том, что надо стремиться к одному только нравственно-прекрасному ради него самого. Но если Кратипп тебе этого не позволяет, то ты, конечно, согласишься со мною в том, что к нравственно-прекрасному надо стремиться больше всего ради него самого³⁹. Для меня достаточно любого из этих положений, и то одно, то другое кажется мне более вероятным, а помимо них вероятным мне не кажется ничего. (34) И прежде всего Панэтия следует оправдывать вот в чем; он не говорил, что полезное иногда может бороться с нравственно-

прекрасным (ведь божеский закон ему этого и не дозволил), но — то, что полезным кажется. Он часто доказывает, что действительно не бывает ничего полезного, которое в то же время не было бы нравственно-прекрасным, и ничего нравственно-прекрасного, которое в то же время не было бы полезным, и говорит, что жизни людей еще не поражал ни один бич, более тяжкий, чем мнение тех людей, которые разграничили эти понятия⁴⁰. И вот, не для того, чтобы мы когда-либо предпочли полезное нравственно-прекрасному, но для того, чтобы мы могли безошибочно отличить одно начало от другого, если они когда-нибудь окажутся на нашем пути, он и выдвинул это кажущееся, но не действительно существующее противоречие. Итак, этот оставленный нам раздел мы закончим без чьей-либо помощи, но "своим оружием", как говорится⁴¹. Ведь после Панэтия в сочинениях, попавших в мои руки, по этому разделу не написано ничего такого, с чем я действительно мог бы согласиться.

(VIII, 35) Итак, всякий раз, когда мы сталкиваемся с какой-нибудь видимостью пользы, мы неизбежно волнуемся. Но если ты, отнесясь к этому внимательно, увидишь, что к тому, что принесло видимость пользы, присоединился позор, то от пользы отказываться не следует, но надо понять, что там, где налицо позор, пользы быть не может. И если ничто так не противно природе, как позор (ведь природа желает всего прямого, соответствующего ей самой и стойкого и отвергает все противоположное этому), и ничто так не соответствует природе, как польза, то в одном и том же деле, конечно, не может быть и пользы, и позора. Опять-таки, если мы рождены для нравственной красоты и должны либо стремиться, к ней одной, как думал Зенон⁴², либо находить, что она во всех отношениях перевешивает все остальное, как полагал Аристотель⁴³, то нравственно-прекрасное непременно должно быть либо единственным, либо высшим благом; но то, что есть благо, несомненно, полезно; следовательно, все то, что прекрасно в нравственном отношении, полезно. (36) Поэтому заблуждение, в какое впадают непорядочные люди, когда они захватывают что-нибудь такое, что им показалось полезным, тотчас же отдаляет их от нравственно-прекрасного. Это порождает удары кинжалами, отравления, подделку завещаний, хищения, казнокрадство, ограбление и разорение союзников и граждан; это порождает желание непомерных богатств, нестерпимого могущества, наконец, — даже в свободных государствах — стремление к царской власти, отвратительнее и хуже которого не придумать ничего. Ведь люди эти, обманываясь в своих суждениях, выгоды видят, а кары, уже не говорю — налагаемой законами, от которой они часто уклоняются, но кары, связанной с самим позором (а это — самое горькое⁴⁴), не видят. (37) Поэтому да будут изгнаны из нашей среды люди, рассуждающие так; ибо все они — преступники и нечестивцы; ведь они рассуждают о том, следовать ли им тому, что, как они видят, прекрасно в нравственном отношении, или же сознательно запятнать себя злодеянием; ведь уже в самом сомнении кроется дурное деяние, хотя они до него и не дошли. Итак, рассуждать вообще не следует о вопросах, о которых позорно даже рассуждать.

Кроме того, из всякого обсуждения надо изгонять надежду и мысль что-нибудь скрыть или утаить; ведь мы, если мы сколько-нибудь преуспели в философии, должны быть достаточно твердо убеждены в том, что мы, если бы и смогли что-либо скрыть от всех богов и людей, все-таки ни в чем не должны допускать ни алчности, ни противозакония, ни произвола, ни несдержанности. (IX, 38) В связи с этим Платон вводит повествование о Гиге⁴⁵: после того, как земля разверзлась от сильных ливней, Гиг спустился в расщелину и, как гласит предание, увидел там бронзового коня с дверьми на боках; открыв двери, он нашел там мертвеца необычно большого роста с золотым перстнем на пальце; он снял с него этот перстень и надел его себе на палец (а был он царским пастухом), затем присоединился к другим пастухам; всякий раз, как он поворачивал чашечку перстня к ладони, он становился невидим для других, но сам видел все; повернув перстень в его правильное положение, он снова становился видим. Используя преимущества, какие ему давал перстень, Гиг совершил прелюбодеяние с царицей, с ее помощью убил царя, своего господина, и уничтожил всех тех, кто, по его

мнению, мешал ему, причем во время всех этих преступлений никто не мог его видеть; так, благодаря обладанию перстнем, он неожиданно стал царем Лидии. И вот, если бы этим перстнем обладал мудрый человек, то он не счел бы дозволенными себе проступки большие, чем те, какие он совершал бы, не обладая перстнем; ибо честные мужи стремятся к нравственно-прекрасному, а не к тайному. (39) По этому поводу некоторые философы⁴⁶, отнюдь не дурные, но недостаточно проницательные, говорят, что Платон представил нам придуманный и вымышленный рассказ. Как будто он утверждает, что это действительно произошло или произойти могло! Смысл этого рассказа о перстне и этого примера следующий: если никто не будет знать, если никто даже не заподозрит, что ты совершаешь какое-нибудь деяние ради богатства, ради могущества, ради господства, ради страсти, если ни богам, ни людям о нем никогда не будет известно, то совершишь ли ты его? Философы эти утверждают, что совершить его невозможно, хотя это вполне возможно; но я спрашиваю: будь возможно то, что, по их словам, невозможно, как именно поступили бы они сами? Они настаивают очень неумело, утверждают, что это невозможно, и стоят на своем; что означают эти слова, они не видят. Ведь когда мы спрашиваем, что они сделали бы, если бы смогли скрыть свои поступки, то мы не спрашиваем, могут ли они скрыть их, но как бы пускаем в ход, так сказать, орудия пытки, так что, если они ответят, что при условии безнаказанности они совершат то, что им будет выгодно, то они признают себя способными на преступление; если они дадут отрицательный ответ, то они согласятся с тем, что надо избегать всего позорного как такового. Но вернемся теперь к предмету своего рассуждения.

(X, 40) Часто возникают положения, приводящие умы в смущение видимостью пользы, когда люди рассуждают не о том, надо ли им отказаться от нравственной красоты ради значительности пользы (ведь именно это и бесчестно), но о том, возможно ли совершить кажущееся полезным, не покрыв себя позором. Когда Брут лишил империя своего коллегу Коллатина, могло показаться, что он поступает несправедливо; ведь во время изгнания царей Коллатин был союзником Брута и его помощником в осуществлении им своих замыслов⁴⁷. Но когда первые граждане решили уничтожить родню Гордого, имя Тарквиниев и память о царской власти⁴⁸, — а это было полезно, — то позаботиться об отечестве было делом столь прекрасным в нравственном отношении, что даже Коллатин должен был это одобрить. Таким образом, польза возымела силу по причине нравственной красоты, без которой даже польза не была бы возможна. (41) Но в случае с царем, основавшим Город⁴⁹, положение было иное. Ведь его побудила видимость пользы: когда ему показалось, что единолично царствовать более полезно, чем вместе с другим человеком, он убил брата⁵⁰. При этом он поправил и братские чувства, и человечность, дабы иметь возможность осуществить то, что ему казалось полезным, но таковым не было. И все-таки он в свое оправдание сослался на постройку стены; это была видимость нравственной красоты, не правдоподобная и совсем не подходящая. Следовательно, он совершил проступок. Скажу это с дозволения Квирина⁵¹ или Ромула. (42) Но мы не должны поступаться своими выгодами и передавать их другим людям, когда сами нуждаемся в них; нет, каждый должен соблюдать свою выгоду, не совершая противозакония по отношению к ближнему. Хрисипп⁵² правильно сказал об этом, как и обо многом другом: "Тот, кто бежит по стадиону, должен всячески напрягать силы, как только может, чтобы победить, но отнюдь не должен подставлять ногу сопернику или отталкивать его рукой; так и в жизни вполне справедливо, чтобы каждый добивался всего, что ему нужно; отнимать это у ближнего он не вправе".

(43) Но более всего обязанности нарушаются в дружеских отношениях, когда не воздать того, что по совести воздать можешь, и воздать то, что было бы несправедливым, противно долгу. Насчет всех подобных случаев наставление кратко и дать его легко. Ибо всего того, что кажется полезным: — магистратур, богатств, наслаждений и прочего в этом же роде никогда нельзя предпочитать дружбе. Но честный муж ничего не сделает ради друга ни во вред государству, ни в нарушение своей клятвы и честного слова, даже если будет судьей по

самому делу своего друга; ведь он отказывается от роли друга, когда берет на себя роль судьи. Он исполнит свой долг перед дружбой лишь настолько, что предпочтет, чтобы дело его друга было правым, и даст возможность выступать по делу столько времени, сколько позволяют законы⁵³. (44) Но когда он, поклявшись, должен вынести судебное решение, то ему следует помнить, что он призывает в свидетели божество, то есть, как сам я думаю, свой разум⁵⁴, божественнее которого само божество ничего не даровало человеку⁵⁵. Прекрасен поэтому завещанный нам предками обычай просить судью (о, если бы мы его сохранили!) с д е л а т ь т о , ч т о о н м о ж е т с д е л а т ь п о с о в е с т и . Просьба эта относится к тому, что, как я только что сказал, судья может сделать для друга сообразно с нравственной красотой; ибо, если приходится делать все то, чего хотят друзья, то такие узы надо считать не дружбой, а заговором. (45) Но я говорю об обыкновенных дружеских отношениях; ведь среди мудрых мужей, достигших совершенства, ничто подобное не возможно. Пифагорейцы Дамон и Финтий, по рассказам, относились друг к другу так, что когда тиранн Дионисий⁵⁶ назначил день казни одного из них, и приговоренный попросил его об ее отсрочке на несколько дней, чтобы обеспечить своих близких, то другой поручился за него — с тем, чтобы умереть, если тот не возвратится. Когда он вернулся к назначенному сроку, то тиранн, изумленный их взаимной верностью, попросил их принять его третьим в их дружеский союз⁵⁷. (46) Итак, когда то, что в дружбе кажется полезным, сравнивают с нравственно-прекрасным, то видимость пользы не должна иметь значения, а нравственная красота должна возыметь силу; но когда в дружбе потребуют того, что в нравственном отношении не прекрасно, то совестливость и верность слову надо будет предпочесть дружбе. Так совершится выбор обязанности, предмет нашего рассмотрения.

(XI) Но в делах государственных очень часто, под предлогом пользы, совершают ошибки, как поступили наши предки, разрушив Коринф⁵⁸. Еще более жестоко поступили афиняне, постановив, чтобы у жителей Эгины, сильной флотом, были отрублены большие пальцы на руках⁵⁹. Афинянам это показалось полезным; ведь Эгина, ввиду своего близкого расположения, сильно угрожала Пирею. Но ничто жестокое не бывает полезным; ведь человеческой природе, которой мы должны следовать, наибольший недруг — жестокость. (47) Дурно поступают и те, кто препятствует чужеземцам жить в городах и изгоняет их, как Пенн поступил некогда⁶⁰, а Папий недавно⁶¹. Не позволять, чтобы не-гражданин считался гражданином, справедливо; закон об этом предложили мудрейшие консулы Красс и Сцевола⁶². Но запрещать чужеземцам жить в Городе поистине бесчеловечно. Прекрасны случаи, когда видимостью пользы для государства пренебрегают ради нравственной красоты. В нашем государстве множество таких примеров. Это бывало часто, а особенно во время второй пунической войны: после поражения под Каннами наше государство проявило большее мужество, чем когда бы то ни было в счастливые времена: ни признаков страха, ни слова о мире⁶³. Сила нравственной красоты так велика, что затмевает видимость пользы. (48) Когда афиняне никак не могли выдержать натиска персов и постановили, оставив город, отправить жен и детей в Трезену, перейти на корабли и посредством флота защищать свободу Греции, они побили камнями некоего Кирсила, советовавшего им остаться в городе и принять Ксеркса⁶⁴. А ведь Кирсил, казалось, руководствовался пользой, но ее не было, так как нравственная красота ее отвергала. (49) После победы в войне с персами Фемистокл сказал в собрании, что он придумал план, спасительный для государства, но что его не должны знать все; он потребовал, чтобы народ назначил человека, которому он мог бы его сообщить; был назначен Аристид⁶⁵. Фемистокл сказал ему, что есть возможность тайно поджечь флот лакедемонян, который они вытащили на сушу в Гифее; это непременно сокрушило бы могущество лакедемонян. Услыхав это, Аристид пришел в собрание, где его с нетерпением ждали, и сказал, что совет Фемистокла весьма полезен, но далеко не прекрасен в нравственном отношении. Поэтому афиняне, не признав совета Фемистокла нравственно-прекрасным, не нашли его даже полезным и все его предложение, которого они ранее даже не выслушали, они, по совету Аристида, отвергли. Они поступили лучше, чем мы, освободившие пиратов от их

повинностей и держащие союзников на положении данников⁶⁶. (XII) Итак, пусть остается в силе положение: позорное не полезно никогда — даже и тогда, когда того, что считаешь полезным, достигаешь; ведь именно то обстоятельство, что позорное считают полезным, и пагубно.

(50) Но, как я уже говорил, часто возникает положение, когда польза, казалось бы, противится нравственной красоте, так что надо подумать, совсем ли она противится ей или же ее возможно соединить с нравственной красотой. Такого рода следующие вопросы: например, если честный человек во времена недостатка зерна, голода среди жителей Родоса и необычайной дороговизны съестных припасов привез из Александрии на Родос большое количество зерна и в то же время знает, что многие купцы вышли из Александрии, и видел груженные зерном корабли, державшие путь на Родос, то скажет ли он об этом жителям Родоса или же, благодаря своему молчанию, продаст свое зерно по возможно более высокой цене? Мы вообразим себе мудрого и честного человека, ставим вопрос о размышлениях и соображениях того, кто не стал бы скрывать положение вещей от жителей Родоса, если бы находил это позорным, но не уверен в том, что его молчание не будет позорным.

(51) В подобных случаях Диоген Вавилонский, великий стоик строгих взглядов, высказывает одно мнение, а его ученик Антипатр⁶⁷, умнейший человек, — другое. Антипатр находит нужным раскрывать все, дабы покупающий знал то, что известно продающему; Диоген же думает, что продающий должен, в пределах, установленных гражданским правом, о недостатках своего товара сообщать, а в остальном поступать добросовестно и, так как он продает, стараться продать возможно выгоднее для себя. "Я привез товар, выставил его, продаю его не дороже, чем другие, быть может, даже дешевле, так как его запас у меня большой. Кому наношу я ущерб?" (52) Антипатр выдвигает противоположные соображения: "Что ты говоришь? И ты, — хотя ты должен заботиться о людях и служить человеческому обществу, хотя ты рожден с тем условием и обладаешь такими природными качествами (повиноваться и следовать им ты обязан), что твои интересы должны быть всеобщими, а всеобщие интересы, в свою очередь, — твоими⁶⁸, — скроешь от людей то, что им выгодно и принесет изобилие?" Диоген, возможно, ответит: "Одно дело — скрыть, другое — умолчать, и я теперь от тебя не скрываю, если тебе не говорю, какова природа богов, каков предел добра (а знать это тебе было бы полезнее, чем знать, что цены на пшеницу низки); но я не должен говорить тебе все то, что тебе было бы полезно услышать". — (53) "Наоборот, должен, если ты действительно помнишь, что между людьми существуют узы, установленные природой". — "Помню, — скажет Диоген, — но разве узы эти таковы, что у людей не должно быть ничего их собственного? Если они именно таковы, то мы даже не должны продавать что бы то ни было, но можем только дарить". (XIII) Как видишь, при всем этом обсуждении вопроса не говорится: "Хотя это и позорно, я все-таки поступлю так, потому что это мне выгодно". Но одна сторона говорит, что это выгодно при условии, чтобы это не было позорным; по утверждению другой, по той причине, что это позорно, поступать так нельзя.

(54) Допустим, что честный человек продает дом из-за его кое-каких недостатков, о которых сам он знает, но другие люди не знают. Допустим, что строение это нездоровое, но считается здоровым, и люди не знают, что во всех комнатах выползают змеи, что здание это из дурного материала и может обвалиться; но об этом никто, кроме владельца, не знает. Я спрашиваю: если продавший не сказал этого покупателям и продал строение за гораздо большую цену, чем рассчитывал, то разве он поступил несправедливо или, вернее, бесчестно?⁶⁹ "Да, конечно, — отвечает Антипатр. — Что это, как не неуказание пути заблудившемуся⁷⁰ (в Афинах это карается проклятием от имени городской общины⁷¹) — позволить покупателю понести ущерб из-за своего заблуждения и стать жертвой обмана? Это даже нечто худшее, чем не указать правильного пути; ведь это значит сознательно ввести ближнего в заблуждение". (55) Диоген возражает ему: "Разве тебя заставлял покупать тот, кто

этого тебе даже не посоветовал? Он объявил о продаже того, что ему не нравилось; ты же купил то, что тебе нравилось. Если того, кто объявляет о продаже "хорошей и хорошо построенной усадьбы", не считают обманщиком, если усадьба эта скверная и построена неправильно, то тем меньше оснований считать обманщиком того человека, который не стал расхваливать свой дом. Ибо какой возможен обман со стороны продающего там, где налицо суждение покупателя? Но если не надо нести ответственность за все сказанное, то надо ли, по твоему мнению, нести ответственность за то, что сказано не было? И действительно, что глупее положения, когда продающий сообщает о недостатках продаваемой им вещи? И что так нелепо, как предположение, что глашатай, по приказанию собственника, объявит: "Продаю дом, пораженный мором?" (56) Итак, в некоторых сомнительных случаях одна сторона защищает нравственную красоту, другая говорит о пользе, утверждая, что совершить кажущееся полезным не только прекрасно в нравственном отношении; более того, не совершить этого даже позорно. Вот частое кажущееся разногласие между полезным и нравственно-прекрасным. Одно от другого надо отграничивать; мы изложили это не для постановки вопроса, а для разъяснения его. (57) Итак, по моему мнению, ни торговец зерном не должен был скрывать обстоятельства дела от родосцев, ни человек, продававший дом, — от своих покупателей. Правда, умолчать еще не значит скрыть, но значит это тогда, когда, ты ради своей выгоды хочешь, чтобы того, что знаешь ты, не знали те, для кого знать это важно. И кто не видит, что представляет собою стремление скрыть и какому человеку оно свойственно? Конечно, не человеку открытой души, простому, свободно рожденному, не честному мужу, но скорее лукавому, темного происхождения, ловкому, лживому, коварному, хитрому, сутяге, плуту. Не пагубно ли заслужить столько названий пороков и еще другие, более многочисленные?

(XIV, 58) Но если надо порицать людей, о чем-то умолчавших, то что должны мы подумать о солгавших? Римский всадник Гай Каний, человек, не лишенный остроумия⁷² и достаточно образованный, приехав в Сиракузы, как он уверял, не по делам, а для отдыха, не раз говорил там о своем желании купить небольшое загородное имение, куда он мог бы приглашать друзей и где мог бы развлекаться без помехи со стороны посетителей. Когда молва об этом распространилась, то некий Пифий, державший в Сиракузах меняльную лавку, сказал ему, что продажного имения у него, правда, нет, но что Каний, если хочет, может пользоваться его имением как своим, и заодно пригласил его на пир к себе в имение на следующий день. Когда Каний принял его приглашение, то Пифий, как меняла влиятельный человек во всех сословиях, позвал рыбаков, велел им в течение следующего дня ловить рыбу около его имения и объяснил им, чего ему от них нужно. Каний вовремя прибыл на пир. Пифий устроил его великолепно. Перед взорами пировавших появилось множество лодок, причем все рыбаки приносили свой улов и бросали рыбу к ногам Пифия. (59) Тогда Каний спросил: "Скажи, пожалуйста, Пифий, что это значит — столько рыбы, столько лодок?" А тот и говорит: "Чему здесь удивляться? Вся рыба, какая только есть в Сиракузах, — в этом месте; здесь изобилие чистой воды; обходить мою усадьбу рыбаки не могут". Загоревшись желанием получить имение, Каний стал уговаривать Пифия, чтобы тот ему продал его. Пифий вначале был несговорчив. К чему много слов? Каний добивается своего. Человек богатый и жадный, он покупает имение за столько, сколько Пифий за него запросил, и притом со всей обстановкой. На другой день Каний приглашает близких друзей, сам приезжает заблаговременно, но не видит ни одного челна. Он спрашивает ближайшего соседа, не праздничные ли дни у рыбаков, так как ни одного из них он не видит. "Нет, насколько мне известно, — говорит тот, — но здесь обыкновенно рыбы не ловит никто; поэтому я вчера и не мог понять, что произошло". (60) Рассердился Каний, но что мог он сделать? Ведь Гай Аквиллий, мой коллега и близкий друг, тогда еще не предлагал своих формул насчет злого умысла⁷³. Когда его спрашивали, что такое злой умысел, о котором в них говорится, он отвечал: "Когда люди в чем-нибудь одном притворились, а другое сделали". Это сказано превосходно, чего и можно было ожидать от человека, искушенного в определениях. Итак, и Пифий, и все другие, делающие одно и

притворяющиеся в другом, — люди вероломные, бесчестные, злонамеренные. Следовательно, ни один их поступок не может быть полезен, раз он запятнан столькими пороками.

(XV, 61) Но если определение, данное Аквилем, правильно, то из всей нашей жизни надо устранить и стремление притворяться в том, чего нет, и стремление скрывать то, что есть. Поэтому честный человек ни ради того, чтобы на лучших условиях купить, ни для того, чтобы продать, ни в чем не притворится и ничего не скроет. Более того, этот злой умысел карался законами: в делах опеки — XII Таблицами⁷⁴, в случае обмана малолетних — Плеториевым законом⁷⁵; без применения закона — приговорами, в которых прибавляется: "...в соответствии с доверием". В решениях по другим делам особенное значение имеют следующие выражения: при третейском суде насчет имущества жены - "лучше, справедливее", в случае фидуциарного обязательства⁷⁶ - "поступить честно, как делается между честными людьми". Что же следует из этого? Может ли, с одной стороны, в том, что совершается "лучше, справедливее", содержаться хотя бы частица обмана или, с другой стороны, когда говорят "поступить честно, как делается между честными людьми", можно ли совершить что-нибудь по злему умыслу и коварно? Но злой умысел, как говорит Аквиллий, заключается в притворстве. Поэтому при заключении соглашений надо устранять всякую возможность лжи. Продающий не должен прибегать к помощи человека, набавляющего цену, покупающий — к помощи сбивающего ее. И тот и другой, если станут объявлять свою цену, могут ее объявить только один раз. (62) Во всяком случае, когда Квинт Сцевола, сын Публия⁷⁷, попросил, чтобы ему назвали окончательную цену угодья, которое он хотел купить, и когда продававший назвал ее, то Сцевола сказал, что ценит угодье дороже, и прибавил 100 000 сестерциев. Никто не станет отрицать, что это был поступок честного мужа; люди отрицают, что это был поступок мудрого, как и в случае, если бы он что-нибудь продал за более дешевую цену, чем та, за какую мог бы продать. Итак, зло именно в том, что одних считают честными, а других мудрыми людьми. Поэтому Энний и пишет, что тщетна мудрость того мудреца, который не может быть полезен себе самому⁷⁸. Это было бы верно, если бы я был согласен с Эннием насчет значения слов "быть полезен". (63) Во всяком случае, Гекатон Родосский⁷⁹, ученик Панэтия, в своих книгах "О долге", посвященных им Квинту Туберону⁸⁰, как я вижу, говорит, что обязанность мудрого — заботиться о своем имуществе, не совершая ничего противного обычаям, законам и установлениям; ведь мы хотим быть богаты не только ради себя, но и ради детей, родных и друзей, а особенно ради государства; ведь средства и достояние отдельных лиц составляют богатства гражданской общины. Поступок Сцеволы, о котором я говорил выше, никак не мог бы понравиться Гекатону. Ведь он утверждает, что сам он вообще не был бы способен совершить в своих интересах что-либо недозволенное. Гекатон не заслуживает ни большой похвалы, ни благодарности. (64) Но если и притворство, и стремление скрыть что-либо — злой умысел, то очень малочисленны случаи, когда этого злого умысла налицо нет; если же честный человек — это такой, который приносит пользу, кому только может, и не причиняет вреда никому, то найти такого честного человека, разумеется, нелегко. Итак, никогда не бывает полезно совершать проступки, так как это всегда позорно, а так как в нравственном отношении всегда прекрасно быть честным мужем, то это всегда полезно.

(XVI, 65) В положениях о поместьях наше гражданское право установило, что при их продаже надо называть недостатки, известные продающему; ибо, в то время как на основании XII Таблиц достаточно нести ответственность за то, что было названо словесно⁸¹, причем тот, кто наличие недостатков отрицал, должен уплатить пеню в двойном размере, правоведы назначили ее даже за умолчание. Они установили, что за всякий недостаток, присущий поместью, продавший, если он, зная о нем, не назвал его в точности, должен нести ответственность. (66) Так, например, когда авгуры собирались наблюдать из крепости⁸² авгурии и повелели Титу Клавдию Центумалу, владевшему домом на холме Целии, снести его,

так как его вышина мешала совершать авспиции, то Клавдий объявил о продаже всех строений; их купил Публий Кальпурний Ланарий. Авгуры обратились к нему с таким же требованием. И вот Кальпурний, разрушив строения и узнав, что Клавдий объявил об их продаже уже после того, как авгуры повелели ему их снести, обратился к арбитру с иском насчет всего того, что ему должно быть дано и для него сделано в соответствии с доверием⁸³. Решение вынес Марк Катон⁸⁴, отец нашего современника. (Ведь если других людей надо называть по именам их отцов, то его, породившего такой светоч, — по имени его сына.) И вот он как судья вынес решение: "Так как Клавдий, продавая поместье, об этом обстоятельстве знал, но о нем не сообщил, то он должен возместить убыток купившему". (67) Таким образом, он установил положение, что понятие "доверие" предполагает, что покупающий должен знать о недостатке, известном продающему. Если Катон вынес решение справедливое, то не по праву умолчали ни торговец зерном, о котором была речь выше, ни человек, продававший зараженное строение. Но гражданское право не может охватить подобные случаи умолчания, а то, что оно может охватить, соблюдается тщательно. Мой родственник Марк Марий Гратидиан⁸⁵ продал Гаю Сергию Орате⁸⁶ дом, который он у него же купил несколькими годами ранее. Дом этот был предметом сервитута⁸⁷, но Марий при манципации⁸⁸ об этом не сказал; дело было передано в суд. Интересы Ораты защищал Красс, интересы Гратидиана — Антоний⁸⁹. Красс ссылаясь на положение закона: "За недостаток, которого продававший сознательно не назвал, он должен нести ответственность". Антоний ссылаясь на требования справедливости: "Так как этот недостаток был хорошо известен Сергию, ранее продавшему этот дом, то говорить о нем надобности не было, и тот, кто знал правовое положение купленного им имущества, обманут не был". (68) Зачем я об этом говорю? Дабы ты понял, что лукавые люди были не по душе нашим предкам.

(XVII) Но законы пресекают лукавые поступки одним способом, философы — другим; законы — в тех пределах, в каких могут удержать рукой, философы — в тех, в каких могут удержать благодаря разуму и проницательности. Итак, разум требует, чтобы люди ничего не делали ни коварно, ни притворно, ни путем обмана. Так не коварство ли расставлять сети, даже если ты не станешь ни поднимать зверя, ни гнать его на них? Ведь звери и сами по себе, без преследования, в них попадают. Значит, ты напишешь объявление о продаже дома, повесишь доску, словно сеть, станешь продавать дом из-за имеющихся в нем недостатков? В сеть эту, по неведению своему, кто-нибудь да попадется. (69) Хотя это, как я понимаю, из-за порчи наших нравов нельзя ни признать позорным, основываясь на обычае, ни воспретить законом или гражданским правом, все же это воспрещено естественным правом. Ведь существуют узы (хотя об этом говорилось часто, но надо говорить почаще), распространяющиеся весьма широко и объединяющие всех людей, более тесные узы между людьми, принадлежащими к одному и тому же племени, более близкие узы между членами одной и той же гражданской общины⁹⁰. Поэтому предки наши и повелели, чтобы было различие между правом народов и гражданским правом⁹¹; гражданское право не является в то же время правом народов, но право народов должно в то же время быть гражданским правом. Но у нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей справедливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями. О, если бы мы следовали хотя бы им! Ведь они проистекают из наилучших примеров, поданных нам природой и правдой. (70) Как велико значение слов: "Да не буду я обманут и да не понесу я убытка из-за тебя и из-за своего доверия к тебе!" Что за золотые слова: "Как честным людям надлежит поступать честно и без обмана!" Но кто такие "честные люди" и что означает "поступать без обмана", — вопрос трудный. Во всяком случае, верховный понтифик Квинт Сцевола говорил, что наибольшей силой обладают все те решения арбитражного суда,

в которых прибавляется: " ... н а о с н о в а н и и д о в е р и я ", и считал, что слово "доверие" находит широчайшее распространение и встречается в записях об опеке, об обществах, о фидуциарном обязательстве, о поручении, о покупке, о продаже, о найме, о подряде — обо всем том, на чем держится жизнь человеческого общества; что в этих случаях задача выдающегося судьи — установить (тем более, что в большинстве случаев иски бывают встречными), в чем именно одна сторона должна нести ответственность перед другой. (71) Поэтому надо пресекать лукавство и ту злокозненность, которая (во всяком случае, она) хотела бы казаться дальновидностью, но в высшей степени чужда ей и далека от нее. Ведь дальновидность состоит в умении отличать добро от зла, злокозненность же — если все позорное есть зло — ставит зло выше добра. И не в одних только делах насчет поместий гражданское право, основывающееся на природе, карает злокозненность и обман; нет, и при продаже рабов всяческий обман со стороны продающего исключается⁹². Ведь продающий, который должен был бы знать о здоровье раба, о его побегах, о его воровстве, несет за это ответственность на основании эдикта эдилов⁹³. В ином положении находятся наследники. (72) Из этого можно понять, что — поскольку источником права является природа — в соответствии с требованиями природы никто не должен стараться извлекать выгоду из неосведомленности ближнего. И не найти большей гибели для жизни, чем злостное притворство в проницательности, порождающее неисчислимые случаи, в которых, как нам кажется, полезное борется с нравственно-прекрасным. И действительно, много ли найдется людей, способных, при условии безнаказанности и тайны от всех, удержаться от противозакония ?

(XVIII, 73) Рассмотрим этот вопрос, если хочешь, на таких примерах, в которых рядовые люди, быть может, и не усмотрят проступка. Ведь нам в связи с этим предстоит рассуждать не об убийцах, не об отравителях, не о поддельвателях завещаний, не о ворах, не о казнокрадах, которых надо обуздывать не словами и философскими спорами, а оковами и заключением в тюрьму; итак, оценим поступки тех, кто слывет честными людьми. Некие люди привезли из Греции в Рим подложное завещание богача Луция Минуция Басила⁹⁴, чтобы облегчить себе получение наследства, они как сонаследников записали Марка Красса и Квинта Гортенсия, могущественнейших людей того же возраста. Последние, подозревая, что завещание было подложным, но не зная за собой никакой вины, не отвергли этого подарочка, плода чужого преступления. Что же следует из этого? Достаточно ли этого, чтобы они казались чистыми от противозакония? Мне лично этого не кажется, хотя к одному из них, когда он был жив, я был расположен, а к другому, после его смерти, не отношусь с ненавистью⁹⁵. (74) Но так как Басил пожелал, чтобы Марк Сатрий, сын его сестры, носил его имя⁹⁶, и назначил его своим наследником (я говорю о Сатрии, патроне Пиценской и Сабинской областей. О, имя, получившее в те времена позорную известность!⁹⁷), то было несправедливо, чтобы наши первые граждане обладали этим преимуществом, а к Сатрию перешло одно только имя. И действительно, если тот, кто не предотвращает и не отводит противозакония, когда может это сделать, совершает противозаконие (вопрос этот я рассмотрел в первой книге⁹⁸), то кем надо считать того, кто не только не отвергает противозакония, но ему даже способствует? Мне лично получение даже действительно завещанного наследства не кажется нравственно-прекрасным, если его добились лукавой ласковостью и притворными, а не искренними услугами.

Но бывает ли так, что иногда в таких делах одно кажется полезным, другое — нравственно-прекрасным? Это неправильно; ведь мера пользы и мера нравственной красоты одни и те же. (75) Кто не понял этого, будет способен на любой обман, на любое преступление. Ведь он, находя, что "вон то, правда, прекрасно в нравственном отношении, но это вот выгодно", вещи, связанные природой, осмелится одни от других отделить из-за своего заблуждения, источника всяческих обманов, дурных поступков и преступлений. (XIX) Поэтому, если бы честный человек обладал такой силой, что мог бы, щелкнув пальцами⁹⁹, вносить свое имя в завещания

состоятельных людей, он не стал бы пользоваться этой силой, будь он даже убежден в том, что решительно никто никогда не заподозрит его в этом. Но, скажут мне, дай только Марку Крассу такую власть, чтобы он, щелкнув пальцами, мог быть записан как наследник, когда он в действительности не наследник; да он, поверь мне, заплашет на форуме¹⁰⁰. Но человек справедливый и считающийся у нас честным мужем ни у кого ничего не отнимет, чтобы присвоить себе. Кто изумляется этому, тот готов признать, что ему неизвестно, каков должен быть честный муж. (76) Но если кто-нибудь захочет уяснить себе сложное понятие о своей душе, то он сразу придет к заключению, что честный муж — тот, кто приносит пользу, кому только может, и не причиняет вреда никому, кроме тех, кто противозаконием своим его вызвал на это. Что же? Не причинил ли бы вреда тот, кому посредством яда удалось бы устранить действительных наследников и самому занять их место? — "Значит, ему, — могут сказать, — не следует делать того, что было бы ему полезно, что было бы ему выгодно?" — Наоборот, он должен понять, что незаконное не бывает ни выгодным, ни полезным. Кто не поймет этого, тот не сможет быть честным мужем. (77) В детстве я слышал от отца, что консуляр Гай Фимбрия¹⁰¹ был судьей по делу Марка Лутация Пинтии, несомненно, честного римского всадника, после того, как тот совершил спонсию, гласившую: " Е с л и о н н е о к а ж е т с я ч е с т н ы м м у ж е м . . . " ¹⁰². И вот Фимбрия будто бы заявил, что никогда не станет разбирать это дело, чтобы, с одной стороны, не лишать почтенного человека его доброго имени решением не в его пользу, а с другой стороны, не создавать впечатления, будто он определил, что такой-то — честный муж, когда это и без того подтверждается его неисчислимыми услугами и высказанными ему похвалами. И этому честному человеку, которого знал и Фимбрия (не один только Сократ¹⁰³), никак не может показаться полезным что-нибудь такое, что не прекрасно в нравственном отношении. Поэтому такой муж не осмелится, уже не говорю — сделать, нет, даже подумать о чем-либо таком, о чем не осмелится сказать открыто. Не позорно ли, чтобы философы сомневались в том, в чем не сомневаются даже неотесанные люди? У последних сложилась поговорка, уже избитая и старая: когда хвалят чью-нибудь честность и доброту, то говорят, что он достоин того, чтобы "с ним играли на пальцах в потемках"¹⁰⁴. Поговорка эта имеет только один смысл: ничто неподобающее не выгодно, даже если бы ты мог достигнуть его, никем не избалованный. (78) Ты видишь, что мы, следуя этой поговорке, не можем оказать снисхождение ни Гигу¹⁰⁵, ни тому, кто, как я только что придумал, смог бы одним пощелкиванием пальцами сгрести к себе все наследства? Ведь как позорное, хотя его и скрывают, все-таки никак не может стать нравственно-прекрасным, так то, что дурно в нравственном отношении, невозможно сделать полезным, если этому противится и это отвергает природа.

(XX, 79) "Ну, а когда, — спросят нас, — награды очень велики, есть ли основания для проступка? Гай Марий¹⁰⁶, — будучи весьма далек от надежды на избрание в консулы, после своей претуры уже седьмой год терпя неудачу при выборах и, как казалось, не намереваясь когда-либо добиваться консулата, — посланный в Рим Квинтом Метеллом¹⁰⁷, выдающимся мужем и гражданином, обвинил перед римским народом его, своего императора, чьим он был легатом, в затягивании войны; если его, Мария, выберут в консулы, то он, по его словам, вскоре подчинит Югурту¹⁰⁸, живого или мертвого, власти римского народа. И вот он действительно был избран в консулы, но изменил своему честному слову и справедливости, раз он ложным обвинением навлек ненависть на лучшего и достойнейшего гражданина, чьим легатом он был и который послал его в Рим. (80) Даже наш Гратидиан¹⁰⁹ не исполнил долга честного мужа, будучи претором, когда плебейские трибуны, по всеобщему решению, призвали коллегия преторов упорядочить положение с монетой¹¹⁰, ибо в те времена стоимость монеты колебалась так, что никто не мог знать, как велико его имущество. Они сообща составили эдикт с указанием кары и суда и решили, что после полудня они все поднимутся на ростры¹¹¹. Другие разошлись, кто куда, а Марий поднялся со скамей трибунов прямо на ростры и от своего имени один огласил эдикт, составленный ими сообща. И это, если хочешь знать, принесло ему большой почет; во всех городских кварталах ему воздвигли

статуи, перед которыми сжигались благовония и горели восковые светильники. К чему много слов? Никто никогда не был более любим толпой. (81) Вот что иногда может затруднить рассмотрение вопроса: когда то, в чем нарушают справедливость, не кажется особенно важным, а то, что этим порождается, — очень важным; например, Марию не казалось особенно позорным завоевать благосклонность народа в ущерб своим коллегам и плебейским трибунам; между тем по этой причине быть избранным в консулы — а он тогда ставил себе именно эту цель — ему казалось весьма полезным¹¹². Но для всего существует одно правило; желаю тебе твердо усвоить его: либо то, что кажется полезным, не должно быть позорным; либо, если оно позорно, оно не должно казаться полезным. Что следует из этого? Можем ли мы признать честными мужами как вышеупомянутого Мария, так и Мария Гратиана? Приложи и напряги всю свою проницательность, чтобы уяснить себе, каковы должны быть, по твоему мнению, образ и облик честного мужа и понятие о нем. Подобаает ли честному мужу лгать ради своей выгоды, злостно обвинять, отнимать что-нибудь, обманывать? Конечно, никоим образом. (82) Итак, есть ли что-нибудь столь ценное, вернее, есть ли какая-либо выгода, столь привлекательная, чтобы можно было согласиться утратить блистательность и имя честного мужа? Может ли эта так называемая польза принести тебе столько, сколько она может у тебя отнять, ославив тебя как честного мужа и лишив тебя верности честному слову и справедливости? И действительно, какая разница, превратится ли человек в зверя или будет, в человеческом образе, проявлять свирепость зверя?

(XXI) А те, кто пренебрегает всем справедливым и нравственно-прекрасным, только бы достичь могущества? Не поступают ли они так же, как поступил тот, кто даже тестем своим пожелал иметь человека, благодаря дерзкой отваге которого он мог бы стать могущественным?¹¹³ Ему казалось полезным обладать величайшим могуществом ввиду ненависти, какую тот внушал к себе. А у самого тестя всегда были на устах греческие стихи из "Финикиянок", которые я произнесу, как смогу, быть может, и нескладно, но все же так, что будет возможно понять их смысл¹¹⁴.

Коль право преступать, то можешь ради царства
Его ты преступить; но в прочем долг блюди.

Смертной казни заслужил Этеокл¹¹⁵, вернее, Еврипид¹¹⁶, допустивший исключение для одного этого случая, тягчайшего из всех преступлений! (83) К чему нам тогда собирать мелкие проступки — обман при получении наследства, в торговых делах, при продаже? Вот перед тобой человек, страстно пожелавший быть царем римского народа и властелином над всеми племенами и достигший этого!¹¹⁷ Если кто-нибудь скажет, что эта страстное желание прекрасно в нравственном отношении, то он безумен; ведь он одобрит уничтожение законов и свободы и признает их мерзкое и отвратительное упразднение достославным. Но если кто-нибудь заявит, что в государстве, которое свободным было и быть должно, царствовать дурно в нравственном отношении, но полезно тому, кто смог бы осуществить это, то какой бранью, вернее, каким порицанием следовало бы мне попытаться рассеять это столь глубокое заблуждение? И право, может ли — бессмертные боги! — кому-нибудь быть полезным отвратительнейшее и омерзительнейшее отцеубийство отечества¹¹⁸, хотя человека, запятнавшего им себя, угнетенные им граждане и называют отцом?¹¹⁹ Итак, польза должна направляться нравственной красотой и притом так, чтобы обе они отличались одна от другой по названию, но по существу своему означали нечто единое.

(84) Не знаю, какая в глазах толпы возможна польза большая, чем от обладания царской властью; напротив, всякий раз, как я начинаю основывать свое суждение на истине, не нахожу ничего более пагубного для человека, достигшего царской власти незаконным путем. И действительно, могут ли кому-нибудь быть полезны тревоги, волнения, страхи днем и ночью, жизнь среди непрерывных козней и опасностей?¹²⁰

Власти царской многие враждебны и неверны,
Преданных немного, —

говорит Акции¹²¹. И какой царской власти? Той, которая, будучи унаследована от Тантала и Пелопа¹²², была законна. Насколько больше было, по твоему мнению, врагов у того царя, который войском римского народа сам римский народ сломил, а государство, уже не говорю — свободное, но даже повелевавшее племенами, себе служить заставил?¹²³ (85) Какие, по твоему мнению, были пятна на совести этого человека, какие раны? Но может ли жизнь быть полезна человеку, когда условия его жизни таковы, что тот, кто его лишил бы ее, заслужил бы величайшую благодарность и славу? Если то, что кажется необычайно полезным, в действительности не полезно, так как преисполнено позора и гнусности, то мы должны быть вполне убеждены в том, что полезно одно только нравственно-прекрасное.

(XXII, 86) Впрочем, таково было мнение Гая Фабриция Лусцина, консула во второй раз, и мнение нашего сената — как во многих других случаях, так и во время войны с Пирром¹²⁴. Когда царь Пирр сам начал войну с римским народом и когда с великодушным и мужественным царем происходила борьба за владычество, от царя в лагерь Фабриция пришел перебежчик и обещал ему — если Фабриций посулит ему награду — так же тайно, как прибыл, возвратиться в лагерь Пирра и отравить царя. Фабриций велел выдать перебежчика Пирру, и сенат воздал ему хвалу за этот поступок. Однако, если мы ищем кажущейся пользы и хотим себе составить представление о ней, то перебежчик этот один положил бы конец трудной войне и уничтожил бы грозного противника нашей державы; но великим позором и срамом была бы достигнутая не доблестью, а преступлением победа над противником, борьбу с которым мы вели из-за славы. (87) Итак, что было бы более полезно, — как Фабрицию, занимавшему в нашем Городе такое же положение, какое Аристид занимал в Афинах, так и нашему сенату, никогда не отделявшему пользы от достоинства, — оружием бороться с врагом или ядом? Если славы ради надо добиваться владычества, то нельзя совершать преступление, в котором славы быть не может; но если самого могущества добиваются любой ценой, то оно не сможет быть полезно, будучи сопряжено с бесчестьем. Следовательно, не было полезно внесенное Луцием Филиппом¹²⁵, сыном Квинта, предложение, чтобы городские общины, которые Луций Сулла, за деньги, постановлением сената объявил свободными, снова стали платить нам дань, а мы не возвращали им денег, уплаченных ими за свое освобождение. Сенат согласился с его предложением. Позор для нашей державы! Ведь честное слово, данное пиратами, надежнее данного сенатом. "Но, — скажут нам, — доходы увеличились; значит, это было полезно". Доколе будут сметь называть полезным то, что дурно в нравственном отношении? (88) Да могут ли какой бы то ни было державе, которая должна опираться на славу и доброжелательность союзников, быть полезны ненависть и бесславие? Я часто не соглашался даже с другом своим Катон¹²⁶. Он, казалось мне, чересчур непримиримо защищал интересы эрария и взимание дани, во всем отказывал откупщикам¹²⁷, во многом — союзникам¹²⁸ (ведь к последним мы должны быть милостивы; с первыми же обращаться так, как мы обыкновенно обращаемся со своими колонатами¹²⁹) — тем более, что это единение сословий было важно для благополучия государства. Курион тоже говорил дурно, называя дело транспаданцев правым, но всегда прибавляя: "Пусть возьмет верх польза!" Лучше бы он стал доказывать, что оно неправое, так как оно не полезно государству, чем, говоря, что оно полезно, признаваться в том, что оно — неправое¹³⁰.

(XXIII, 89) Шестая книга труда "Об обязанностях" Гекатона¹³¹ содержит много таких вопросов: достойно ли честного человека не кормить своих рабов во времена величайшей дороговизны съестных припасов? Он рассматривает этот вопрос и в положительном, и в отрицательном смысле, но все-таки под конец определяет обязанность больше с точки зрения пользы, как он понимает ее, чем с точки зрения человечности. Он спрашивает: "Если в открытом море приходится выбросить какой-либо груз, то что лучше: выбросить дорогого

коня или жалкого раба, не представляющего ценности?" В первом случае мы руководствуемся заботой о своем имуществе, во втором — человечностью. "Если при кораблекрушении глупый человек ухватится за доску, то станет ли ее у него отнимать мудрый, если сможет?"¹³² Гекатон дает отрицательный ответ, так как это было бы несправедливо.

— "А судовладелец? Отнимет ли он принадлежащую ему вещь?"

— "Никоим образом; не более, чем если бы он захотел в открытом море выбросить за борт плывущего на корабле человека на том-де основании, что корабль принадлежит ему. Ведь корабль, пока не придет в место назначения, принадлежит не судовладельцу, а находящимся на нем людям".

(90) — "А если есть лишь одна доска и двое потерпевших кораблекрушение, причем оба они — мудрые люди, то не должен ли ни один из них не хвататься за нее или один должен уступать ее другому?"

— "Один должен ее уступить другому, но вопрос надо решить в пользу того, для кого остаться в живых важнее либо в его личных интересах, либо в интересах государства".

— "А если условия эти равны для каждого из них?"

— "Тогда спора не будет, но один уступит доску другому по жребию или на основании исхода игры на пальцах".

— "А если бы отец начал грабить храмы или вести подкопы к эрарию, то донес бы сын на него магистратам?"

— "Это, конечно, нечестивый поступок. И все-таки сын должен защищать отца, если он будет обвинен".

— "Следовательно, отечество не обладает преимуществом при исполнении гражданами всех их обязанностей?"

— "Разумеется, обладает; но для самого отечества полезно, чтобы граждане исполняли свой долг перед родителями".

— "А если отец попытается захватить тиранию, предать отечество, будет ли его сын молчать?"

— "Отнюдь нет; он должен будет заклинять отца не делать этого. Если он ничего не добьется, он должен будет упрекать отца, даже угрожать ему. Наконец, если возникнет прямая опасность для существования государства, то отечества благополучие сын предпочтет благополучию отца".

(91) Гекатон задает и такой вопрос: "Если мудрый человек, по недосмотру, примет поддельные монеты вместо настоящих, то станет ли он, убедившись в своем промахе, платить ими долг как настоящими?" Диоген отвечает утвердительно, Антипатр¹³³ — отрицательно; с последним согласен и я. "Должен ли тот, кто продает заведомо забродившее вино, сказать об этом?" Этого не находит нужным Диоген. Антипатр считает это обязанностью честного человека. Вот каковы среди стоиков споры в вопросе о праве. "Надо ли при продаже раба сообщать о его пороках¹³⁴ — не о тех, умолчание о которых, по гражданскому праву, есть основание для возврата раба тому, кто его продал, но вот о каких: лживость, склонность к

азартным играм, к воровству, к пьянству?" Диоген находит, что сообщать об этом надо, Антипатр этого не находит. (92) "Если человек, продавая золото, думает, что продает латунь, то должен ли честный человек указать ему, что это — золото, или же может купить за денарий то, что стоит тысячу денариев?"¹³⁵ Уже вполне ясно, и каково мое мнение, и о чем спорят названные мною философы.

(XXIV) Всегда ли надо соблюдать договоры и обязательства, которые, как обыкновенно выражаются преторы, "не заключены ни самоуправно, ни по злому умыслу"? ¹³⁶ Предположим, кто-то даст кому-нибудь лекарство от водянки¹³⁷ и заключит с ним соглашение о том, что этот человек, если выздоровеет благодаря этому лекарству, никогда не будет пользоваться им впредь. Если он, выздоровев благодаря этому лекарству, через несколько лет снова начнет страдать этой же болезнью, но от того, с кем он когда-то заключил соглашение, дозволения снова воспользоваться этим лекарством не получит, то как ему надо поступить? Так как тот, кто не дает своего согласия, бесчеловечен и так как он не понес бы никакого убытка, то больному следует заботиться о своем здоровье и жизни. (93) А если завещатель, готовый отказать мудрому человеку сто миллионов сестерциев, предложит ему, прежде чем он получит наследство, средь бела дня на форуме, у всех на глазах, поплясать¹³⁸, и если мудрый обяжется исполнить это, так как иначе завещатель не запишет его как своего наследника, то должен ли мудрый исполнить свое обязательство? Я бы предпочел, чтобы он вообще не давал такого обязательства, и думаю, что это соответствовало бы его достоинству. Там как он обязался, то для него, если он сочтет пляску на форуме для себя позорной, в нравственном отношении будет лучше вообще не принимать наследства, нежели его принять; разве только деньги эти он пожертвует государству в связи с угрожающей ему опасностью, так что даже пляска, раз он намерен помочь отечеству, для него не будет позорна.

(XXV, 94) Не надо исполнять и таких обещаний, которые отнюдь не полезны тем людям, которым они были даны. Солнце (вернемся к сказаниям) обещало своему сыну Фаetonу исполнить все, чего бы он ни пожелал. Фаeton пожелал подняться на колесницу отца; он поднялся на нее; и вот, прежде чем остановить ее бег, сгорел, пораженный молнией¹³⁹. Насколько лучше было бы, если бы отец обещания своего не сдержал! А обещание, исполнения которого Тесей добился от Нептуна! Когда Нептун обещал ему исполнить одно из его трех желаний, Тесей пожелал смерти своего сына Ипполита, так как его отношения с мачехой вызвали подозрения у отца. После того, как желание Тесея было исполнено, его охватила глубочайшая скорбь¹⁴⁰. (95) А Агамемнон? После того, как он обрек Диане прекраснейшее существо, которое в этом году могло родиться в его царстве, он заклал ей Ифигению, прекраснее которой не было существа, родившегося в этом году¹⁴¹. Не исполнить такого обещания было бы лучше, чем дойти до столь отвратительного деяния. Поэтому обещание не всегда надо исполнять, а отданное на хранение не всегда надо возвращать. Если кто-нибудь, будучи в здравом уме, отдаст тебе на хранение меч и станет его требовать обратно, помутившись в уме, то отдать меч будет преступлением; долгом твоим будет не отдавать его¹⁴². А если человек отдаст тебе на хранение деньги, а потом объявит войну отечеству, то возвратишь ли ты ему деньги, данные тебе на хранение? Не думаю этого; ведь это было бы деянием во вред государству, которое тебе должно быть дороже всего.

Так многое, по существу своему кажущееся нравственно-прекрасным, в зависимости от обстоятельств быть нравственно-прекрасным перестает: исполнять обещания, быть верным соглашению, возвращать принятое на хранение — все это, переставая быть полезным, становится дурным в нравственном отношении. Впрочем, о том, что кажется полезным, но противно справедливости, так как производит лишь впечатление дальновидности, сказано, думается мне, достаточно. (96) Но так как в первой книге мы вывели обязанности из четырех источников нравственной красоты¹⁴³, то будем придерживаться этих же источников, когда

станем доказывать, сколь враждебно доблести то, что полезным кажется, но таковым не является. Мы рассмотрели и вопрос о дальновидности, которой хочет подражать злонамеренность¹⁴⁴, и вопрос о справедливости, которая всегда полезна¹⁴⁵. Остаются два раздела о нравственной красоте: один касается величия и превосходства возвышенной души¹⁴⁶, другой — воспитания души и самообладания благодаря воздержности и умеренности¹⁴⁷.

(XXVI, 97) Улиссу казалось полезным, — во всяком случае, таким его нам представили поэты в своих трагедиях; ибо у Гомера, свидетеля надежнейшего, такого подозрения насчет Улисса нет, — итак, трагедии обвиняют его в том, что он, притворившись безумным, хотел уклониться от участия в походе¹⁴⁸. Намерение, не прекрасное в нравственном отношении, но полезное, как кое-кто, пожалуй, скажет, — царствовать и в праздности жить на Итаке вместе с родителями, женой и сыном¹⁴⁹. А ты? Думаешь ли ты, что какое-нибудь блистательное деяние, совершенное среди каждодневных лишений и опасностей, сравнится с этим спокойствием? Я, со своей стороны, нахожу нужным последнее презреть и отвергнуть, так как то, что не прекрасно в нравственном отношении, по моему мнению, даже не полезно. (98) Что, по твоему мнению, предстояло бы услышать Улиссу, упорствуй он в своем притворстве? Хотя он и совершил величайшие подвиги на войне, он все же услышал бы от Аякса¹⁵⁰:

Тот муж, который предложил им дать ту клятву,
Что вам известна всем, один нарушил слово:
Чтоб на войну нейти, безумным притворился.
Когда бы Паламеда мудрое прозренье
Его лукавого бесстыдства не раскрыло,
Он верности завет и доле нарушал бы.

(99) Право, для него было бы лучше сразиться, уже не говорю — с врагами, но даже с морскими волнами, что он и сделал¹⁵¹, вместо того, чтобы изменить Греции, единой в своей войне против варваров.

Но оставим сказания и примеры, относящиеся к чужим странам, перейдем к событию, касающемуся нас самих. Марк Атилий Регул¹⁵², будучи вторично консулом, в Африке попал в засаду и был взят в плен, когда во главе войска стоял лакедемонянин Ксантипп¹⁵³, а императором был Гамилькар, отец Ганнибала¹⁵⁴; Регула отправили к сенату, после того как он поклялся вернуться в Карфаген, если римляне не возвратят пунийцам некоторых знатных пленников. По приезде в Рим Регул видел кажущуюся пользу, но, как доказывают события, признал ее ложной; она сводилась к тому, чтобы остаться на родине, жить дома вместе с женой и детьми и, считая понесенное им на войне поражение обыкновенной превратностью боевого счастья, сохранять высокое положение консула. Кто отрицает, что это было бы полезно? Кто, по твоему мнению? Величие духа и мужество отрицают это. (XXVII, 100) Неужели ты требуешь более надежных поручителей? Ведь этим доблестям свойственно ничего не бояться, все человеческое презирать, ничего, что может случиться с человеком, нестерпимым не считать. Что же сделал Регул? Явился в сенат, сообщил о возложенном на него поручении, вносить предложение отказался: пока он связан клятвой, данной им врагу, он, по его словам, не сенатор. Более того ("О, глупец, — быть может, скажет кто-нибудь, — ведь он отвергает то, что ему полезно!"), он сказал, что возвращать пленников не полезно: это молодые люди и хорошие военачальники, а он уже отягчен старостью. После того, как его суждение одержало верх, пленников оставили под стражей, Регул возвратился в Карфаген, и его не остановила ни любовь к отечеству, ни любовь к семье. И ведь он тогда хорошо знал, что едет к жесточайшему врагу и на мучительнейшую казнь, но находил нужным сдержать клятву. И он, повторяю, когда его умерщвляли, не давая ему спать, был в лучшем положении, чем был бы в случае, если бы оставался на родине стариком-пленником, клятвопреступником-

консуляром¹⁵⁵. (101) Но, скажут мне, он поступил неразумно, раз он не только не предложил отпустить пленников, но даже отсоветовал это. Почему неразумно? Даже если это было в интересах государства? Но может ли то, что не полезно государству, быть полезным какому-нибудь гражданину?

(XXVIII) Отделяя пользу от нравственной красоты, люди извращают то, что составляет основы природы. Ведь все мы ищем пользы, рвемся к ней и никак не можем поступать иначе. И действительно, кто станет избегать полезного? Вернее, кто не будет самым настойчивым образом его добиваться? Но так как мы можем находить полезное только в заслугах, в подобающем, в нравственной красоте, то мы поэтому и считаем все это своей первой и высшей целью¹⁵⁶ и находим название "польза" не столь блистательным, сколь необходимым.

(102) "Какое же значение, — спросит кто-нибудь, — придается клятве? Разве мы боимся гнева Юпитера?"¹⁵⁷ Но это — общее мнение всех философов — не только тех, которые утверждают, что божество не знает забот и не создает их другому¹⁵⁸, но и тех, которые думают, что божество всегда что-нибудь делает и совершает¹⁵⁹, никогда не гневается и никому не причиняет вреда¹⁶⁰. И в чем же мог бы разгневанный Юпитер повредить сильнее, чем сам себе повредил Регул? Значит, религия не обладала силой, которая могла бы уничтожить такую большую пользу. Или он сделал это, чтобы не поступать позорно? Прежде всего — наименьшее из зол!¹⁶¹ Следовательно, в этом позоре не будет столько зла, сколько его было в упомянутой нами пытке. Далее, вот что говорится у Акция¹⁶²:

Слово ты нарушил? —

— Не давал я слова, не даю его бесчестным людям.

Хотя говорит это нечестивый царь, но говорит он это превосходно. (103) Они прибавляют также: как мы говорим, что полезным кажется нечто такое, что, по нашему мнению, таковым не является, так они говорят, что нравственно-прекрасным кажется нечто такое, что им не является; так, нравственно-прекрасным кажется поступок, когда человек ради того, чтобы сдержать клятву, возвратился на казнь; но поступок его не становится нравственно-прекрасным, так как совершенное им по принуждению со стороны врагов не должно было иметь силы. Они также прибавляют, что все весьма полезное становится нравственно-прекрасным, даже если оно таковым не казалось. Вот что в общем говорят в порицание поступка Регула. Но рассмотрим первое возражение.

(XXIX, 104) "Бояться, что Юпитер, в гнев своем, может причинить вред, не надо было, так как он не склонен ни гневаться, ни причинять вред". Именно это соображение говорит против клятвы, данной Регулом, не больше, чем против любой клятвы. Но при клятве мы должны принимать во внимание не имеющуюся угрозу, но самый смысл клятвы. Ведь клятва есть утверждение, связанное с религией, а то, что ты твердо обещал как бы при свидетеле в лице божества, надо соблюдать. Ведь здесь дело идет уже не о гнев божов, которого не существует, но о справедливости и верности слову. Энний сказал превосходно¹⁶³:

О, с крылами Верность мать и Юпитерова клятва!

Следовательно, тот, кто нарушает клятву, оскорбляет божество Верность, которое, по воле наших предков, пребывало на Капитолии по соседству с Юпитером Всеблагим Величайшим¹⁶⁴, как говорится в речи Катона¹⁶⁵. (105) "Но, — скажут нам, — даже в гнев своем Юпитер не повредил бы Регулу больше, чем себе повредил сам Регул". Конечно, если бы зло заключалось только в боли. Но ведь боль, по утверждению самых авторитетных философов¹⁶⁶, не только не высшее зло, но вообще не зло. Поэтому не порицайте, прошу вас, Регула, их не маловажного, но, пожалуй, убедительнейшего свидетеля. И действительно,

какого искать нам более важного свидетеля, чем первенствовавший в римском народе человек, ради соблюдения долга добровольно пошедший на казнь? Что же касается "наименьшего из зол", как они говорят, — когда человек предпочитает позор несчастью, — то есть ли большее зло, чем позор?¹⁶⁷ Если телесное уродство производит несколько отталкивающее впечатление, то какими огромными должны казаться падение и омерзительность опозоренной души! (106) Поэтому те, кто более рьяно обсуждает эти вопросы, решаются называть позорное единственным злом; те, кто делает это с некоторой снисходительностью, все-таки без всяких колебаний называют это высшим злом¹⁶⁸. Ведь слова:

Не давал я слова, не даю его бесчестным людям —

были сказаны поэтом¹⁶⁹ справедливо потому, что тогда, когда дело шло об Атрее, ему пришлось сообразоваться с характером этого действующего лица¹⁷⁰. Но если они отнесут к себе положение, что честное слово, данное бесчестному человеку, не есть честное слово, то пусть они остерегутся — как бы люди не стали здесь искать лазейки для клятвопреступления.

(107) Но и законы войны¹⁷¹, и верность клятве, даваемой врагу, часто надо соблюдать. В том, насчет чего клятва была дана так, что ее — как мы понимали умом — надлежит исполнить, ее надо соблюдать¹⁷²; что касается того, насчет чего клятва была дана иначе, то если ее не исполнили, клятвопреступления нет. Например, если ты не доставишь морским разбойникам выкупа, обусловленного за свое освобождение, то это не обман, если ты не сделаешь этого, даже поклявшись. Ибо пират относится не к воюющей стороне, а к числу всеобщих врагов всех людей, и на него не должны распространяться ни верность слову, ни клятва. (108) Ведь ложно поклясться не значит совершить клятвопреступление; но того, насчет чего ты "по разумению своей души", — как это, по обычаю нашему, выражают словами, — поклялся, не сделать есть клятвопреступление. Еврипид сказал тонко¹⁷³:

Уста клялись, ум клятвою не связан.

Но Регул не должен был нарушить клятвопреступлением условия и соглашения насчет войны и насчет врага. Ведь война эта велась с врагом, на которого распространялись права и законы и в отношении которого действительны и весь фециальный устав¹⁷⁴, и многие права, касающиеся обеих сторон.

Не будь это так, сенат в прошлом никогда не выдавал бы врагам прославленных мужей в оковах. (XXX, 109) Но, скажут нам, Тит Ветурий и Спурий Постумий, будучи консулами во второй раз, были выданы самнитам за то, что они после неудачного сражения в Кавдинском ущелье и после того, как наши легионы были проведены под ярмом, заключили мир с самнитами; ибо они сделали это без повеления народа и сената¹⁷⁵. В это же время Тиберий Нумиций и Квинт Мелий, которые тогда были плебейскими трибунами, за то, что мир был заключен с их согласия, тоже были выданы, дабы мир с самнитами можно было отвергнуть¹⁷⁶. Впрочем, выдачу предложил и поддержал сам Постумий, подлежавший выдаче. Много лет спустя так же поступил Гай Манцин, поддержавший предложение, на основании постановления сената внесенное Луцием Фурием и Секстом Атилием, — о том, чтобы его выдали нумантинцам, с которыми он, без согласия сената, заключил договор; когда это предложение было принято, Манцина выдали врагам. Он поступил в нравственном отношении лучше, чем Квинт Помпей, бывший в таком же положении; благодаря его мольбам закон о его выдаче принят не был¹⁷⁷. В этом случае кажущаяся польза оказалась сильнее нравственной красоты; в предыдущих над ложной видимостью пользы одержала победу убедительность нравственной красоты.

(110) "Но, — скажут нам, — то, что было совершено под угрозой насилия, не должно было быть действительно".

— Как будто насилие было бы возможно применить к храброму мужу.¹⁷⁸

— "Так почему же Регул поехал, чтобы предстать перед сенатом, — тем более, что он намеревался посоветовать не отпускать пленников?"

— Вы порицаете именно то, что в его поведении было величайшим. Ведь он не свое решение отстаивал, но взял на себя это поручение ради того, чтобы сенат принял решение; не возьми он сам на себя ответственности перед сенатом, пленники, конечно, были бы возвращены пунийцам. Благодаря этому Регул остался бы в своем отечестве невредимым. Но так как он не считал это полезным отечеству, он и признал нравственно-прекрасным для себя внести упомянутое предложение и претерпеть все. Ибо, что касается утверждения, будто все очень полезное становится нравственно-прекрасным, то было бы правильнее сказать: есть нравственно-прекрасное, а не им становится. Ведь нет ничего полезного, которое в то же время не было бы нравственно-прекрасным, и ничто не прекрасно в нравственном отношении, так как оно полезно, но — так как оно прекрасно в нравственном отношении — оно полезно. Таким образом, из числа многих изумительных примеров едва ли кто-нибудь назовет пример, более достойный хвалы или более выдающийся, чем этот.

(XXXI, 111) Но во всей заслуге Регула достойно изумления одно: его предложение не отпускать пленных¹⁷⁹. Ведь его возвращение в Карфаген нам теперь кажется необычайным, но при тех обстоятельствах поступить иначе он не мог. Вот почему заслуга эта относится не к человеку, а к обстоятельствам. По воле наших предков, для скрепления честного слова нет уз более прочных, чем клятва. На это указывают законы XII Таблиц¹⁸⁰, указывают священные законы¹⁸¹, указывают договоры, скрепляющие честное слово, данное даже врагу, указывают пометы и замечания цензоров, выносивших насчет клятвы суждения более строгие, чем насчет чего бы то ни было другого¹⁸². (112) Луция Манлия, сына Авла, по окончании его диктатуры плебейский трибун Марк Помпоний привлек к суду за то, что он будто бы продлил себе ее срок на несколько дней; он обвинил его и в том, что он сослал своего сына Тита, впоследствии прозванного Торкватом, и приказал ему жить в деревне¹⁸³. Когда юный сын узнал, что отцу грозит судебное преследование, он, как говорят, примчался в Рим и еще на рассвете пришел в дом к Помпонию. Когда Помпонию об этом сказали, он, думая, что Тит в своем гневе даст ему какую-нибудь улику против отца, встал с постели и, удалив посторонних, велел позвать юношу. Но Тит, войдя, быстро обнажил меч и поклялся тут же убить Помпонию, если тот не поклянется ему прекратить дело против его отца. Помпоний, уstraшенный этой угрозой, дал такую клятву. Он доложил народу, объяснил ему, почему он должен отказаться от начатого им дела, и освободил Манлия от обвинения. Так велико было в те времена значение клятвы. Это тот Тит Манлий, который в битве у реки Арно снял с убитого им галла, вызвавшего его на поединок, витое ожерелье и был прозван Торкватом. В год его третьего консулата латиняне были разбиты и обращены в бегство у реки Весерис; это был величайший муж и, при своей глубокой привязанности к отцу, жестокий и суровый к сыну¹⁸⁴.

(XXXII, 113) Но если Регул заслуживает хвалы за соблюдение данной им клятвы, то заслуживают порицания — если они действительно не возвратились — те десять пленников, которых Ганнибал, после битвы под Каннами, отправил к сенату, после того как они поклялись ему возвратиться в лагерь, — в тот, что захватили пунийцы, — если они не исходатайствуют выкупа пленников¹⁸⁵. Сведения о них противоречивы. Так, Полибий¹⁸⁶, наибольший авторитет, говорит, что из десяти знатнейших людей, которые тогда были посланы, возвратилось девять, ничего не добившись от сената; один из них, который вскоре после своего отъезда из лагеря вернулся назад под предлогом, что он там забыл какую-то

вещь, остался в Риме. Он пытался доказать, что возвращением своим в лагерь он освободился от данной им клятвы; но это не было верно. Ведь обман отягчает вину за клятвопреступление, но не освобождает от нее. Итак, это была глупая хитрость, превратно подражавшая дальновидности. Вот почему сенат постановил этого плута и хитреца выдать в оковах Ганнибалу. (114) Но наиболее примечательно следующее: Ганнибал держал в плену восемь тысяч человек, не захваченных им в бою и не разбежавшихся в страхе перед смертью, а оставленных в лагере консулами Павлом и Варроном¹⁸⁷. Сенат постановил их не выкупать, хотя это было возможно за небольшую плату, — дабы внушить нашим солдатам, что они должны либо побеждать, либо умирать. Этот же Полибий пишет, что Ганнибал, узнав об этом, пал духом, раз сенат и римский народ, потерпев поражение, проявили такое большое присутствие духа¹⁸⁸. Так, при сравнении с нравственной красотой кажущееся полезным бывает побеждено. (115) Но Ацилий¹⁸⁹, написавший историю по-гречески, утверждает, что было немало солдат, возвратившихся в лагерь с целью того же обмана, дабы освободиться от данной ими клятвы, и что цензоры заклеили их весьма позорящими замечаниями.

Закончим теперь рассмотрение этого положения. Вполне очевидно, что все совершаемое в состоянии страха, унижения, душевной слабости и бессилия (таково было бы поведение Регула, если бы он либо внес насчет пленников предложение, какое ему казалось нужным в его личных интересах, а не в интересах государства, либо захотел остаться в Риме) не полезно, так как оно гнусно, отвратительно, позорно.

(XXXIII, 116) Остается четвертый раздел — о подобающем, об умеренности, скромности, самообладании, воздержности. Итак, может ли что-нибудь быть полезным, если оно противно этому хору таких доблестей? Однако философы, которых Аристипп¹⁹⁰ назвал киренскими и анникерийскими¹⁹¹, усмотрели высшее благо в наслаждении и признали, что доблесть заслуживает хвалы по той причине, что доставляет наслаждение; после утраты ими своего значения славится Эпикур¹⁹², поддерживавший и отстаивавший почти такие же взгляды. Если мы находим нужным защищать и сохранять за собою нравственную красоту, то с этими философами надо сражаться "в пешем и конном строю", как говорят¹⁹³. (117) Ибо, если не только польза, но и все счастье жизни зиждутся на крепком телосложении и на твердой надежде на это телосложение, как писал Метродор¹⁹⁴, то польза эта, и притом высшая (ведь именно таково их мнение), несомненно, будет бороться с нравственной красотой. Прежде всего, какое место будет предоставлено дальновидности? Такое ли, чтобы она всюду разыскивала удовольствия? Сколь жалкое рабское состояние доблести, обслуживающей наслаждение!¹⁹⁵ Какова, далее, задача дальновидности? Собирать ли, со знанием дела, наслаждения? Допустим, что ничего более приятного, чем это, нет. Что более позорное можно себе представить? Далее, а тот философ, который называет боль высшим злом? Какое место в его глазах занимает храбрость, представляющая собою презрение к боли и к лишениям? Хотя Эпикур во многих местах говорит о боли достаточно мужественно (он действительно так говорит), все-таки надо считаться не с тем, что он говорит, а с тем, что ему следовало бы говорить в соответствии с разумом, раз он признал пределом блага наслаждение, пределом зла — боль. И он, если послушать его высказывания о самообладании и воздержности, говорит многое во многих местах, но "вода останавливается", по поговорке¹⁹⁶. Ибо как может восхвалять воздержность тот, кто видит высшее благо в наслаждении? Ведь воздержность — недруг страстям, а страсти — спутницы наслаждения. (118) И все-таки в этих трех видах доблести они не без хитрости, как только могут, выискивают для себя лазейки. Они представляют нам дальновидность как знание, доставляющее нам наслаждение и прогоняющее боль. Также и храбрость они каким-то образом выдвигают вперед, обучая нас презирать смерть и переносить боль. Они вводят и воздержность, правда, без большой легкости, но как только могут; ведь они говорят, что степень наслаждения определяется устранением боли¹⁹⁷. Справедливость колеблется, вернее, оказывается на земле, как и все те доблести, которые усматриваются в узах между людьми и в существовании человеческого

общества. Ведь ни доброта, ни щедрость, ни обходительность не возможны (не более, чем дружба), если к ним не стремятся ради них самих, а связывают их с наслаждением или с пользой¹⁹⁸.

Итак, подведем краткий итог сказанному. (119) Как мы доказали, что не существует пользы, которая была бы противна нравственной красоте, так мы утверждаем, что всякое наслаждение противно нравственной красоте¹⁹⁹. Тем большего порицания, по моему мнению, заслуживают Каллифонт и Диномах²⁰⁰, которые подумали, что разрешат спор, если совокупят наслаждение с нравственной красотой, словно скотину с человеком. Не принимает нравственная красота такого соединения, его презирает и отвергает. Да и предела добра и зла, который должен быть прост, невозможно достигнуть смешением совершенно несходных начал, взятых в должных количествах. Но об этом (ведь это — важный вопрос) я говорил в другом месте²⁰¹; вернемся теперь к разбираемому нами вопросу. (120) Как следует разрешать вопрос в случае, когда кажущаяся польза борется с нравственной красотой, рассмотрено выше достаточно подробно. Но если нам скажут, что видимость пользы присуща и наслаждению, то мы ответим, что между ним и нравственной красотой слияния быть не может. Ведь наслаждение, даже если сделать ему уступку, пожалуй, будет обладать какой-то крупницей приправы, но, конечно, не принесет пользы.

(121) Вот тебе, сын мой Марк, дар от отца, по моему мнению, ценный; но это будет зависеть от того, как ты примешь его²⁰². Впрочем, ты должен будешь принять эти три книги как чужеземцев²⁰³ среди твоих записей наставлений Кратиппа. Но как, если бы сам я приехал в Афины (а это действительно произошло бы, если бы отечество громким голосом не отозвало меня с полпути²⁰⁴) и ты не раз услышал мои слова, так ты — ведь в этих свитках до тебя дошел мой голос — уделишь им столько времени, сколько сможешь, а сможешь ты, сколько захочешь. И право, когда я пойму, что тебя радует этот род знаний, то я, надеюсь, вскоре лично буду говорить с тобой о нем, а пока ты будешь вдалеке, — издаleка.

Итак, будь здоров, мой дорогой Цицерон, и будь уверен в том, что я глубоко тебя люблю и буду любить еще больше, если ты будешь находить радость в таких сочинениях и учениях.

ПРИМЕЧАНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ. Книга III

1. Ср. Цицерон, "О государстве", I, 27; речь в защиту Планция, 66. Возможно, что Катон Цензорий писал об этом в своих "Началах". См. Плутарх, "Апофтегмы царей и полководцев", 196 В, 1; Энний "Ифигения", фр. 234 сл.; 238 Фален².
2. ...часто бываю один. — Имеется в виду время диктатуры Цезаря. Цицерон тогда проводил много времени в своих усадьбах, особенно после смерти дочери Туллии (45 г.). "Нечестивое оружие" — гражданская война.
3. ...избегая взоров преступников. — Имеются в виду Марк Антоний и его сторонники
4. См. ниже, 102; 105. Ср. Плавт, "Господа и рабы", 120.
5. ...некогда принесший покой гражданам... — Имеется в виду подавление движения Катилины. См. "О старости", прим. 115. В подлиннике игра слов: otium — досуг и otium — покой, гражданский мир.
6. ...в течение короткого времени написал больше, чем... — Цицерон написал большинство своих сочинений по философии и риторике в 46-44 гг.
7. Ср. выше, I, 9 сл.; письмо к Аттику, XVI, 11, 4 (799).
8. Ср. выше, I, 159.
9. О Публии Рутилии Руфе см. II, 47; "О дружбе", 101.

10. *Апеллес* — афинский живописец; ему одному было разрешено написать портрет Александра Македонского; написал знаменитую в те времена картину, изображавшую богиню Афродиту выходящей из морской пены ("Анадиомена"). Его другая картина, о которой здесь говорится, осталась незаконченной. Ср. *Цицерон*, "О предвидении", I, 23. См. *Плиний*, "Естественная история", XXXV, 10, 36. См. прим. 208 к кн. I.
11. По учению *стоиков*, в сравнении с доблестью все остальное не представляет ценности; по учению *перипатетиков*, к которым принадлежал Кратипп ("ваши"), все прочее имеет ограниченное значение. Ср. I, 6; III, 33.
12. ...*все доводы, помещенные с другой стороны, едва ли обладают малейшим весом...* — Намек на образное выражение перипатетика Критолая (II в.): чаша весов, на которой находятся духовные блага, настолько перевешивает чашу с материальными благами, что вдавливается в землю и море. Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", V, 51; "О пределах добра и зла", V, 92.
13. ...*кто предметы, достойные их стремлений, измеряет... доставляемым ими наслаждением...* — т.е. гедонисты — Аристипп Киренский (IV в.) и его школа. См. ниже, 116.
14. ...*кто предметы, достойные их стремлений, измеряет... отсутствием боли...* — т.е. эпикурейцы. Ср. "О пределах добра и зла", II, 16. "*Отсутствие боли*" (indolentia) — перевод термина "анальгесия".
15. ...*кто считает единственным благом то, что прекрасно в нравственном отношении...* — Положение стоицизма, не вполне совпадающее с положением перипатетиков. См. I, 6; III, 11; 33.
16. См. ниже, 14; ср. I, 8; III, 69; "О пределах добра и зла", III, 58 сл.; IV, 15.
17. ...*"удовлетворяет всем числам"*... — Или "обладает всеми качествами". По учению стоиков, нравственный закон составляет часть законов мира, управляемого числами. Ср. "О пределах добра и зла", III, 24.
18. О *Дециях* см. I, 61; "О старости", 43; "О предвидении", I, 51. Имеются в виду Гней *Сципион* Кальв, консул 222 г., и его брат, Публий *Сципион*, консул 218 г., павшие в Испании во время второй пунической войны. Ср. I, 61; 121; "О старости", 29; 75; 82.
19. О *Фабриции* ср. I, 40; "О старости", 18; 28; 39; "О дружбе", 18; 28; 39.
20. Об *Аристиде* см. "О старости", 21 и прим. 50.
21. Имеются в виду *Марк Катон* Цензорий (см. выше, I, 79; "О дружбе", 6) и *Гай Лелий* (см. выше, I, 90; "О дружбе", 6).
22. О *семи мудрецах* Греции см. "О дружбе", прим. 13.
23. Ср. ниже, 37; выше, I, 30.
24. ...*тот, кто убил тирана, хотя это и был очень близкий ему человек.* — Намек на убийство Цезаря. О *тирании* см. "О дружбе", прим. 91.
25. *Формула* — юридический термин, относящийся к тяжбам между частными лицами: городской претор, по ознакомлении с делом (in iure), назначал судью, бывшего частным лицом, и давал ему формулу, т.е. письменное разъяснение предмета тяжбы и составленное в виде условного периода указание, в каком случае судья должен признать иск и в каком случае должен в иске отказать. Формулярный процесс вначале применялся при тяжбах между чужеземцами, которые разбирал претор по делам чужеземцев (praetor peregrinus); в середине II в., на основании Эбуцияева закона, формулярный процесс начали применять и при тяжбах между римскими гражданами.
26. Историю Академии принято делить на три периода: 1) *Старая Академия* — непосредственные последователи Платона; во главе ее стояли Спевсипп и Ксенократ; 2) *Средняя Академия* — скептицизм, с двумя школами, Аркесилая и Карнеада; 3) *Новая Академия*: школа Филона из Лариссы, склонная к догматизму, и эклектически-догматическая школа Антиоха из Аскалона. Новую Академию Цицерон часто называет "*нашей*". См. "Об ораторе", III, 62 сл.; "Брут", 149.
27. Т.е. академики перипатетики.
28. Ср. *Ливий*, II, 32 (басня, рассказанная Менением Агриппой); *Сенека*, "О гневе", II, 31; *Ксенофонт*, "Меморабилии", II, 18.

29. ...встречая противодействие со стороны природы... — т.е. со стороны естественного права, в противоположность гражданскому (цивильному) праву.
30. Под *правом народов* (*ius gentium, ius Universum*) Цицерон понимает естественное право, вытекающее из уз между людьми (*societas generis humani*), созданных богами. См. ниже, 69.
31. Ср. Цицерон, "О государстве", III, 33; "О законах", I, 16 сл.; II, 8 сл.; "О природе богов", II, 79.
32. Ср. Цицерон, речь в защиту Сестия, 143; "О государстве", неизвестная книга, фр. 1; "О пределах добра и зла", II, 118 сл.; III, 66; "Тускуланские беседы", I, 32; Гораций, Оды, III, 3, 9; IV, 5, 36; 8, 29; Софокл, "Трахинянки", 1010 сл.; 1160.
33. Ср. выше, I, 153 сл.
34. ...я не вправе посягнуть в своих интересах на кого бы то ни было. — Особенность морали стоиков — сознание необходимости честных намерений. Ср. Цицерон, "Парадоксы стоиков", III.
35. О Фалариде см. прим. 32 к кн. II.
36. ...кого в нравственном отношении прекрасно убить... — Снова намек на убийство Цезаря, представляющееся Цицерону оправданным. Ср. выше, 19; II, 23.
37. Ср. Цицерон, "О государстве", II, 48.
38. Ср. Цицерон, "Тускуланские беседы", I, 5; "О пределах добра и зла", V, 83; Платон, "Менон", 86 E сл.
39. ...к нравственно-прекрасному надо стремиться... ради него самого. — Цицерон подчеркивает различие между учениями стоиков и перипатетиков, а далее свою принадлежность к Новой Академии.
40. Ср. выше, 11.
41. "...своим оружием..." — *Marte nostro*, поговорка. Ср. речь против Верреса, (II) III, 9; II филиппика, 95.
42. Зенон (332-262) родился в Киттии на Кипре, учился в Афинах у киника Кратеса и у академиков Ксенократа и Палемона; в 303 г. основал свою школу, названную стоической (от греческого *στοῖα ποικίλη* — портик, где он вел занятия).
43. Ср. выше, 11 и прим. 12.
44. ...кары, связанной с самим позором. — Положение стоицизма: доблесть сама по себе делает человека счастливым; наказание за совершенное зло связано с внутренней сущностью последнего и более тяжело, чем кара со стороны властей. Ср. Сенека, письмо 87, 24.
45. См. Платон, "Государство", II, 359 C; Геродот, I, 8 сл.
46. ...некоторые философы... — т.е. эпикурейцы. Ср. Цицерон, речь против Писона, 70; "Тускуланские беседы", I, 48; "О пределах добра и зла", II, 80.
47. Традиция приписывает консулу 509 г. Луцию Юнию Бруту ниспровержение царской власти и изгнание царя Тарквиния Гордого. Ср. Цицерон, I филиппика, 13.
48. Согласно традиции, династия Тарквиниев, этрусского происхождения, дала Риму его пятого царя, Тарквиния Приска, и седьмого, Тарквиния Гордого. Ср. Цицерон, "О государстве", II, 53; Ливий, I, 56 — II, 2 сл.
49. ...царем, основавшим город... — Ромул. См. "О государстве", II, 4 сл.
50. ...он убил брата... — т.е. Рема. См. Ливий, I, 7.
51. Квири́н — божество, с которым впоследствии был отождествлен обожествленный Ромул. См. "О государстве", II, 20; "О законах", I, 3; II, 19; Энний, "Анналы", I, фр. 117 Фален²; Гораций, Оды, III, 3, 16.
52. Хрисипп (около 280-204) — философ-стоик; родился на Кипре, учился в Афинах у Клеанфа, которого в 232 г. заменил как глава школы. Противник скептицизма академика Аркесилая.
53. ...выступать по делу столько времени, сколько позволяют законы. — Например, изданный в 52 г. Помпеев закон о соискании магистратур незаконными путями (*lex Pompeia de ambitu*) ограничивал тремя часами время произнесения обвинительной речи и двумя часами время защитительной речи.
54. Ср. Цицерон, "О государстве", VI, 26.

55. Ср. *Цицерон*, "О дружбе", 13; "О законах", I, 22; 24; 59; "О пределах добра и зла", V, 38; "Тускуланские беседы", I, 56; 64 сл.; 70; V, 38.
56. Это мог быть *Дионисий Старший* (см. II, 25, прим. 31) или его сын *Дионисий Младший*, тиранн Сиракуз с 357 г.; он был в 357 г. изгнан Дионом и стал тиранном Локр. Через 10 лет он снова завладел властью в Сиракузах, но в 343 г. был вынужден сдаться Тимолеонту и удалился в изгнание. Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", V, 63.
57. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", II, 79; "Тускуланские беседы", V, 63; *Валерий Максим*, IV, 7 est., 1.
58. См. выше, I, 35.
59. *Эгина* пала в 457 г. См. *Валерий Максим*, IX, 2 ext., 8; *Элиан*, "Пестрые рассказы", 11, 9.
60. Марк Юний *Пенн* был плебейским трибуном в 125 г., автор закона о чужеземцах. См. *Цицерон*, "Брут", 109; речи: В защиту Архия, 10; В защиту Бальба, 52.
61. Гай *Папий* был плебейским трибуном в 65 г. Папиев закон о чужеземцах был направлен против присвоения гражданских прав чужеземцами. См. *Цицерон*, речи: В защиту Архия, 10; I речь о земельном законе, 13; В защиту Сестия, 30; В защиту Бальба, 52.
62. О Луции Лицинии *Крассе* см. I, 108. О Квинте Муции *Сцеволе* см. I, 116. Лициниев-Муциев закон *de civibus redigundis* (95 г.) ограничивал предоставление гражданских прав, особенно латинянам. См. *Цицерон*, "Брут", 63; "Об ораторе", II, 257; речь в защиту Бальба, 48; 54.
63. В начале второй пунической войны Ганнибал взял Сагунт в 219 г., перешел через Альпы и нанес римлянам ряд поражений. После поражения римлян под *Каннами* срок траура был сокращен, и все усилия были направлены на восстановление армии; от выкупа пленных отказались; в войска были привлечены совсем молодые люди, рабы и осужденные преступники, которым обещали свободу; из храмов было изъято трофейное оружие. См. *Ливий*, XXII, 61; XXIII, 13.
64. *Ксеркс I* (485-465) — сын Дария I, в 480 г. возобновил войну против Греции, начатую его отцом. Он перешел через Геллеспонт, одержал в Фермопилах победу над спартанским царем Леонидом, вошел в Афины, но был разбит на море под о-вом Саламином и возвратился в Персию. Войска, оставленные им в Греции, были разбиты на суше под Платеями и на море под Микале. О Кирсиле см. *Демосфен*, речь о венке, 204.
65. См. *Плутарх*, "Фемистокл", XX; *Валерий Максим*, VI, ext., 2.
66. После разгрома пиратов, совершенного Помпеем в 67 г., они снова усилились во время гражданской войны 49-45 гг. "*Союзники*" — это Массилия и царь Дейотар, на которых Цезарь наложил дань. Ср. II, 28; II филиппика, 93 сл.
67. Учениками *Диогена Вавилонского* были *Антипатр* Тарсийский и Панэтий Родосский; последний был также и учеником Антипатра. См. "О старости", прим. 56.
68. Ср. выше, I, 11 сл.; 153; III, 26.
69. Ср. *Цицерон*, "О государстве", III, 29.
70. *Что это, как не неуказание пути заблудившемуся...* — Реминисценция из Энния; ср. выше, I, 51.
71. Ср. *Афиней*, "Пир софистов", VI, 35, 10 (238 F).
72. См. *Цицерон*, "Об ораторе", II, 280.
73. Гай *Аквилий* Галл был в 66 г. претором вместе с Цицероном; правовед. Ср. *Цицерон*, "Брут", 154; "О природе богов", III, 74; речь по делу Цецины, 77 сл. О формуле см. выше, прим. 25.
74. О Двенадцати Таблицах см. прим. 54 к кн. I.
75. Плеториев закон об охране интересов малолетних, т.е. граждан моложе 25 лет, от недобросовестности их опекунов был издан в 193/192 гг. Ср. *Плавт*, "Раб-обманщик", 303; "Канат", 1382.
76. ... в случае фидуциарного обязательства... — *Fiducia* — контракт, когда должник, в обеспечение своего займа, передавал заимодавцу свою вещь в виде залога на определенный срок (*Fiducia cum creditore contracta*); передача совершалась путем манципации (см. "О старости", прим. 90) или цессии (отступки от своего права) перед претором (*in iure cessio*).

Вещь можно было передать также и другу (*Fiducia cum amico contracta*) в виде депозита, с определенной целью, к выгоде одной или обеих сторон. Заимодавец обязывался возвратить залог после уплаты долга; невозвращение залога было поводом для иска (*actio fiduciae*). Возврат совершался путем реманципации.

77. О *Квинте Муции Сцеволе* см. выше, I, 116; II, 57.

78. Ср. *Энний*, "Медея-изгнанница", фр. 273 Фален²:

Мудрый, раз себе он не полезен, будет мудрым тщетно. —

Ср. *Цицерон*, письма к близким, VII, 6, 2 (135); XIII, 15, 2 (577); *Еврипид*, фр. 905 Наук².

79. *Гекатон Родосский* (IV в.) — ученик Панэтия, написал трактат "О долге".

80. О *Квинте Элии Тубероне* см. "О дружбе", прим. 66.

81. ...достаточно нести ответственность за то, что было названо словесно... — Имеется, в виду положение Таблицы VI, 1.

82. Об *авгурах*, *авгуриях* и *австициях* см. "О старости", прим. 26; "О дружбе", прим. 15. В каждом значительном римском городе имелась *крепость*, кремль. В Риме крепость находилась на малой вершине Капитолийского холма. *Центумал* и *Ланарий* нам неизвестны.

83. ...насчет всего того, что ему должно быть дано и для него сделано в соответствии с доверием. — Цицерон приводит преторскую формулу по поводу тяжбы и невыполнения соглашения; она предписывает судье вынести решение по закону, но руководствоваться также и доверием. Ср. *Гай*, Институции, IV, 47.

84. *Марк Порций Катон* — плебейский трибун 91 г., отец Катона Утического. См. *Цицерон*, "Брут", 222; *Авл Геллий*, XIII, 20, 14. [Отец Катона Утического не мог быть плебейским трибуном 91 г., так как он умер не позднее 91 г. (см. *Плутарх*, "Катон Младший", 1), добиваясь должности претора, а его плебейский трибунал относится к более раннему времени. (см. *Авл Геллий*, "Аттические ночи", XIII, 20, 14). Возможно, он был плебейским трибуном 99 г. (*Орозий*, V, 17, 11). — Прим. О. Любимовой.]

85. *Марк Марий Гратидиан* — внук Марка Гратидия, чья сестра была бабкой Цицерона. Усыновленный братом Гая Мария, он был плебейским трибуном в 87 г. и претором в 84 г.; казнен во время сулланских проскрипций. См. *Цицерон*, "О законах", III, 36; "Брут", 168; *Квинт Цицерон*, "Наставление по соисканию консулата", 10 (12).

86. *Гай Сергий Сил Ората* был известен своей роскошью в быту. См. *Цицерон*, "Об ораторе", I, 178; *Валерий Максим*, IX, I, 1.

87. Дом этот был предметом *сервитута*... — *Servitus* (рабство вещи, служение вещи) — вещные права, предоставлявшиеся собственнику "господствующего угодия" (*praedium dominans*): в строго определенных границах использовать соседнее угодье (*praedium serviens*). Сельские (древнейшие) сервитуты: право прохода и проезда через земли соседа, прогона и водопоя скота, проведения и черпания воды. Городские (позднейшие) сервитуты: право делать крышу с проникновением в воздушное пространство соседа, опирать балки на стену соседа, опирать постройку на чужую опору; право стока дождевой воды, спуска воды, проведения канала для нечистот; право требовать, чтобы не были застроены окна дома, чтобы не был испорчен вид из окон, чтобы соседнее строение было не выше определенной меры. Сервитуты приобретались путем манципации.

88. О *манципации* см. "О старости", прим. 90.

89. О *Луции Лицинии Кассе* см. I, 108 и прим. 149. О *Марке Антонии* см. II, 49 и прим. 74.

90. Ср. выше, I, 50 сл.

91. О *праве народов* см. прим. 30. Под *гражданским правом* (*ius civile*) Цицерон понимает законы, постановления сената, решения суда, эдикты магистратов, разъяснения правоведов. См. *Цицерон*, "Тописка", 29; "Об ораторе", I, 166 сл.

92. Ср. *Гораций*, Послания, II, 2, 1 сл.

93. См. *Авл Геллий*, IV, 2; *Варрон*, "О сельском хозяйстве", II, 10, 5.

94. *Луций Минуций Базил* — возможно, участник заговора против Цезаря. [Этот *Луций Минуций Базил* не может быть участником заговора против Цезаря, поскольку он умер раньше, чем *Красс* и *Гортензий*, а убийство Цезаря (44 г. до н.э.) произошло, когда их обоих уже не было в живых (*Красс* погиб в 53 г., *Гортензий* умер в 50 г.). Возможно, это приемный

отец заговорщика. — Прим. О. Любимовой.] Ср. Цицерон, II филиппика, 107; письма: К Аттику, XI, 5, 3 (410); К близким, VI, 5 (701); Цезарь, "Галльская война", VI, 29; VII, 90; Валерий Максим, IX, 4, 1.

95. О Марке Крассе см. прим. 28 к кн. I; о Квинте Гортенсии — прим. 91 к кн. II.

96. Марк Сатрий, усыновленный Басилом, стал именоваться Марком (или Луцием) Минуцием Басилом Сатрианом. См. прим. 94.

97. Здесь текст, по-видимому, испорчен. Возможно, что позорная известность связана с тем, что римские граждане, живущие в этих областях, вынуждены выбирать себе патрона, словно они — покоренный Римом народ. См. I, 35.

98. См. I, 28 сл.

99. ...щелкнув пальцами... — поговорка; таким образом господин звал своего раба. Ср. Плавт, "Хвастливый воин", 206; Тибулл, Элегии, I, 2, 32; Петроний, Сатиры, 27; Марциал, Эпиграммы, III, 82, 15.

100. О пляске см. I, 150 и прим. 213. Это было бы неподобающим поступком, нарушением четвертого положения о нравственной красоте. Ср. I, 93 сл.; III, 93.

101. Гай Флавий Фимбрия — консул 104 г., оратор; был убит во времена господства Цинны. Цицерон называет его здесь консулом, чтобы отличить его от Фимбрии, легата Луция Валерия Флакка, проконсула Азии в 85 г. См. Цицерон, "Брут", 129; "Об ораторе", II, 91.

102. Спонсия — словесное соглашение при обязательствах и тяжбах между римскими гражданами, состоявшее в обмене торжественными заявлениями в виде вопроса и ответа: "Обязуешься ли ты...?" — "Обязуюсь..." (Spondesne? — Spondeo.). В древнейшее время спонсия носила также и сакральный характер. См. Авл Геллий, XIV, 2, 4 сл.

103. О Сократе см. прим. 137 к кн. I. Цицерон, по-видимому, имеет в виду учение Сократа о единстве доблести. См. Платон, "Протагор", 329 С сл.; 349 В сл.

104. ... "с ним играли на пальцах в потемках"... — поговорка. Игра состояла в том, что один участник ее быстро поднимал руку с тем или иным числом выпрямленных пальцев, а другой называл их число. Ср. Цицерон, "О пределах добра и зла", II, 52; Светоний, "Божественный Август", 13; Петроний, Сатиры, 44.

105. См. выше, 38.

106. О Гае Марии см. прим. 108 к кн. I. Саллюстий ("Югурта", 63 сл.) описывает этот эпизод несколько иначе.

107. Квинт Цецилий Метелл — консул 109 г., получил прозвание "Нумидийский" после победы над царем Югуртой. В 101 г. он добровольно удалился в изгнание, отказавшись дать клятву соблюдать земельный закон Луция Аппулея Сатурнина. В глазах Цицерона он был образцом древней римской доблести. См. речи: Против Верреса, (II) IV, 147; В сенате по возвращении из изгнания, 25; О доме, 87; В защиту Сестия, 37, 130; В защиту Целия, 59; письма: К Аттику, I, 16, 4 (22); К близким, I, 9, 16 (159).

108. Вначале Югурта был союзником Рима и в 133 г. участвовал в войне против Нуманции; но после его воцарения в Нумидии между ним и Римом началась война. В 111 г. Югурта, за взятку, добился от консула Луция Кальпурния Бестии заключения выгодного для себя мира, но сенат не утвердил этого договора, и война возобновилась. Под командованием Спурия Постумия Альбина, затем Квинта Метелла и, наконец, Гая Мария римляне одержали ряд побед, и Югурта, преданный своим тестем Бокхом, царем Мавретании, был взят в плен и казнен в Риме после триумфа Мария в 105 г.

109. О Марке Марии Гратидиане см. выше, 67. Ср. Плиний, "Естественная история", XXXIII, 132; XXXIV, 27; Сенека, "О гневе", XVIII, 1.

110. ...упорядочить положение с монетой... — Во время второй пунической войны, когда Ганнибал вторгся в Италию, в Риме была выпущена неполноценная серебряная монета, что вызвало затруднения при платежах и расчетах. См. Плиний, XXXIII, 9, 46.

111. О ростах см. "О старости", прим. 79.

112. ...ему казалось весьма полезным. — Но этого не произошло, так как Марк Марий Гратидиан был казнен Суллой; см. прим. 85.

113. ... *тот, кто даже тестем своим пожелал иметь человека, благодаря дерзкой отваге которого он мог бы стать могущественным.* — Имеется в виду Помпей, который весной 59 г. женился на Юлии, дочери Цезаря, для чего был расстроен ее предполагавшийся брак с Сервилием Цепионом. См. *Плутарх*, "Цезарь", XIV; "Помпей", XLVII; *Светоний*, "Божественный Юлий", 21.
114. *Еврипид*, "Финикиянки", 524 сл. Ср. I, 26. См. *Светоний*, "Божественный Юлий", 30, 5.
115. *Этеокл* и *Полиник*, сыновья *Эдипа* и *Иокасты* (*миф.*), изгнав своего отца после того, как был обнаружен инцест, условились царствовать поочередно по году. *Полиник* покинул *Фивы*, но когда он через год возвратился, чтобы воцариться на год, то *Этеокл* ему в этом отказал. *Полиник* обратился за помощью к *Адрасту*, царю *Аргоса*, и пошел войной на *Фивы*. Братья пали на поединке. Трагедия *Еврипида* на эту тему до нас не дошла.
116. *Еврипид* (480-406) — родился на о-ве *Саламине*, был слушателем *Анаксагора* и *Сократа*; в 441 г. как трагический поэт одержал в *Афинах* победу над *Софоклом*; автор ряда трагедий.
117. ...*быть царем римского народа и властелином над всеми племенами...* — т.е. Цезарь. См. *Светоний*, "Божественный Юлий", 79 сл. О царской власти см. "О дружбе", прим. 64.
118. ...*отцеубийство отечества...* — *Parricidium* — убийство римского гражданина, отца, главы ветви рода (*pater familias*); оно каралось так называемой *роена cullei*: убийцу зашивали в кожаный мешок и топили в реке или в море. "Отцеубийство отечества" (*parricidium patriae*) — частое выражение у Цицерона. Ср. речи: В защиту *Секста Росция*, 28 сл.: В защиту *Суллы*, 6; О своем доме, 133; Против *Ватиния*, 35; В защиту *Планция*, 70; II *филиппика*, 17; IV *филиппика*, 5; XI *филиппика*, 29.
119. Цезарь был провозглашен *отцом* отечества (*parens patriae*) после своей победы над *помпеянами* под *Мундой* (45 г.); Цицерон — в 63 г. после подавления движения *Катилины*. См. *Цицерон*, речи: В защиту *Сестия*, 121; Против *Писона*, 6; *Ювенал*, *Сатиры*, VIII, 244.
120. Ср. *Цицерон*, "О государстве", II, 52; *Ливий*, I, 49 сл.
121. *Акций*, "Атрей" (?), фр. 651 *Риббекк*². *Луций Акций* родился в 170 г. в *Писавре*; автор около 50 трагедий.
122. По мифу, *Пелоп* был сыном *Тантала*, сына *Зевса*. У *Пелопа* были сыновья *Фиест* и *Атрей*; *Тантал* убил *Пелопа* и его мясом угостил богов; *Пелоп* был воскрешен богами; он считался основателем олимпийских игр. Цицерон часто упоминает о *пелопидах*. См. *Письма*: К близким, VII, 28, 2 (475); 30, 1 (696); К *Аттику*, XIV, 12, 2 (716); XV, 11, 3 (746).
123. ...*государство... заставил служить себе.* — Имеется в виду Цезарь.
124. См. I, 38 сл.; *Авл Геллий*, III, 8; *Валерий Максим*, VI, 5, 1.
125. *Луций Марций Филипп* — консул 91 г., противник реформ *Марка Ливия Друса*; см. I, 108; "Брут", 173. *Марции* считали своим родоначальником царя *Анка Марция*.
126. *Марк Порций Катон* — плебейский трибун 62 г., сторонник сената в гражданской войне; после поражения *Помпея* под *Фарсалом* бежал в *Африку* и покончил с собой в *Утике* после победы Цезаря под *Тапсом*. Последователь стоицизма. После его смерти Цицерон выпустил брошюру под названием "Катон", в которой он прославлял заслуги *Катона*. Цезарь и *Авл Гирций* ответили на нее брошюрами под названием "Антикатон". См. *Цицерон*, письма к *Аттику*, XII, 40, 1 (589); 41, 4 (593); 44, 1 (595); 47, 3 (599); 45, 3 (600); XIII, 50, 1 (671); 51, 1 (673). Посмертно Катон был прозван *Утическим*.
127. ...*во всем отказывал откупщикам...* — В конце 61 г. римские всадники, взявшие на откуп сбор податей и пошлин в провинции *Азии*, потребовали от сената уменьшения откупной платы. *Марк Лициний Красс*, заинтересованный материально, поддержал их требование, *Катон* отверг его. Цицерон, по политическим соображениям, поддерживал откупщиков, стремясь сохранить "согласие между сословиями". Цезарь во время своего первого консулата (59 г.) провел закон об уменьшении откупной платы на одну треть. См. *Цицерон*, речь в защиту *Мурены*, 83; письма к *Аттику*, I, 17, 9 (23); 18, 7 (24); II, 1, 8 (27); *Дион Кассий*, XXXVIII, 7, 4; *Светоний*, "Божественный Юлий", 20. О согласии между сословиями см. прим. 134 к кн. II.
128. По-видимому, имеется в виду получение *Катоном* для *Рима* наследства, будто бы завещанного *Риму* царем *Кипра* *Птоломеем*. В 58 г. *Публий Клодий* провел закон о

- превращении Кипра в римскую провинцию. Это поручение было возложено на Катона. См. *Цицерон*, речи: О доме, 20; 52; 65; В защиту Сестия, 57 сл.
129. *Колон* — здесь арендатор.
130. О Гае Скрибонии *Курионе* см. II, 59 и прим. 103. Весной 68 г. Цезарь потребовал от сената предоставления прав римского гражданства транспаданцам, но получил отказ, как и в 65 г., когда был курульным эдилом. В 59 г., на основании Ватиниева закона, Цезарь получил широкие полномочия в Цисальпийской Галлии. Он основал в 51 г. в Транспаданской Галлии колонию римских граждан Новый Ком и собирался предоставить транспаданцам права римского гражданства, что явилось бы превышением власти проконсула. Консул Марк Клавдий Марцелл предложил сенату отозвать Цезаря и велел задержать в Риме и наказать розгами члена совета колонии Новый Ком. См. *Цицерон*, письма: К Аттику, V, 2, 3 (184); 3, 1 (185); 11, 2 (199); К близким, VIII, 1, 2 (191); *Светоний*, "Божественный Юлий", 28; *Плутарх*, "Цезарь", XXIX.
131. См. выше, 63.
132. Ср. *Цицерон*, "О государстве", III, 30.
133. О *Диогене* Вавилонском и об *Антипатре* см. выше, 51.
134. Ср. выше, 71; "О государстве", III, 29.
135. Ср. "О государстве", III, 29.
136. ...*договоры*... "не заключены ни самоуправно, ни по злему умыслу"... Эдикт городского претора предусматривал, что договоры, заключенные даже без соблюдения формальностей, имеют силу. См. "Дигесты", II, 14, 7, 7.
137. Ср. *Цицерон*, "О предвидении", I, 13.
138. Ср. выше, 75.
139. Об этом и следующем примере см. *Цицерон*, "О природе богов", III, 76; *Овидий*, "Метаморфозы", II, 1-332.
140. "Мачеха" — это Федра. См. *Еврипид*, "Ипполит", 43 сл.; 1315 сл.; *Платон*, "Законы", III, 687 С — Е; *Сенека*, "Федра", 903 сл.
141. На эту тему Еврипид написал трагедию "Ифигения в Авлиде", дошедшую до нас. В подражание ему, Энний написал трагедию "Ифигения" (до нас дошли фрагменты). См. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", IV, 77.
142. См. *Публилий Сир*, Изречения, 157; *Сенека*, "О гневе", I, 19, 8.
143. См. I, 15 сл.
144. См. выше, 50 сл.
145. См. выше, 21 сл.
146. См. ниже, 97 сл.
147. См. ниже, 116 сл.; выше, I, 7; "О пределах добра и зла", V, 15.
148. Одиссей (Улисс) предложил всем претендентам на руку Елены поклясться в том, что они подчинятся ее выбору. О безумии Одиссея см. *Овидий*, "Метаморфозы", XIII, 36; *Плиний*, XXXV, 129. Софокл написал трагедию "Одиссей безумствующий".
149. ... *с родителями, женой и сыном*. — С отцом Лаертом, женой Пенелопой и сыном Телемахом.
150. См. *Акций* (?), "Суд об оружии", фр. 55 сл. Риббекк². Ср. *Гомер*, "Одиссея", XI, 512 сл.; *Овидий*, "Метаморфозы", XIII, 1-138. Трагедию на эту тему написал также и Пакувий. Об *Аяксе* см. выше, I, 113.
151. ...*сразиться с морскими волнами*... — Намек на бурю, описанную в V песни "Одиссеи".
152. О *Марке Атилии Регуле* см. выше, I, 39 и прим. 60; "О старости", 75 и прим. 162. Второй консулат Регула — в 456 г.
153. Во время первой пунической войны спартанец *Ксантипп* предложил карфагенянам дать римлянам битву на равнине, где слоны карфагенян и их конница создали бы им превосходство. Это и решило исход битвы, когда *Регул* был взят в плен. Упомянутой Цицероном засады не было.
154. *Гамилькар* Барка заставил своего сына *Ганнибала* еще в детстве поклясться в вечной ненависти к римлянам. Вопреки утверждению Цицерона, Гамилькар встал во главе войска

карфагенян только в 248 г. Впоследствии он завоевал Испанию; умер в 229 г. Цицерон пользуется римским термином "император".

155. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", II, 65; "Парадоксы", II, 16; *Гораций*, Оды, III, 5, 41 сл.; *Валерий Максим*, I, 1, 14; *Авл Геллий*, VI, 4.

156. ...считаем все это своей первой и высшей целью... — Речь идет о высшем благе в понимании стоиков; к нему надо стремиться ради него самого; нравственно-прекрасное и полезное неразрывно связаны между собою, так что мы, стремясь к первому, непременно достигаем также и второго.

157. Ср. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", I, 10 сл.

158. ...утверждают, что божество не знает забот и не создает их другому... — Имеются в виду эпикурейцы; ср. выше, II, 59; "О законах", I, 21; "О природе богов", I, 42 сл.; *Эпикур*, письмо к Менекею, 1 сл.; *Лукреций*, "О природе вещей", II, 646 сл.; *Гораций*, Сатиры, I, 5, 101.

159. ...думают, что божество всегда что-нибудь делает и совершает... — Имеются в виду стоики. См. *Цицерон*, "О природе богов", II, 75 сл.

160. См. выше, II, 12; ниже, 104; *Сенека*, "О гневе", II, 27, 1.

161. См. выше, 3.

162. *Акций*, "Атрей", фр. 227 сл. Риббекк². Диалог между Фиестом и Атреем.

163. *Энний*, "Фиест" (?), фр. 403 Фален². О божестве *Верность* см. *Цицерон*, "О законах", II, 19; 28; *Гораций*, Оды, I, 35, 21; IV, 5, 20; Юбилейный гимн, 57.

164. Ср. *Цицерон*, "О природе богов", II, 61; *Ливий*, I, 21, 4. Храм божества *Верности* был построен консулом 258 г. Авлом Атилием Калатином и восстановлен в 115 г. консулом Марком Эмилием Скавром.

165. Эта речь Марка Катона Цензория нам неизвестна.

166. ...самые авторитетные философы... — т.е. стоики. Ср. выше, II, 10; "Тускуланские беседы", II.

167. См. "Тускуланские беседы", II.

168. Первые — это стоики; см. выше, 3. Вторые — перипатетики, в частности Кратипп, наставник молодого Цицерона.

169. См. выше, 102 и прим. 162.

170. См. I, 97 сл.

171. См. I, 34 сл.

172. См. I, 40.

173. *Евритид*, "Ипполит", 612. Перевод И. Ф. Анненского.

174. О *фециалах* см. прим. 49 к кн. I.

175. *Тит Ветурий* и *Спурий Постумий Альбин* были консулами в 334 и 321 гг. В 321 г., во время второй самнитской войны, римские войска, вступившие в Кавдинское ущелье и запертые в нем, сдались без боя. Победитель мог заставить сдавшиеся ему войска, в виде унижения, пройти "под ярмом", т.е. под копьем, прикрепленным к двум копьям, воткнутым в землю. См. *Ливий*, III, 28; IX, 1 сл.; *Валерий Максим*, VI, 1, 9.

176. Тит Ливий говорит о плебейских трибунах Луции Ливии и *Квинте Мелии*, вначале не соглашавшихся на свою выдачу врагу, но затем последовавших примеру *Спурия Постумия* и согласившихся на нее. См. *Ливий*, IX, 8, 13; 10, 1.

177. В 137 г., во время войны в Испании, консул *Гай Гостилий Манцин* по своему почину заключил договор о капитуляции 40-тысячной армии, окруженной 4 000 нумантинцев, и о мире с Нуманцией. Сенат не утвердил этого договора и, по предложению консула *Луция Фурия* Фила, постановил выдать Манцина нумантинцам, но они его не приняли, не согласившись на расторжение заключенного договора. *Секст Атилиий Серран* был консулом в 136 г. *Квинт Помпей Непот* был консулом в 141 г., "новый человек"; в 140 г. как проконсул он заключил с нумантинцами договор, подобный заключенному Манцином; договор этот был аннулирован сенатом, постановившим продолжать войну. См. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", II, 54; "Брут", 103; речи: По делу Цецины, 98; Об ответе гаруспиков, 43.

178. ...насилие было бы возможно применить к храброму мужу... — Положение стоицизма: насилие возможно над телом человека, но не над его душой. Ср. *Цицерон*, "Парадоксы", II, 16; *Гораций*, Послания, I, 16, 73.
179. Ср., I, 39; III, 100 сл.
180. Ср. *Цицерон*, "О законах", II, 22.
181. ...священные законы... — Древние законы, нарушение которых каралось обречением виновного, вместе с его семьей и имуществом, богам. Сюда относилось и насилие над личностью плебейского трибуна.
182. *Цензоры* обладали также и правом надзора за нравами (*regimen morum*). Своим замечанием (*nota*) они могли лишить гражданина некоторых прав или преимуществ. В своих эдиктах они указывали правила поведения. Сенатора, чем-либо себя запятнавшего, они были вправе исключить из сената.
183. *Луций Манлий Капитолийский Империйос* — был диктатором в 363 г. *Марк Помпоний* был плебейским трибуном в 362 г.
184. *Тит Манлий* был избран в военные трибуны в 362 г. Он был диктатором в 353 и 349 гг. В 340 г. велел казнить своего сына за то, что тот во время войны с латинянами нарушил запрет сражаться вне строя и вступил в единоборство с предводителем врагов. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", I, 23; *Ливий*, VII, 3, 8-5, 9, 9, 8-10, 14; VIII, 7, 1 сл.; *Валерий Максим*, V, 4, 3. "*Торкват*"- от слова *torques*, витое ожерелье.
185. См. выше, I, 40; *Ливий*, XXII, 58, 1-61; XXIV, 18, 5-6; *Валерий Максим*, II, 9, 8; *Авл Геллий*, VII, 18.
186. *Полибий* (около 200-120) был после битвы под Пидной (168 г.) как заложник, привезен в Рим, где он сблизился со Сципионом Эмилианом, при котором был во время разрушения Карфагена (146 г.). Его "История" состояла из 40 книг (большинство их утрачено) и начиналась с 220 г.
187. *Луций Эмилий Павел* — отец *Луция Эмилия Павла* Македонского, был консулом в 219 и 216 гг. В 216 г. его коллегой был *Гай Теренций Варрон*, который нашел нужным дать битву *Ганнибалу*; Павел стоял за выжидательную тактику. Сражение, начатое Варроном под *Каннами*, закончилось разгромом римлян. Павел пал в бою, Варрон бежал. Солдаты, о которых здесь говорится, были оставлены для защиты лагеря. См. *Ливий*, XXII, 59, 9.
188. См. *Полибий*, VI, 58, 13.
189. *Гай Ацилий*, который в 155 г. сопровождал греческих послов как переводчик, написал на греческом языке историю Рима, которая была переведена на латинский. См. *Ливий*, XXV, 39, 12; XXXV, 14, 5.
190. Об *Аристиппе* см. выше, I, 149 и прим. 209.
191. ...философы, которых *Аристипп* назвал *киренскими* и *анникерийскими*... — *Анникерид Киренский* основал около 300 г. в Александрии философскую школу, получившую его имя. Его учение было средним между учениями *Аристиппа* и *Эпикура*.
192. Об *Эпикуре* см. "О старости", прим. 101.
193. ..."*в пешем и конном строю*"... — Поговорка. См. *Цицерон*, письмо к близким, IX, 7, 1 (461); VIII филиппика, 21.
194. *Метродор* из Лампсака (ок. 331-278) был учеником *Эпикура*. См. *Цицерон*, "Тускуланские беседы", II, 17; "О пределах добра и зла", II, 92.
195. Ср. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", II, 69.
196. ..."*вода останавливается*"... — Поговорка, основанная на пользовании *клепсидрой* (водяные часы). Ср. *Цицерон*, письмо к брату *Квинту*, II, 6 (8), 2 (106).
197. См. *Цицерон*, "О пределах добра и зла", I, 37; "Тускуланские беседы", III, 47; *Авл Геллий*, II, 6, 10.
198. ...связывают их с наслаждением или с пользой. — Примечательно осуждение эпикурейского понятия о дружбе, высказанное Цицероном в его последнем произведении. Друг Цицерона "эпикуреец" *Аттик* вскоре после его смерти установил добрые отношения с *Октавианом* и даже с *Марком Антонием*. См. *Корнелий Непот*, "Аттик", 9, 3; 10, 4 сл.

199. ...*всякое наслаждение противно нравственной красоте*. — В соответствии с положением стоицизма, гласящим, что предметом наших стремлений должно быть только нравственно-прекрасное. Ср. I, 6; III, 11; 33.
200. *Каллифонт и Диномах*. — Это философы мало известны. Ср. *Цицерон*, "Учение академиков", II, 131; 139; "О пределах добра и зла", V, 21; "Тускуланские беседы", V, 85.
201. Ср. "О пределах добра и зла", II.
202. Ср. *Теренций*, "Самоистязатель", 195 сл.
203. ...*должен будешь принять эти три книги как чужеземцев*... — Так как в них излагается учение стоиков, а молодой Цицерон — слушатель перипатетика Кратиппа.
204. ...*если бы отечество громким голосом не отозвало меня с полпути*... — Цицерон выехал в Грецию из Италии 21 июля 44 г. с тем, чтобы возвратиться в Рим к 1 января 43 г.; но противные ветры и политические события заставили его повернуть назад, и он возвратился в Рим 31 секстилия (августа) 44 г. Встретиться с сыном ему не пришлось, так как он был убит в начале декабря 43 г. См. письма: К Аттику, XIV, 7, 2 (710); XVI, 7, 5 (783); К близким, X, 1, 1 (787); XII, 25, 3 (825); К Бруту, I, 15, 5 (913); I филиппика, 7 сл.; *Плутарх*, "Цицерон", XLIII.

СОДЕРЖАНИЕ

- Книга I (стр. 1)
Книга II (стр. 42)
Книга III (стр. 68)